АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

277

БИБЛИОТЕКА
Сыктывкарского
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени 30-летия СССР

УНИВЕРСИТЕТ
№

2

МАРТ — АПРЕЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1952

СОДЕРЖАНИЕ

В. В. Виноградов. Понятие внутренних законов развития языка в общей системе марксистского языкознания 3
А. П. Баранников. Элементы сравнительно-исторического метода в индологической лингвистической традиции 44
Н. И. Фельдман. О специфике небольших двуязычных словарей 62
С. И. Ожегов. О трех типах толковых словарей современного русского языка 85
Н. Ю. Шведова. К вопросу об общенародном и индивидуальном в языке писателя 104

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Ю. С. Сорокин, *А. Ф. Ефремов*, Язык Н. Г. Чернышевского 126

ХРОНИКА И ИНФОРМАЦИЯ

А. С. Чикобава, Г. В. Церетели, В. М. Беридзе. Языковедческая работа в Советской Грузии 138
Н. А. Оссовецкий. Вопросы современной белорусской орфографии . . 151
Е. Т. Черкасова. Обсуждение статьи «За творческую разработку проблем языкознания», помещенной в «Правде» 156

Редколлегия:

С. Г. Бархударов, Н. А. Баскаков, Е. А. Бокарев (секретарь редколлегии), *Р. А. Будагов, В. В. Виноградов* (главный редактор), *А. И. Ефимов, Н. А. Кондрашов, Н. И. Конрад, В. Г. Орлова, Г. Д. Санжеев* (зам. главного редактора), *В. М. Филиппова, А. С. Чикобава, Н. Ю. Шведова.*

Адрес редакции: Москва, Волхонка, 18/2, тел. К-4-01-28.

Т-01600 Подписано к печати 11. IV. 1952 г. Тираж 15000 экз. Зак. 145
Формат бум. 70×108¹/₁₆ Бум. лист. 5 Печ. л. 13,70 Уч.-изд. л. 15,3

2-я типография Издательства Академии Наук СССР, Москва Шубинский пер., 10

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 2 1952

В. В. ВИНОГРАДОВ

ПОНЯТИЕ ВНУТРЕННИХ ЗАКОНОВ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА В ОБЩЕЙ СИСТЕМЕ МАРКСИСТСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

1

В труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» с поразительным лаконизмом и убеждающей силой строгой и ясной мысли изложена стройная теория марксистского языкознания. Обобщая, развивая и углубляя взгляды Маркса, Энгельса, Ленина на общественную природу языка, на огромное значение его в истории человечества, на закономерности его развития, И. В. Сталин впервые в истории науки о языке дал точное определение сущности языка как общественного явления, его специфических особенностей в ряду других общественных явлений, функций его как средства общения и обмена мыслями между всеми членами общества. И. В. Сталин четко разграничил основные составные части или конструктивные элементы языка, наглядно показав их соотношение и взаимодействие. Он ярко осветил своеобразие языковой структуры, раскрыв в связи с этим общую тенденцию развития языка, состоящую в различии, неравномерности темпов изменений устойчивой «основы» языка и подвижной части словарного состава. В структуре языка, образующей единое целое, все составные части или элементы ее находятся в закономерных отношениях, в закономерной связи друг с другом: звуковой строй, грамматика, словарный состав с его внутренним ядром — основным словарным фондом,— взаимосвязаны и взаимообусловлены. Особенную роль в структуре языка, в его организации играет грамматика и основной словарный фонд, составляющие его основу, «сущность его специфики».

И. В. Сталин подчеркнул, что именно эта сущность специфики языка образует качество языка вообще — в отличие от классового диалекта,— и что именно особенностями грамматического строя языка и его основного словарного фонда определяется качественное своеобразие каждого общенародного языка, его самобытность, его национальная специфика. Устойчивостью этой основы языка объясняется устойчивость языка в целом, его колоссальная сопротивляемость всякой насильственной ассимиляции. Неравномерность темпов изменений разных сторон языка — очень устойчивого в своей основе — не приводит к распаду его структуры, не нарушает его структурной цельности или целостности, внутреннее единство и вместе с тем внутреннее развитие которой, естественно, предполагает противоречия, борьбу старого и нового. Из сталинского учения о языке как продукте целого ряда эпох, о неравномерности развития разных сторон языка следует, что в современном (так же как и в любом) состоянии языка

рядом с недавними, новыми и новейшими языковыми образованиями и явлениями уживаются факты древнейших времен. С этими специфическими особенностями структуры языка как общественного явления органически связано и своеобразие законов его развития. И. В. Сталин ясно и точно охарактеризовал последовательный ход процесса развития языка путем постепенного развертывания и совершенствования основных элементов его структуры и наметил критерии оценки и приемы анализа исторического совершенствования языка. И. В. Сталин указал на методологическую необходимость и плодотворность изучения языка и законов его развития в неразрывной связи с историей общества, с процессом последовательных исторических трансформаций таких общностей, как племя, народность, нация. Глубокое марксистское определение существа языка как общественного явления, тщательно обоснованное историческими фактами объяснение его структуры и характерных признаков, общих тенденций его развития, установление отношения языка к производству, базису, надстройке, его неразрывной связи с мышлением, основных этапов и процессов его историко-общественного движения — все это вплотную приблизило науку о языке к достижению главной ее цели — к пониманию и установлению законов развития языка.

2

Выяснение и конкретизация вопроса о законах развития языка в системе марксистского языкознания неразрывно связаны с качественно новым определением понятий *закон*, *развитие*, а также *внутренние законы развития* разных общественных явлений в философии диалектического и исторического материализма.

Понимание закона в жизни и истории языка менялось в связи с развитием языкознания. Оно зависело от философских основ разных лингвистических теорий. На понимание существа языкового закона оказывали влияние также оттенки бытового словоупотребления. У современных языковедов широко распространено применение слова «закон» к области языковых явлений в том смысле, который установлен младограмматиками и их преемниками. Соответствующая сфера пережиточных представлений о «лингвистическом законе» отчасти отражается вплоть до настоящего времени и у советских языковедов на разных толкованиях сущности внутренних законов развития языка.

Термин «закон» по отношению к языку в до-марксистской лингвистике был лишен устойчивого содержания. Например, у В. А. Богородицкого в «Общем курсе русской грамматики» читаем: «...в области языка можно говорить лишь о законах, касающихся постоянства явления при одних и тех же условиях, но непременно в том же самом языке и говоре и в одну и ту же эпоху... Сила звуковых законов, как и вообще законов языка, основывается на силе памяти и привычки» [1]. Даже о звуковых законах, которые первоначально наделялись силою «слепой необходимости», Б. Дельбрюк писал в своем «Введении в изучение языка» (Einleitung in das Sprachstudium), что они — «...не что иное как единообразия, возникающие в известном языке и в известное время и имеющие силу только для этого языка и времени. Применимо ли вообще к ним выражение «закон», остается сомнительным... Язык слагается из человеческих поступков и действий (Handlungen), и поэтому звуковые законы относятся

---

[1] В. А. Богородицкий, Общий курс русской грамматики, изд. 5-е, 1935, стр. 37, примеч. I.

не к учению о закономерности в явлениях природы, а к учению о закономерности человеческих поступков, повидимому, произвольных» [2].

В очерках общего языкознания и специальных лингвистических работах даже самого последнего времени можно найти и гораздо более шаткие рассуждения о звуковом законе. Так, в «Общем языковедении» проф. А. И. Томсона (гл. V, § 6) — в соответствии со сходными мыслями Г. Пауля в его «Принципах истории языка» — сущность звукового закона сводится к простому констатированию того факта, что «в известное время в определенной языковой группе произошло такое-то звуковое изменение». Некоторые лингвисты вносят еще большие ограничения в понимание характера и сферы действия звукового закона, подчеркивая, что многие фонетические процессы носят спорадический характер. По мнению этих лингвистов, «звуковой закон» обозначает лишь то, что «звуковое изменение произошло в таких-то и таких-то словах и примерах». Аналогичное понимание звукового закона содержится в статье проф. А. М. Селищева «Критические заметки по истории русского языка»[3].

Нередко закон праязыка строился ради двух, трех примеров, исключений же из него оказывалось гораздо больше. Необходимость объяснить эти исключения приводила к созданию нового звукового закона, вытесняющего прежний закон, и, таким образом, звуковые законы, по меткому выражению Брюкнера, «как листья, весной появляются, осенью опадают»[4].

Последовательность и регулярность отдельного звукового изменения, условно названного «законом» (например, закон о переходе *е* в *о* в русском языке и т. п.), в некоторых случаях ограничивались действием аналогии. По отношению к другим сторонам языка термин «закон» применялся в еще более условном смысле и вызывал ироническое отношение к себе со стороны очень видных языковедов (например, со стороны Ф. де Соссюра. См. «Курс общей лингвистики», русск. перев., стр. 96—97). Антиисторизм современного буржуазно-идеалистического языкознания мог привести лишь к ликвидации самого понятия «лингвистического закона» или к его чудовищным извращениям. Так, структуралисты готовы считать «законами» те всевременные или вневременные отношения и связи (чаще всего парные) между элементами языковой структуры, которые они устанавливают путем опустошения и антиисторической схематизации самых разнообразных языковых категорий и явлений. Разрыв и противопоставление «синхронии» и «диахронии» не позволяют связывать даже с понятием фонетического закона историческую последовательность изменений звуковой системы языка. Но если в области фонетики по традиции еще говорилось о законах [5], то по отношению к изменениям в других сторонах языка чаще употреблялось слово «тенденция». Так, Вандриес в своей книге «Язык» утверждает, что «две основные тенденции главенствуют в морфологических изменениях. Одна проистекает от потребности в единообразии, требующей уничтожения морфем, ставших анормальными («исключениями»); другая же — от потребности в выразительности, стремящейся создавать новые морфемы... Необходимость в единообразии удовлетворяется посредством аналогии»[6].

---

[2] Б. Дельбрюк, Введение в изучение языка. Из истории и методологии сравнительного языкознания, русск. перев., Спб., 1904, стр. 13.

[3] Ученые записки Московского городского педагогического института, кафедра русского языка, выпуск I, т. V, стр. 175—196.

[4] См. Kuhns Zeitschrift, 42 т., стр. 384.

[5] Ср. брошюру A. Rosetti, Les changements phonétiques, Aperçu générale, Copenhague — Bucuresti, 1948.

[6] Ж. Вандриес, Язык, русск. перев., Москва, 1937, стр. 152.

Теория Марра вообще уводила от познания законов развития языка как специфического общественного явления. Она отождествляла законы развития языка с законами смены и развития надстройки или же произвольно навязывала языку цепь фантастических стадиальных трансформаций, связывая с нею не менее фантастические универсальные «законы семантики».

Обратившись к курсу «Введения в языковедение» проф. Р. О. Шор и Н. С. Чемоданова, пропитанному влиянием так называемого «нового учения» о языке, мы находим здесь двойственное понимание законов языка. С одной стороны, повторяется то же определение фонетического закона, которое типично для младограмматиков, впрочем, с оговорками, внесенными А. Мейе, Ж. Вандриесом и другими компаративистами этого толка. С другой стороны, Р. О. Шор и Н. С. Чемоданов рекомендуют «искать закономерности движения языка в той стороне его бытия, которая более непосредственно отражает социальную обусловленность языка,— в формах существования языка в периоды сменяющих друг друга общественно-экономических формаций»[7]. Иными словами, исходя из марровской формулы «классовости» языка и из понимания языка как идеологической надстройки, авторы ищут закономерности движения языка в его «перевоплощениях», обусловленных развитием и сменой базисов, и, следовательно, в мнимых законах стадиальной смены разных типов языка. По мнению Р. О. Шор и Н. С. Чемоданова, можно установить в языках самых разнообразных структур общность путей их стадиального развития. Таким образом, Р. О. Шор и Н. С. Чемоданов (как и все другие «ученики» Н. Я. Марра и И. И. Мещанинова) решительно отрицают значение внутренних законов развития языка. По их мнению, идея «самодвижения» языка, идея исторического движения языка, как «движения самопроизвольного, независимого от развития общественного базиса, — насквозь идеалистична»[8].

Таким образом, в домарксистской лингвистической традиции понимание и истолкование языкового закона было неясно и противоречиво. Для освещения термина «закон» в марксистской философии, а следовательно, и в марксистском языкознании, естественно обратиться к высказываниям классиков марксизма-ленинизма по этому вопросу.

Согласно учению классиков марксизма-ленинизма, закономерность и закон — это прежде всего взаимосвязи явлений, их взаимоотношения. Закономерен именно процесс взаимосвязи явлений — в их развитии. Законами называются также формулы, обобщенно выражающие эти взаимосвязи, взаимоотношения явлений, а также ход и последовательность развития соответствующих явлений в их взаимообусловленности. Взаимосвязь и взаимообусловленность — это наиболее общая и главная черта закономерности и закона. «... Взаимная связь и взаимная обусловленность явлений, устанавливаемые диалектическим методом, представляют закономерности развития движущейся материи»[9],— учит И. В. Сталин. Закономерный характер имеет не только связь между явлениями, но и связь отдельных сторон или свойств каждого явления. В. И. Ленин указывал, что «взаимозависимость и теснейшая, неразрывная связь *всех* сторон каждого явления (причем история открывает все новые и новые стороны), связь, дающая единый, закономерный мировой процесс дви-

---

[7] Р. О. Шор и Н. С. Чемоданов, Введение в языковедение, Учпедгиз, 1945, стр. 211.

[8] Там же, стр. 210.

[9] И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 541.

жения...»[10] — составляют одну из отличительных черт марксистской диалектики.

Итак, закономерность и закон — не что иное как формы проявления всеобщей взаимосвязи, взаимозависимости и взаимообусловленности явлений в их движении, в их развитии. Однако закономерность, присущая самим явлениям, не покрывается целиком формулой закона.

Закон конкретизирует и углубляет познание закономерности, открывая и обобщая отдельные стороны, формы и качества взаимосвязи и взаимообусловленности явлений. Но закон — лишь часть или грань закономерности. «Закон есть *отношение*» [11]. «Закон — идентичное в явлении»[12]. «...*Закон* и *сущность* понятия однородные (однопорядковые) или, вернее, одностепенные...»[13] Однако сущность — категория более широкая, чем закон. Закон — одна из многообразных форм сущности явлений. В «Философских тетрадях» В. И. Ленина дано такое определение закона: «...понятие *закона* есть ***одна*** из ступеней познания человеком *единства* и *связи*, взаимозависимости и цельности мирового процесса ...Закон берет спокойное — и поэтому закон, всякий закон, узок, неполон, приблизителен» [14].

К. Маркс признал очень удачной данную проф. Кауфманом характеристику его диалектического метода, его понимания законов общественного развития: «Для Маркса важно только одно: найти закон тех явлений, исследованием которых он занимается. И притом для него важен не один закон, управляющий ими, пока они имеют известную форму и пока они находятся в том взаимоотношении, которое наблюдается в данное время. Для него, сверх того, еще важен закон их изменяемости, их развития, то есть перехода от одной формы к другой, от одного порядка взаимоотношений к другому. Раз он открыл этот закон, он рассматривает подробнее последствия, в которых закон проявляется в общественной жизни... Маркс рассматривает общественное движение как естественно-исторический процесс, которым управляют законы, не только не находящиеся в зависимости от воли, сознания и намерения человека, но и сами еще определяющие его волю, сознание и намерения...» [15]

С этой точки зрения задача подлинной науки состоит в том, чтобы факты «...были возможно точнее исследованы и действительно представляли собой различные степени развития, да, сверх того, важно, чтобы не менее точно были исследованы порядок, последовательность и связь, в которых проявляются эти степени развития...» [16] Быстрота, «темпы» объективного изменения законов зависят от «темпов» существенных изменений в той области явлений, которые закон охватывает. Законы природы и законы общественных явлений в этом отношении не соотносительны. Само собой разумеется, что и в сфере общественных явлений различия в сущности, в специфических особенностях отдельных явлений не могут не сказываться также в характере, существе, длительности действия и темпах изменений свойственных им законов. Очевидно, именно это обстоятельство имеет в виду И. В. Сталин, подчеркивая огромную важность изучения специфических особенностей каждого общественного явления.

---

[10] В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 38.
[11] В. И. Ленин, Философские тетради, 1947, стр. 128.
[12] Там же, стр. 126.
[13] Там же, стр. 127.
[14] Там же, стр. 126.
[15] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избр. произв. в двух томах, Госполитиздат, 1949, т. I, стр. 414.
[16] Там же, стр. 414—415.

«Конечно, языку, как общественному явлению,— учит И. В. Сталин,— свойственно то общее, что̀ присуще всем общественным явлениям, в том числе базису и надстройке, а именно: он обслуживает общество так же, как обслуживают его все другие общественные явления, в том числе базис и надстройка. Но этим собственно и исчерпывается то общее, что̀ присуще всем общественным явлениям. Дальше начинаются серьезные различия между общественными явлениями.

Дело в том, что у общественных явлений, кроме этого общего, имеются свои специфические особенности, которые отличают их друг от друга и которые более всего важны для науки»[17]. И далее, И. В. Сталин дает ясную и точную характеристику специфических особенностей базиса, надстройки и языка. Специфические особенности, выделяющие язык из разрядов других общественных явлений, и делают его объектом изучения самостоятельной науки — языкознания. «Без этих особенностей языка,— говорит И. В. Сталин,— языкознание потеряло бы право на самостоятельное существование» [18]. Следовательно, изучение законов развития языка должно состоять, с одной стороны, в исследовании закономерностей взаимосвязи, взаимоотношений и взаимодействий языка с другими общественными явлениями в их развитии, а с другой,— в исследовании закономерностей изменений структуры языка, со свойственной ей взаимозависимостью и теснейшей, неразрывной связью всех сторон языка, как целого, и прежде всего в исследовании последовательного хода развития «основы» языка, способов и форм ее движения от одного качества к другому. В. И. Ленин говорит:

«Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории» [19].

3

Классики марксизма учат, что наряду с общими законами исторического развития общества и теми частными законами, которые определяют своеобразие течения общественно-исторического процесса в истории того или иного народа или группы народов, и в тесной связи с ними,— действуют внутренние законы развития, определяющие специфику отдельных общественных явлений, даже «отдельных форм разделения труда». В «Анти-Дюринге» Ф. Энгельс так сформулировал задачи после-гегелевской философии и науки: «Теперь не только перед философией, но и перед *всеми* науками было поставлено требование открыть законы движения этого вечного процесса преобразования в каждой отдельной области» [20]. В предисловии к третьему немецкому изданию работы К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (1885 г.) Ф. Энгельс писал: «...Маркс впервые открыл великий закон движения истории, закон, по которому всякая историческая борьба — совершается ли она в политической, религиозной, философской или в какой-либо иной идеологической области — в действительности является только более или менее ясным выражением борьбы общественных классов, а существование этих классов и вместе с тем и их столкновения между собой в свою очередь обусловливаются степенью развития их экономического положения, характером

---

[17] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 35.

[18] Там же, стр. 36.

[19] В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 200.

[20] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1948, стр. 23—24 (сноска); Ср. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 667.

и способом производства и определяемого им обмена» [21]. Этот общий закон движения истории и является вместе с тем основным внутренним общим законом развития классового общества — в отличие, например, от законов развития природы. В работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» Ф. Энгельс, подчеркнув, что диалектико-материалистическое изучение явлений состоит в изучении их с точки зрения их собственной внутренней связи и, вместе с тем, связи действительной, а не искусственной, вымышленной, делает отсюда такой вывод по отношению к изучению истории общества: «...эта задача в конечном счете сводилась к открытию тех общих законов движения, которые в качестве господствующих действуют в истории человеческого общества». И в этой сфере «...ход истории подчиняется внутренним общим законам ...Где на поверхности происходит игра случайности, там сама эта случайность всегда оказывается подчиненной внутренним, скрытым законам. Все дело лишь в том, чтобы открыть эти законы» [22].

Опираясь на диалектико-материалистическое понимание внутренних общих законов развития общества, К. Маркс и Ф. Энгельс приходят к выводу, что подлинные движущие силы истории заключаются не столько в побуждениях отдельных лиц, хотя бы и самых выдающихся, сколько в тех побуждениях, «...которые приводят в движение большие массы людей, целые народы, а в каждом данном народе, в свою очередь, целые классы» [23].

Сходные мысли о внутренних законах развития общества развивает Ф. Энгельс также в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Он пишет здесь о развитии форм производства: «...случайность — это только один полюс взаимозависимости, другой полюс которой называется необходимостью... Чем больше какая-нибудь общественная деятельность, целый ряд общественных процессов ускользает из-под сознательного контроля людей, выходит из-под их власти, чем более эта деятельность кажется предоставленной чистой случайности, тем больше с естественной необходимостью пробиваются сквозь эту случайность свойственные ей внутренние законы» [24].

В письме к К. Шмидту (от 27 октября 1890 г.) Ф. Энгельс высказывает аналогичные соображения о необходимости при исследовании тех или иных частных проявлений общественной жизни, «отдельных процессов труда», отдельных идеологических надстроек считаться со своеобразиями их «самодвижения», их собственного движения, с самостоятельными законами, вытекающими из природы, из специфики этих явлений [25].

К. Маркс в статье «Будущие результаты британского владычества в Индии» (1853) пишет о «внутренних органических законах политической экономии» в эпоху капитализма [26].

Следовательно, внутренние законы развития экономического строя, иначе, базисов, и соответствующих каждому из этих базисов надстроек оказываются общими законами для всей совокупности относящихся сюда общественных явлений, т. е. общественных явлений, принадлежащих или к разряду базисов или к разряду надстроек. Но, вместе с тем, отдельные общественные явления этого рода «в отдельных частностях и внутри

---

[21] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избр. произв. в двух томах, М., 1949, т. I, стр. 211.
[22] Там же, т. II, стр. 371 (разрядка наша.— *В. В.*).
[23] Там же, стр. 373.
[24] Там же, стр. 306—307.
[25] См. там же, стр. 471.
[26] См. там же, т. I, стр. 316.

этой общей зависимости» обнаруживают «самодвижение», имеют свои собственные, им только свойственные внутренние законы развития.

«Все формы общественного сознания приобретают относительную самостоятельность и имеют историю своего развития. Наконец, что очень важно, каждая из форм общественного сознания имеет свою особенность, свою специфику, свои законы возникновения и развития» [27].

Это относится, между прочим, и к научному познанию. «Обусловленное развитием общества научное познание имеет и свою относительную самостоятельность, свои внутренние законы развития; одной из внутренних закономерностей развития науки является преодоление противоречащих новым фактам и открытиям науки прежних выводов, теорий и гипотез. Новые факты и открытия приводят к углублению, уточнению, пересмотру, коренной переделке и даже к полному опровержению целого ряда прежних выводов, гипотез и теорий, к утверждению новых, более глубоких и истинных теорий и выводов — такова специфическая форма движения научного познания» (Журн. «Большевик«, 1952, № 4, стр. 18—19).

Таким образом, марксистская философия истории подчеркивает необходимость изучать степень относительной самостоятельности и характер своеобразия собственных внутренних законов, присущих даже таким общественным явлениям, процессам и учреждениям, развитие которых, в основном, определяется общими законами смены базисов и надстроек, общими законами развития общества.

В этой связи уместно напомнить место из уже цитировавшегося письма Ф. Энгельса к К. Шмидту, где излагается мысль об относительной самостоятельности закономерностей развития отдельных идеологических надстроек, при подчиненности их общим для всех них законам смены надстроек в связи со сменой базисов. Речь идет о философии, но упоминается и художественная литература. «...Как особая область разделения труда, философия каждой эпохи,— пишет Энгельс,— располагает в качестве предпосылки определенным мыслительным материалом, который передан ей ее предшественниками и из которого она исходит. От этого получается такое явление, что страны, экономически отсталые, в философии все же могут играть первую скрипку: Франция в XVIII веке по отношению к Англии, на философию которой французы опирались, а затем Германия по отношению к первым двум. Но как во Франции, так и в Германии философия и всеобщий расцвет литературы явились в ту эпоху результатом экономического подъема. Преобладание экономического развития в конечном счете также и над этими областями для меня неоспоримо, но оно имеет место в рамках условий, которые предписываются самой данной областью... Экономика здесь ничего не создает заново, но она определяет вид изменения и дальнейшего развития имеющегося налицо мыслительного материала, но даже и это она производит по большей части лишь косвенным образом, между тем как важнейшее прямое действие на философию оказывают политические, юридические, моральные отражения» [28].

Понятие «внутренних законов» — своеобразная черта диалектического понимания процессов развития общественных явлений.

«Четкое понимание того обстоятельства, что для любой отрасли науки

---

[27] П. Ф. Юдин, Значение труда И. В. Сталина по вопросам языкознания для развития общественных наук. Сб. «Вопросы диалектического и исторического материализма в труде И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“», изд. 2-е, 1951, стр. 129—130.

[28] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избр. произв., т. II, 1949, стр. 475—476 (разрядка наша. — *В. В.*).

важны прежде всего именно специфические особенности изучаемых явлений, толкает к конкретному, творческому изучению этих особенностей, тогда как непонимание этого важнейшего положения толкает к тому, чтобы искать в разнородных явлениях общие черты и подгонять эти разнородные явления под одну схему»[29]. Именно в связи с этой чертой творческого марксизма, получившей яркое выражение в труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», находится стремление марксистской науки установить, наряду с общими закономерностями развития общественных явлений, наряду с законами взаимозависимости и взаимосвязи разных общественных явлений, свои собственные, внутренние законы, свойственные отдельным общественным явлениям и обусловленные их спецификой, их природой, их сущностью. Само собой разумеется, что характер действия внутренних законов развития, их многообразие и сложность, темпы и качество их исторических изменений зависят от сущности соответствующего общественного явления.

4

Совершенно ясно, что при изучении языка в свете трудов классиков марксизма-ленинизма и, прежде всего, в свете сталинской теории языкознания, вопрос о внутренних законах развития языка приобретает особенно важное значение. Природа языка, как специфического общественного явления, его «качество», тесно связанное с сущностью специфики этого языка, ярче всего проявляется во внутренних законах его развития. Стремясь всячески умалить значение внутренних законов развития языка, Н. Я. Марр переносил «центр тяжести не только в семантике, но и в морфологии на обусловленность языковых явлений социально-экономическим фактором»[30]. Марксистская теория развития языка по собственным, свойственным ему внутренним законам противостоит антинаучной, антимарксистской «теории» Н. Я. Марра и его «учеников» о всецелой обусловленности законов развития языка законами смены базисов, а также разными видами языковых скрещений.

И. В. Сталин учит, что революционные общественные перевороты не вызывают ломки структуры языка, что управляющий развитием и сменой базисов и надстроек в до-социалистическом обществе закон перехода от одного качественного состояния к другому путем взрыва неприменим к языку.

«Не может быть сомнения,— пишет И. В. Сталин,— что теория скрещивания не может дать чего-либо серьезного советскому языкознанию. Если верно, что главной задачей языкознания является изучение внутренних законов развития языка, то нужно признать, что теория скрещивания не только не решает этой задачи, но даже не ставит ее,— она просто не замечает, или не понимает ее»[31].

Показательно, что именно в связи с сокрушительной критикой марровской теории скрещения как универсального средства образования новых языковых типов И. В. Сталин развивает учение о внутренних законах развития языка, о самобытности общенародных, общенациональных языков, об исторической устойчивости их «основ» и о постепенном переходе языка от старого качества к новому. В качестве исторического примера приводится русский язык, с которым скрещивались в ходе исторического

---

[29] Г. И. Наан, Гениальные труды товарища И. В. Сталина по языкознанию — образец творческого применения марксизма в науке. «Советская Эстония» от 19 июня 1951 г.

[30] Н. Я. Марр, Избр. раб., т. II, стр. 117.

[31] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 30.

развития языки ряда других народов и который при этих скрещиваниях выходил всегда победителем, лишь пополняя и обогащая свой словарный состав за счет словарного состава других языков.

«Что касается национальной самобытности русского языка, то она не испытала ни малейшего ущерба, ибо, сохранив свой грамматический строй и основной словарный фонд, русский язык продолжал продвигаться вперед и совершенствоваться по внутренним законам своего развития» [32].

Общий вывод, который делается И. В. Сталиным из сопоставления разных исторических фактов (истории русского языка, истории балканских языков и др.),— такой: «Совершенно неправильно было бы думать, что в результате скрещивания, скажем, двух языков получается новый, третий язык, не похожий ни на один из скрещенных языков и качественно отличающийся от каждого из них. На самом деле при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно свое качество и постепенно отмирает.

Следовательно, скрещивание дает не какой-то новый, третий язык, а сохраняет один из языков, сохраняет его грамматический строй и основной словарный фонд и дает ему возможность развиваться по внутренним законам своего развития» [33].

Наличие внутренних законов развития языка как общественного явления, ярко освещающих его своеобразие, его специфику в ряду других общественных явлений, вовсе не свидетельствует об отрыве развития языка от развития общества. Как общественное явление язык вообще не существует вне общества. Самый характер и самое качество внутренних законов развития языка тесно связаны с состоянием структуры данного общенародного языка, прогрессивно улучшающейся и совершенствующейся в связи с развитием общества [34].

Необходимо иметь в виду, что изменения, вносимые разными общественными событиями и переворотами в общенародный язык и его развитие (если они не ведут к деградации того или иного языка и к поглощению его языком-победителем), отражаются и выражаются в языке согласно внутренним законам его развития как специфического общественного явления. Но прежде чем переходить к этому очень сложному и важному вопросу общего языкознания, необходимо остановиться на марксистском понимании самого процесса развития.

5

Материалистическая диалектика, борясь с метафизикой, учит видеть в процессе развития всеобщую связь, взаимные переходы явлений, развитие от простого к сложному на основе борьбы противоположностей. «...Диалектика рассматривает процесс развития, не как простой процесс роста... Диалектический метод считает, что процесс развития следует понимать не как движение по кругу, не как простое повторение пройденного, а как движение поступательное, как движение по восходящей линии, как переход от старого качественного состояния к новому качественному состоянию, как развитие от простого к сложному, от низшего к высшему» [35].

---

[32] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 30.

[33] Там же, стр. 29—30.

[34] Достаточно сопоставить, в качестве примера, закономерности образования предлогов и развития предложных конструкций в древнерусском языке XI—XIII вв. и в русском языке XVIII—XX вв.

[35] И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 527.

В фрагментах «К вопросу о диалектике» В. И. Ленин говорит о «спонтанном», т. е. внутреннем развитии явлений как борьбе «противоположностей», противопоставляя диалектическое понимание развития мертвому, бледному, сухому пониманию развития как уменьшения или увеличения, как повторения. Только диалектическая концепция развития жизненна. Только она «...дает ключ к „самодвижению" всего сущего» [36].

В статье «Карл Маркс» В. И. Ленин формулирует такое общее определение развития с позиций материалистической диалектики: «Развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе („отрицание отрицания"), развитие, так сказать, по спирали, а не по прямой линии; — развитие скачкообразное, катастрофическое, революционное; — „перерывы постепенности"; превращение количества в качество; — внутренние импульсы к развитию, даваемые противоречием, столкновением различных сил и тенденций, действующих на данное тело или в пределах данного явления или внутри данного общества; — взаимозависимость и теснейшая, неразрывная связь *всех* сторон каждого явления (причем история открывает все новые и новые стороны), связь, дающая единый, закономерный мировой процесс движения,— таковы некоторые черты диалектики, как более содержательного (чем обычное) учения о развитии» [37]. Вместе с тем, В. И. Ленин предлагал «...*точнее* понять эволюцию, как возникновение и уничтожение всего, взаимопереходы» [38].

Диалектическая теория развития, охватывающая закономерности изменений в явлениях природы и общества, естественно, с течением времени все глубже разрабатывается творческим марксизмом.

Материалистическая диалектика стремится воспроизвести сложную противоречивость и разнотипность изменений, входящих в процесс развития разных явлений природы и общества, установить разные формы закономерностей переходов количественных изменений в качественные. Вместе с тем уже Ф. Энгельс учил не смешивать постепенность развития и эволюцию, так как постепенное развитие может прерываться качественными изменениями, скачками и даже приводить к перевороту, к революции.

Понятие качественного изменения, характеризующегося признаком перерыва количественной постепенности, часто обозначается в произведениях классиков марксизма-ленинизма термином «скачок» (der Sprung).

Излагая в «Анти-Дюринге» диалектическое понимание переходов от одной формы движения материи к другой, Ф. Энгельс выдвигает такую формулу: «При всей постепенности, переход от одной формы движения к другой всегда остается скачком, решающим поворотом» [39]. Тут же Энгельс говорит, с одной стороны, о «решительных скачках», например, при переходе от физики молекул к физике атомов, а, с другой стороны, о скачках редких и незаметных. По словам Ф. Энгельса, «в пределах сферы жизни скачки становятся затем все более редкими и незаметными». Таким образом, Ф. Энгельс в развитии природы, наряду с внезапными, быстрыми скачками или взрывами, признает скачки иного типа, представляющие собой постепенный переход от одного качества к другому, а в пределах этого типа различает «скачки решительные» и «скачки незаметные». Говоря о незаметности скачков в развитии живой природы благодаря наличию связующих, промежуточных звеньев между различными формами организмов и других явлений природы, Ф. Энгельс подчеркивает: «... про-

[36] В. И. Ленин, Философские тетради, стр. 328.
[37] В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 38.
[38] В. И. Ленин, Философские тетради, стр. 239.
[39] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1948, стр. 63.

межуточные звенья доказывают только, что в природе нет скачков *именно потому*, что она слагается сплошь из скачков»[40].

Таким образом, Ф. Энгельсом были намечены разные формы развития явлений природы, подчеркнута необходимость изучения разных типов качественных изменений или разных типов скачков, характеризующих процесс развития природы.

По отношению к общественным явлениям до-социалистического общества особенное значение приобретала разработка теории развития базисных и надстроечных явлений посредством «взрывов», внезапных и быстрых скачков, характеризующих революционные перевороты. Естественно, что, устанавливая закономерности общественного развития в эпоху до образования социалистического общества, В. И. Ленин и И. В. Сталин глубоко разрабатывают учение о «медленной эволюции» и о «быстрых скачках», об эволюции и революции как двух необходимых формах одного и того же движения[41], о скачкообразном развитии, приводящем к внезапному взрыву[42]. В высшей степени показательна формула, выдвинутая И. В. Сталиным в труде «О диалектическом и историческом материализме»: от незначительных и скрытых количественных изменений развитие переходит к «...изменениям открытым, к изменениям коренным, к изменениям качественным, где качественные изменения наступают не постепенно, а быстро, внезапно, в виде скачкообразного перехода от одного состояния к другому состоянию, наступают не случайно, а закономерно, наступают в результате накопления незаметных и постепенных количественных изменений»[43].

В труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» вопрос о переходе от одного качества к другому в кругу общественных явлений освещается с новой стороны и дополняется в высшей степени важными, новыми обобщениями и формулами, чрезвычайно существенными для понимания закономерностей развития языка и других общественных явлений.

Характеризуя развитие языка, И. В. Сталин подчеркивает наличие в этом процессе как количественных, так и особенно качественных изменений и вместе с тем своеобразный постепенный ход языкового развития, чуждого ломки и переворотов. «...Язык остается в основном тем же языком в течение нескольких периодов, одинаково обслуживая как новую культуру, так и старую»[44]. Наиболее чувствителен к изменениям, находится в состоянии почти непрерывного изменения словарный состав языка, сразу и непосредственно отражающий все изменения в развитии общества. Эти изменения — не только количественного, но и качественного характера. Ведь словарный состав отражает картину состояния языка: «...чем богаче и разностороннее словарный состав, тем богаче и развитее язык»[45]. При этом, несмотря на то, что из словарного состава выпадает обычно некоторое количество устаревших слов, к нему прибавляется гораздо большее количество новых слов. Таким образом, развитие словарного состава выражается в количественном росте и в качественном обогащении, в развитии семантической и стилистической разносторонности слов и выражений. Вообще же развитие языка происходит «...путем развертывания и совершенствования основных элементов существующего языка»[46]. Этот процесс, сопровождающийся постепенными качествен-

[40] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1948 стр. 353.
[41] См. И. В. Сталин, Соч., т. 1, стр. 309.
[42] См. И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 537.
[43] Там же.
[44] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 21—22.
[45] Там же, стр. 23.
[46] Там же, стр. 27.

ными изменениями во всей структуре языка, приводит к переходу языка от старого качества к новому. И. В. Сталин учит, что грамматический строй изменяется крайне медленно, он совершенствуется, улучшает, уточняет и обогащает свои правила, сохраняя свои основы в течение ряда эпох. Точно так же словарный фонд, некогда очень скудный, хотя и медленно, но неуклонно изменяется. Он развивается, отражая в лексико-семантических группах относящихся к нему слов «успехи познавательной работы» народа и историческое движение общества. Таким образом, и в развитии основного словарного фонда наблюдаются не только количественные изменения, но и качественные преобразования.

По отношению к языку и его развитию И. В. Сталин применяет марксистское понятие «качество». С одной стороны, всякий язык (в отличие от классового жаргона) обладает своим качеством,— тогда, когда он общенароден и не сходит с этой общенародной позиции, когда он сохраняет свою основу, сущность своей специфики — свой грамматический строй и основной словарный фонд. С другой стороны, каждому конкретному языку присуще свое качество в его национально-самобытном своеобразии; иначе говоря, каждый общенародный язык имеет национальную специфику своего качества — свой грамматический строй и основной словарный фонд, воплощенные в соответствующую материально-звуковую структуру. И. В. Сталин указывает на то, что в процессе своего развития язык может переходить от старого качества к новому, и этот переход осуществляется «...путем постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры языка, путем постепенного отмирания элементов старого качества» [47].

Таким образом, развитие языка получило глубокую и ясную характеристику в труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Возникновение в языке элементов нового качества, новой структуры диалектически связано с отмиранием элементов старого качества [48]. Процесс постепенного и длительного накопления новых качественных элементов сопровождается их структурным объединением, их интеграцией. Так подготавливается постепенный переход языка от старого качества к новому, состоящий в качественном преобразовании структуры языка. Внутренние законы развития языка определяют как пути и способы качественных изменений его структуры, так и процессы концентрации этих качественных изменений и завершающий их переход языка от старого качества к новому и затем — на новой, более высокой базе — постепенное движение языка к новому качественному состоянию.

Задача языковедов состоит в том, чтобы творчески применить эти марксистские положения к конкретной истории отдельных языков и групп родственных языков, на основе глубоких исследований — научно, марксистски осмыслить исторические закономерности развития разных языков и расширить понимание общих законов развития языка как специфического общественного явления. Таких работ у нас еще не появилось, хотя научные изыскания в этом направлении (правда, не всегда свободные от груза пережитков лингвистической традиции) уже начаты. Но сначала —

---

[47] Там же, стр. 27.

[48] Например, возникновение «предложного падежа» в русском языке связано с отмиранием беспредложного употребления соответствующих падежных форм в обстоятельственных значениях — местных, временных и т. п.; возникновение и развитие категории имен числительных связано с отмиранием предметных значений в употреблении таких слов, как *пять*, *шесть* *семь*, *десять* и т. п. (т. е. с отпадением их от класса имен существительных); возникновение составных имен числительных типа: *пятнадцать*, а затем *пятьдесят* и развитие новой системы их словоизменения — с утратой понимания их как словосочетаний — *пять на десяте (ь)*, *пять десят* и т. п.

что и естественно — особенно увлекло наших философов и отчасти языковедов стремление истолковать в общетеоретическом плане те новые принципы диалектики развития общественных явлений, которые открыты И. В. Сталиным.

6

Ценнейшим вкладом в сокровищницу марксизма-ленинизма является открытие И. В. Сталиным новой диалектической закономерности, нового вида движения, новой формы проявления закона перехода количественных изменений в качественные.

Ясно и точно определив сущность постепенного перехода языка от одного качества к другому и характер языкового развития, И. В. Сталин вместе с тем указал на то, что закон перехода от старого качества к новому посредством взрыва «...не всегда применим также и к другим общественным явлениям базисного или надстроечного порядка» [49]. И. В. Сталин раскрывает новые закономерности развития общественных явлений, возникновения социальных переворотов путем постепенного перехода от одного качественного состояния к другому — в обществе, не знающем враждебных, антагонистических классов. В связи с этим И. В. Сталин предостерегает товарищей от увлечения теорией взрывов. После появления труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», естественно, возник общий вопрос о разных формах постепенного перехода от одного качества к другому, свойственных разным явлениям природы и общества. Для языковедов, конечно, особенный интерес представляют конкретно-исторические наблюдения над видами или типами качественных изменений, характерными для исторического развития разных отдельных языков в целом, а также разных структурных элементов этих языков. Между тем некоторые наши философы или социологи, склонные к унификации или отвлеченной схематизации разных форм развития явлений природы и общества, обнаружили готовность априорно отождествить постепенный переход языка от одного качества к другому, осуществляющийся путем постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры, путем постепенного отмирания элементов старого качества, со всяким вообще постепенным переходом от старого качественного состояния к новому как в развитии других общественных явлений, так и в развитии явлений природы.

В своем труде «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталин, говоря о развитии языка, о переходе от одного качества языка к другому, не употребляет термина «скачок». Он дает точную формулу постепенного перехода языка от одного качества к другому. Так же точно и ясно он ограничивает сферу и эпоху действия «закона перехода от старого качества к новому путем взрыва» в развитии общества. И. В. Сталин указывает на то, что в обществе, не имеющем враждебных классов, перевороты, революции совершаются не путем взрыва, а путем постепенного перехода от старого строя к новому.

Можно ли отождествить и объединить все формы таких постепенных переходов, характеризующих развитие разных общественных явлений, в одной категории, в одном понятии?

Чтобы ответить на этот вопрос, следует сначала уяснить сущность и характер изменений качества языка как особого общественного явления.

Если оставить в стороне явления деградации языка при превращении

---

[49] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 28

его в классовый жаргон и процессы поглощения побежденного языка языком-победителем при скрещивании, то законы жизни и развития языка, прежде всего, оказываются резко отличными от законов развития и смены явлений базисного и надстроечного порядка, а в классовом обществе — почти противоположными им.

Развитие языка исключает процессы «ликвидации структуры языка», ломки языка; переворотов, революций, уничтожающих, ликвидирующих основу языка и заменяющих ее новой основой, в истории языка не бывает. Языковой переворот означал бы уничтожение «сущности специфики» данного конкретного языка, ликвидацию его грамматического строя и основного словарного фонда и замену их новыми.

Такой переворот внес бы анархию в общественную жизнь, создал бы угрозу распада общества. Эта закономерность развития языка, состоящая в отсутствии «переворотов», внезапных революций в его развитии, резко отличает язык от других общественных явлений и вместе с тем резко отличает самый характер качественных изменений в языке от качественных изменений в кругу общественных явлений базисного или надстроечного порядка. Там «перевороты», «революции» могут происходить не только посредством «взрывов», «путем разового уничтожения старого и построения нового», путем внезапного перехода от старого качества к новому качеству, но и — в определенных исторических условиях — путем постепенного перехода от одного качества к другому, новому. Вот как говорит об этом И. В. Сталин: «...вообще нужно сказать к сведению товарищей, увлекающихся взрывами, что закон перехода от старого качества к новому путем взрыва неприменим не только к истории развития языка,— он не всегда применим также и к другим общественным явлениям базисного или надстроечного порядка. Он обязателен для общества, разделенного на враждебные классы. Но он вовсе не обязателен для общества, не имеющего враждебных классов. В течение 8—10 лет мы осуществили в сельском хозяйстве нашей страны переход от буржуазного индивидуально-крестьянского строя к социалистическому, колхозному строю. Это была революция, ликвидировавшая старый буржуазный хозяйственный строй в деревне и создавшая новый, социалистический строй. Однако этот переворот совершился не путем взрыва, т. е. не путем свержения существующей власти и создания новой власти, а путем постепенного перехода от старого буржуазного строя в деревне к новому. А удалось это проделать потому, что это была революция сверху, что переворот был совершен по инициативе существующей власти при поддержке основных масс крестьянства» [50].

Таким образом, постепенный переход от одного качества к другому в истории явлений базисного или надстроечного характера не только не исключает «переворотов», напротив, он последовательно ведет к перевороту, к революции. Между тем, в истории языка постепенный переход от одного качества к другому не сопровождается «перерывами постепенности» в развитии основы языка, не создает переворотов. Показательно, что И. В. Сталин, указав на возможность переворотов в общественно-политической жизни не путем взрыва, а путем постепенного перехода, приступает затем к критике марровского понимания скрещивания, как способа образования посредством взрыва нового по своему качеству языка, т. е. как языкового переворота. Отметив, что «скрещивание языков есть длительный процесс, продолжающийся сотни лет», И. В. Сталин приходит к выводу о неправильности мнения, будто бы «... в результате скрещивания, скажем, двух языков получается новый, третий язык, не похожий ни на

[50] Там же, стр. 28—29.

один из скрещенных языков и качественно отличающийся от каждого из них» [51]. На самом деле побежденный язык «теряет постепенно свое качество и постепенно отмирает». А язык-победитель сохраняет свою основу и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития. Следовательно, и тут не бывает «переворотов».

Поэтому никоим образом нельзя отождествлять развитие языка с развитием других общественных явлений базисного или надстроечного порядка. Характерный для языка переход от одного качества к другому путем постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры не может быть механически распространяем на все другие общественные явления.

Сталинское учение о разных типах или формах развития общественных явлений имеет огромное значение для языкознания, для истории общества, а также для всех других наук. Оно побуждает всех исследователей явлений природы и общества к глубоким наблюдениям над многообразными формами качественных изменений, обнаруживающимися в процессах развития тех или иных явлений. В свете этого учения наши философы и языковеды пытались прежде всего в общефилософском, общетеоретическом плане осмыслить понятия «взрыва» и «постепенного перехода» в процессе развития. При этом они применяли к этим понятиям употребляемый классиками марксизма-ленинизма термин «скачок», сводя все многообразие форм развития к двум формам скачков — скачка со взрывом и скачка без взрыва. На этой почве возникла дискуссия о формах скачков в развитии природы и общества, углубившая понимание процессов развития разных общественных явлений, но давшая очень мало новых выводов и обобщений для теории языкознания.

Несомненно, что понятие скачка как философской категории развития могло бы быть углублено и дифференцировано на основе тщательного и всестороннего исследования разных форм качественных изменений и разных видов перехода от одного качества к другому, свойственных разным явлениям природы и общества. Кроме того, в самом обозначении этого понятия словом «скачок» (der Sprung) заключались такие метафорические смысловые оттенки, которые несколько затрудняли применение этого термина к длительному процессу, протекающему в течение ряда эпох. При анализе развития языка необходимо было объединить и в то же время расчленить диалектически взаимосвязанные три вида качественных изменений: а) изменения, свидетельствующие о зарождении, возникновении элементов нового качества, б) изменения, характеризующие ход длительного и постепенного процесса накопления этих элементов, процесса, который сопровождается отмиранием элементов старого качества, и, наконец, в) происходящий в результате накопления этих качественных изменений переход языка от одного качества к другому. При неравномерности темпов изменений отдельных сторон языка становилось еще более сложным решение вопроса о том, как и в каком смысле применять термин «скачок» к тем многообразным, но взаимосвязанным формам качественных изменений, которые характеризуют развитие грамматического строя, основного словарного фонда и подвижной части общего словарного состава,— развитие, не отделимое, в то же время, и от развития звукового строя языка.

Нельзя забывать ту истину, что «механическое перенесение отдельных положений диалектического материализма на какую-либо область жизни без глубокого ее изучения может привести к лженаучным выводам» [52].

---

[51] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 29.
[52] Журн. «Вопросы философии», 1951, № 5, стр. 48.

Тем не менее наши языковеды и философы сразу же выдвинули как предмет дискуссии и стали обсуждать с разных сторон два вопроса:

1) постепенный переход от одного качества к другому при явном отсутствии перерыва постепенности в развитии структуры языка в целом предполагает ли скачки? и какого рода эти скачки?

2) не означает ли указание И. В. Сталина на развитие и других общественных явлений базисного и надстроечного характера путем постепенного перехода из одного качественного состояния в другое, что вообще материалистическая диалектика признает лишь две основных формы развития: а) внезапный переход количественных изменений в коренные качественные — путем взрыва и б) развитие, происходящее путем постепенного накопления элементов нового качества и такого же постепенного отмирания элементов старого качества, иначе говоря, путем скачков, происходящих постепенно?

Едва ли не впервые самые термины «скачок со взрывом» и «скачок без взрыва» появляются в статье акад. Г. Ф. Александрова «Новый выдающийся вклад в сокровищницу марксизма», явившейся одним из первых печатных откликов наших философов на труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» [53]. Здесь читаем: «Большое значение имеет положение И. В. Сталина о скачках без взрыва в процессе перехода от старого качества к новому. Это новый вклад в учение марксистской диалектики, имеющий особое значение для понимания законов перехода от социализма к коммунизму» [54]. И тут же находим такое замечание: «Впервые в марксистской литературе выяснен вопрос о характере эволюционного развития таких явлений общественной жизни, как язык. И. В. Сталин показал, что в некоторых явлениях, например, в развитии языка, переход от одного качества к другому происходит „не путем взрыва, не путем разового уничтожения старого и построения нового, а путем постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры языка, путем постепенного отмирания элементов старого качества“. Далее говорится о том, что теория «стадийного развития языка» неверна и «не охватывает действительной диалектики исторического развития языка».

«И. В. Сталин,— заключает акад. Александров,— вскрывает решающую закономерность исторического процесса, в соответствии с которой смена базисов и надстроек в развитии общества происходит через скачки, перерывы постепенности, через революционное преобразование одного общественного строя в другой; вместе с тем он показывает связь, преемственность в истории, в развитии науки, техники, культуры, языка. Труды И. В. Сталина, посвященные отношению марксизма к языкознанию, открыли славную страницу в разработке марксизмом вопроса о революции и эволюции в развитии общества» [55]. Тут видны еще колебания в понимании постепенности процесса развития языка: видеть ли в этом процессе «скачки без взрыва» или считать его «эволюционным» в своем существе.

Но в ходе дискуссии очень быстро вопрос о внутренних законах развития языка тесно сплелся с вопросом о двух формах скачков — «скачка со взрывом» и «скачка без взрыва»; при этом о «скачках без взрыва», которые связывались как с развитием языка, так и с развитием социалистического общества, философами и отдельными языковедами были вы-

---

[53] Журн. «Большевик», 1950, № 14, июль.
[54] Там же, стр. 33.
[55] Там же, стр. 34.

сказаны самые противоречивые и нередко явно ошибочные, ни с чем не сообразные суждения.

В. Букановский писал о развитии языка: «Возникновение нового качества в развитии языка, конечно, является скачком, но качественно новая ступень истории языка возникает не путем „взрыва", а путем длительного скачка, не совпадающего с периодами социальных революций» [56].

Сходные рассуждения находим в статье Г. Масленникова [57], связывающего различия в типе скачка с различиями в типе противоречий и, вопреки указаниям И. В. Сталина, объединяющего в этом отношении язык с другими общественными явлениями базисного и надстроечного порядка.

Не прояснила вопроса и специальная статья проф. Б. М. Кедрова «О формах скачков в развитии природы и общества» [58]. Проф. Кедров, определив скачок в развитии как «перерыв количественной постепенности», подчеркивает, что быстрота и внезапность скачка относительны. Скачок бывает длительный, в развитии природы он может охватывать миллионы лет, в общественном развитии — целую эпоху, целые десятилетия. По мнению проф. Кедрова, две формы скачков — скачки со взрывом и скачки без взрыва, происходящие постепенно, имеют универсальный, всеобщий характер. Согласно представлению проф. Кедрова, скачок без взрыва совершается «в виде массы мелких скачков, качественных преобразований, растянутых во времени и составляющих собою большой скачок, происходящий постепенно» (стр. 11). Из анализа развития явлений природы делается такой общий вывод: «Скачки бывают разного типа, порядка и масштаба и совершаются весьма различно. Большие качественные изменения или скачки состоят из более мелких и могут происходить реже и постепенно, а эти мелкие скачки происходят чаще и быстрее и составляют как бы отдельные звенья или ступени осуществления большого скачка. Малые скачки выступают как переходы между различными формами развития данного предмета и рассматриваются как промежуточные звенья одной цепи развития» [59]. В связи с этим Б. М. Кедров видит различие между скачком в виде взрыва и скачком постепенным в том, что скачок-взрыв — это «большой скачок, складывающийся из множества одновременно происходящих более мелких скачков», а второй — постепенный скачок — состоит из последовательной цепи небольших скачков, рассредоточенных во времени.

Переходя к вопросу о развитии языка, Б. М. Кедров заявляет: «Для того чтобы произошли большие, коренные качественные изменения в языке, равнозначные скачку, переход языка из одного качественного состояния в другое, необходимы не годы, не десятилетия, а столетия» (стр. 13). Вопрос о скрещивании языков Б. М. Кедровым связывается с этим же вопросом о длительности перехода языка из одного качественного состояния в другое (стр. 13—14). Скачками в развитии языка Б. М. Кедров считает процессы образования племенных языков из родовых, языков народностей — из племенных и далее национальных языков — из языков народностей.

«Если сравнить, — пишет Б. М. Кедров, — современное состояние

---

[56] В. Букановский, Классический образец творческого марксизма. г. Молотов, «Звезда», от 29 июня 1951 г.

[57] Г. Масленников, О работе И. В. Сталина «Относительно марксизма в языкознании», «Красная Башкирия» от 20 июня 1951 г. Сравн. аналогичные положения в статье В. Платковского «Классический образец творческого марксизма», «Московская правда» от 20 июня 1951 г.

[58] Журн. «Большевик», 1951, № 15, стр. 8—20.

[59] Там же, стр. 12.

национальных языков с их первоначальным словарным составом (почему только со словарным составом? — *В. В.*), то можно убедиться, что каждый из языков прошел гигантский путь развития, совершил большой скачок из первоначального состояния к современному, который включает в себя ряд более мелких скачков или переходов из одного качественного состояния в другое... В отношении постепенности перехода языка из одного качественного состояния в другое применимо общее правило диалектики, сформулированное Энгельсом, который писал: „При всей постепенности, переход от одной формы движения к другой всегда остается скачком, решающим поворотом" («Анти-Дюринг», 1950, стр. 63)»[60]. Вообще же форма скачка зависит от природы самого явления, от типа внутренних противоречий, лежащих в основе его развития, и от условий внешней среды, в которой возникает и развивается это явление. «Тип противоречий и определяет форму скачка, а противоречия, как известно, бывают двух типов: антагонистические и неантагонистические». «Взрыв есть своеобразная и типичная форма разрешения антагонистических противоречий»[61]. Неантагонистические противоречия вполне разрешимы в пределах существующего качества, и «...постепенный переход старого качества к новому есть своеобразная форма разрешения неантагонистических противоречий»[62]. В какой мере применимо к языку понятие «неантагонистического противоречия», соотносительное с понятием антагонистического противоречия,— об этом проф. Б. М. Кедров не говорит ничего. Подводя итоги своим рассуждениям, он пишет: «Труд И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания" обогащает и развивает особо ту основную черту марксистского диалектического метода, которая говорит о превращении количественных изменений в качественные. Новым здесь является развитое И. В. Сталиным положение о двух различных формах скачка, о двух различных путях или моментах перехода от старого качества к новому (взрыв и постепенный переход) и выяснение конкретных условий, когда скачок совершается в форме взрыва и когда — в форме постепенного перехода». И далее: «Сталинское положение о двух формах скачка или перехода от старого качества к новому имеет всеобщий характер, оно развивает дальше и конкретизирует основные положения марксистского диалектического метода, углубляя все наше научное познание как явлений природы, так и явлений общественной жизни»[63]. Таким образом, в статье Б. Кедрова специфические особенности развития языка затенены и истолкованы неправильно. Развитие языка отождествляется здесь с развитием тех явлений природы и общества, которые развиваются постепенно, путем небольших скачков. Вопреки учению И. В. Сталина, Б. М. Кедров считает большими скачками, «переходами языка от одного качества к другому» процессы образования племенных языков из родовых, языков народностей из племенных, языков национальных — из языков народностей[64]. Между тем, И. В. Сталин вовсе не связывает качественное преобразование всей «основы языка» с этими этапами его развития. Вместе с тем «скачки» в понимании Б. М. Кедрова совсем не связаны с внутренними законами развития языка.

В статье Б. М. Кедрова особенно наглядно выступила многозначность употребления термина «скачок». Так, с одной стороны, говорится о «больших качественных изменениях или скачках» (стр. 12), совершаю-

---

[60] Б. Кедров, О формах скачков в развитии природы и общества, «Большевик», 1951, № 15, стр. 14.
[61] Там же, стр. 15.
[62] Там же, стр. 16.
[63] Там же, стр. 20.
[64] Ср. Р. О. Шор и Н. С. Чемоданов, Введение в языковедение, стр. 234.

щихся в виде массы мелких скачков», «растянутых во времени» (стр. 11). С другой стороны, взрыв определяется как «большой скачок», т. е. тоже как большое качественное изменение, складывающееся «из множества одновременно происходящих более мелких скачков» (стр. 12). Следовательно, первоэлементом развития в том и другом случае признается малый скачок, внутренняя сущность которого остается не определенной, а взрыв и постепенный переход одинаково объявляются большими скачками, отличающимися один от другого лишь продолжительностью и быстротой осуществления. Вместе с тем, с одной стороны, всякий скачок рассматривается как «перерыв постепенности» (стр. 88), а с другой — утверждается, что «скачок протекает либо в форме взрыва, одним ударом, либо без взрыва, постепенно» (стр. 15).

Наконец, слово «скачок» в статье Б. М. Кедрова употребляется как обычная языковая метафора, например во фразе: «Каждый из языков прошел гигантский путь развития, совершил большой скачок из первоначального состояния к современному» (стр. 14). Здесь выражения «пройти гигантский путь развития» и «совершить большой скачок» являются синонимическими.

Абстрактное различение двух универсальных форм скачков становится на некоторое время общим местом нашей философской литературы.

Э. Бурджалов в статье «Сталинский „Краткий курс истории ВКП(б)“ и историческая наука» писал: «В сталинских работах по языкознанию марксистское понимание скачка получает дальнейшую конкретизацию и углубление. Переход от старого качества к новому не всегда происходит путем взрыва, указывает товарищ Сталин. Развитие ряда явлений как базисного, так и надстроечного порядка происходит не путем взрыва, а путем постепенного накопления элементов нового качества и отмирания элементов старого качества»[65].

И тут, следовательно, совсем ликвидируется различие между развитием языка и «развитием ряда явлений как базисного, так и надстроечного порядка».

Еще раньше статьи Б. М. Кедрова о двух формах скачков были напечатаны тезисы доклада Э. А. Ломтадзе «Некоторые вопросы развития языка в свете трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания»[66]. Э. А. Ломтадзе также исходит из того положения, что эволюция и скачок, как две обязательные формы движения, не существуют отдельно друг от друга и что есть только два вида скачка: скачок со взрывом и обыкновенный скачок.

По мнению автора, обыкновенному скачку, в отличие от взрыва, присущи следующие черты: развитие явлений на основе внутренних противоречий; эволюционная подготовка скачка; перерыв эволюции или качественное изменение, скачок, характеризуемый большей или меньшей продолжительностью; возникновение новой качественности на базе сохранения прогрессивных элементов старого качества.

Заявив, что «скачок в социальной стороне языка характеризуется продолжительностью, хотя он быстрее, чем процесс эволюции» и что «скачок в языке проявляется в речи нового поколения» (разрядка наша.—*В. В.*), Э. Ломтадзе приходит к следующему общему выводу: «Гениальным сталинским учением о языке отвергаются взрывы в развитии языка, но не отвергаются скачки, скачкообразное развитие языка и языковых явлений. С точки зрения марксистской теории скачки так же закономерны в развитии языка

---

[65] Журн. «Большевик», 1951, № 18, стр. 13.

[66] II (VIII) Научная сессия Института языкознания Акад. Наук Грузинской ССР, посвященная годовщине выхода в свет гениального труда И. В. Сталина «Относительно марксизма в языкознании». План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1951, стр. 30—32.

как эволюция или постепенное изменение языка»[67]. Явное искажение сталинских формулировок в этом последнем тезисе бросается в глаза.

Никаких конкретных примеров скачкообразного развития языковых явлений в тезисах доклада Э. А. Ломтадзе нет. Ссылаться на скачок при освоении языка новым поколением, значит — не видеть никаких внутренних законов развития языка. Ведь, по словам И. В. Сталина, язык создается усилиями сотен поколений. Кроме того, остается совершенно неясным, что разумеет Э. А. Ломтадзе под «новыми элементами старого качества» и под «прогрессивными элементами» того же старого качества; выведение нового качества языка из каких-то новых элементов старого качества кажется странным.

В статье Н. С. Сарсенбаева «О различных путях перехода от старого качества к новому»[68] подведены итоги обсуждения этой темы на кафедре диалектического и исторического материализма Академии общественных наук. Во вступительном слове Б. М. Кедров развивал мысль о том, что «взрыв и постепенный переход от старого качества к новому качеству суть две различные формы революции», что внутренним содержанием каждой из двух форм скачков, по крайней мере, в типичных случаях, служит особый тип противоречий. Вместе с тем, Б. М. Кедров подчеркивал, что «нельзя смешивать понятия эволюции и постепенности», так как «в наше время понятие постепенности приобретает новое содержание, новый более глубокий смысл (ср., например, постепенный переход от социализма к коммунизму)».

В ходе обсуждения вопроса, прежде всего, была подвергнута сомнению теория об универсальности, всеобщем характере двух форм скачка, проявляющихся как в развитии природы, так и в развитии разных общественных явлений. Так, проф. Корнеев указал, с одной стороны, на то, что «нельзя стирать, уничтожать различие между скачком и постепенным переходом», а с другой стороны, доказывал невозможность сводить все многообразие скачков только к двум типам: взрыву или постепенному переходу. По его мнению, наблюдаются, например, в развитии науки и техники такие скачки, которые не являются взрывами и вместе с тем не могут быть признаны и постепенным переходом (стр. 198—199). Кроме того, некоторые из выступавших подчеркивали специфические особенности скачков в условиях развития советского социалистического общества. С возможностью существования других форм скачков, кроме двух, им рассмотренных, вынужден был согласиться и Б. М. Кедров (стр. 201).

Особенно интересны были замечания П. Н. Федосеева, который указал на необходимость вместо абстрактных рассуждений о двух или еще нескольких формах скачков заняться анализом многообразных форм качественных изменений и уже на основе этого анализа уяснить сущность и функции скачков в процессах развития. Вместе с тем П. Н. Федосеев полагает, что говорить о постепенном скачке — значит: не раскрывать самого понятия постепенности. «Скачок может быть моментом постепенного развития, и в основе постепенного развития может лежать целый ряд скачков» (стр. 200).

Таким образом, выяснилась в полной мере необходимость при обсуждении вопроса о различных путях перехода от старого качества к новому исходить из фактов, из конкретно-исторического анализа развития общественных явлений (а также и явлений природы), из более глубокого

---

[67] Там же, стр. 32.
[68] Журн. «Вопросы философии», 1951, № 5.

изучения разных форм качественных изменений, характеризующих специфические особенности движения разных общественных явлений.

О развитии языка посредством скачков на этой же дискуссии в выступлении проф. М. М. Розенталя было высказано несколько соображений, не блещущих новизной. По мнению проф. Розенталя, «постепенность в развитии языка есть форма скачка»; для осуществления такой формы скачка нужны столетия; «переход от национальных языков к зональному языку явится огромным скачком, а образование из зональных языков единого общего языка в коммунистическом обществе будет еще бо̀льшим скачком» (стр. 199). Следовательно, по мнению проф. Розенталя, скачки в развитии языка — дело скорее будущего, чем прошлого, а вся история русского языка от XI в. до современного его состояния проф. Розенталю представляется одним скачком. Таким образом, абстрактное рассуждение о скачках вытесняло, а иногда и совсем устраняло или подменяло вопрос о внутренних законах развития языка.

Легко заметить, что в философской дискуссии о формах скачков в развитии природы и общества самым слабым местом оказался внутренний анализ самого понятия скачка, т. е. анализ форм качественных изменений и их функций, их, так сказать, содержания, сущности и роли в процессе развития разных явлений природы и общества, а также обусловленности внутренними законами развития тех или иных общественных явлений или, во всяком случае, их самой тесной связи с этими законами.

Внутреннее содержание понятия скачка как философской категории, как формы или момента развития, как способа перехода количественных явлений в качественные или как способа перехода от одного качественного состояния к другому отходило на задний план. И это понятно. Этого вопроса нельзя было решать, не поставив перед собой задачи вскрыть специфику развития разных общественных явлений в разные эпохи и не углубляясь во внутренние законы их развития. Поэтому понятие скачка у некоторых философов и языковедов схематизируется, специфические особенности развития разных общественных явлений часто нивелируются. Основное внимание сосредотачивается на темпах протекания скачка и на его, если можно так выразиться, объеме («большой», «огромный», «еще больший» и т. д.) и интенсивности. В силу этого и у некоторых языковедов возникает мысль о том, что специфика языкового развития, обусловленная устойчивостью «основы» языка, сохранением ее в течение целого ряда эпох, заключается в редкости, единичности, так сказать, больших скачков в истории языков (а о «малых» или «мелких» скачках трудно было говорить без выяснения сущности процессов возникновения и развития элементов нового качества в разных частях структуры языка).

Доказательству наличия скачков в развитии языка, но в очень небольшом количестве, посвящена статья проф. Г. Д. Санжеева «О специфике качественных изменений в языке»[69]. «Понятия „скачок“ и „постепенность“ — говорит проф. Санжеев,— не всегда исключают друг друга... Скачок в форме постепенного перехода от старого качества к новому может охватывать десятки и даже сотни лет, как это имеет место в развитии языка»[70]. В качестве примера такого языкового скачка Г. Д. Санжеев приводит образование нескольких монгольских языков в XIV—XVI вв. из диалектов некогда единого монгольского языка-основы. Период XIV—XVI вв., по мнению проф. Г. Д. Санжеева, «так или иначе выделяется из длинной цепи веков, в течение которых развивались монгольские языки и их диалекты» (стр. 116). Таким образом, скачками в развитии языка

---

[69] Журн. «Вопросы философии», 1951, № 4.
[70] Там же, стр. 113—114.

Г. Д. Санжеев считает поворотные периоды, с которыми связываются существенные изменения в структуре данного языка. «Именно то обстоятельство, что при переходе языка от одного качества к другому из старого сохраняется очень многое (чаще всего в преобразованном виде), не может не затруднять установление рубежа между двумя периодами в развитии языка». При таких условиях скачкообразный переход языка от одного качества к другому, принимающий затяжной характер, по мнению Г. Д. Санжеева, «приходится устанавливать по преобладанию элементов нового качества над элементами старого качества» (стр. 116). Но как конкретно определить удельный вес элементов нового качества в структуре языкаили в отдельных ее частях — соотносительно с элементами старого качества,— как установить преобладание нового, по каким количественным или качественным показателям,— об этом Г. Д. Санжеев не говорит ни слова. Правда, так как грамматический строй изменяется медленнее всего, то, по предложению проф. Санжеева, при определении момента перехода языка от одного качества к другому следует руководствоваться прежде всего изменениями грамматического строя. Но в этой области, понятно, решение вопроса о соотношении элементов старого и нового качества, о преобладании тех или иных, представляет особенные, исключительные трудности. Так, по мнению Г. Д. Санжеева, в истории русского языка скачкообразный переход его к новому качеству происходил в XII—XIII вв. (и даже, как выясняется из последующего изложения, вплоть до XV в. включительно), так как к этому периоду относятся утрата глухих звуков и ее последствия, вызвавшие существенное изменение фонетической системы русского языка, а также способов строения основ, затем перестройка системы глагольных форм, оформление категории деепричастия, падение двойственного числа, образование новой системы типов склонения и другие явления. Для подтверждения своей мысли о скачке, происшедшем в истории русского языка в XII—XV вв., Г. Д. Санжеев ссылается на то, что ему русские тексты конца XVI и начала XVII в. понятны и без перевода, между тем как «старые русские тексты с определенного отрезка времени приходится переводить на современный русский, хотя этот отрезок оказывается различным для разных жанров и авторов в диахронических рамках XIII—XV вв.» (стр. 117). Любопытно это мнение Г. Д. Санжеева сравнить с замечанием акад. Л. В. Щербы о том, что грань между старым русским литературным языком и современным языком, языком нового качества проходит по второй половине XVIII и началу XIX в.[71] Но, очевидно, при этих оценках и акад. Л. В. Щерба и проф. Г. Д. Санжеев опираются на различия не в грамматическом строе русского языка, а в его словарном составе. По образцу монгольского языка Г. Д. Санжеев готов связать «скачкообразный» процесс развития русского языка в XII—XV вв. с распадом «примерно в этот же период языка восточно-славянской народности на великорусский (русский), белорусский и украинский языки».

Такие же скачкообразные изменения языка Г. Д. Санжеев находит в эпоху от V до начала IX в. в народной латыни. Он считает, что этот трехвековой период является «периодом решающего переворота от народной латыни к старофранцузскому языку», «действительным рубежом между народной латинской речью и французским языком, как бы ни были мало заметны переходы от этого периода к другому во всей цепи промежуточных ступеней в развитии латино-французской речи» (стр. 118—119).

---

[71] Л. В. Щерба, Литературный язык и пути его развития, «Советская педагогика», 1942, № 3—4, стр. 50—51. Ср. В. В. Виноградов, Великий русский язык, Огиз, 1945, стр. 132—136.

Таким образом, по мнению Г. Д. Санжеева, в истории языка наблюдается «скачкообразность» развития. Он пишет: «Под скачком следует понимать период постепенного перехода языка от одного качества к другому» (стр. 119). Такие переходы в истории языка бывают, по мнению проф. Санжеева, весьма редко. Для истории монгольских языков и русского языка он предполагает только по одному скачку. «Поэтому,— заключает проф. Санжеев,— в ходе конкретных лингвистических исследований не следует везде и всюду искать скачки, которые особенно трудно найти, если наши данные о том или ином языке ограничены пределами двух-трех исторических эпох» (стр. 119). При таком, в общем, довольно механическом подходе к пониманию скачков в истории языка оставались неясными как причины, вызывавшие или вызывающие скачок в развитии языка, так и сами внутренние законы развития языка. В самом деле, Г. Д. Санжеев не интересуется взаимосвязью явлений, создающих, по его представлению, скачкообразный переход в развитии языка. Он не ставит вопроса о том, в какой мере процессы выделения ряда языков из одного языка народности, обычно обусловленные распадом государства, влияют на внутренние законы развития соответствующего языка, определяющие переход его от одного качества к другому. Кроме того, если под скачком понимать не только переход языка в целом от одного качества к другому, но связывать понятие скачка и с теми качественными изменениями, которые происходят в отдельных составных частях языка (например, в системе формообразования или словоизменения, в словообразовании, в развитии типов предложения, в изменениях основного словарного фонда и т. п.), то концепция Г. Д. Санжеева как будто предполагает для всех других периодов развития языка, за исключением того, который объявляется скачком, почти полное отсутствие заметных качественных изменений. Г. Д. Санжеев при этом не разъясняет, что́ он конкретно разумеет под «накоплением элементов нового качества», новой структуры языка и «отмиранием элементов старой структуры» и как представляет себе этот процесс. Судя по отдельным замечаниям, он сводит этот процесс лишь к разным степеням соотношения элементов старого и нового качества в языке, отвлекаясь от изучения принципов их структурного объединения, и признает особенно существенным лишь момент перевеса, преобладания элементов нового качества над старыми.

Едва ли можно считать такое изображение процесса развития языка диалектическим, тем более, что Г. Д. Санжеев вопрос о скачках в развитии языка совсем отрывает от вопроса о внутренних законах развития языка.

Таким образом, обсуждение вопроса о скачках в развитии языка мало подвинуло вопросы изучения внутренних законов развития языка.

Вопрос о скачках в развитии языка может быть решен лишь в том случае, если само понятие скачка получит более точное определение. Если скачком называть качественное изменение вообще, всякий переход количественных изменений в качественные, то нельзя отрицать наличия скачков и в развитии языка; если же скачком называть переход от одного качества к другому, связанный с переворотом, с революционной ломкой прежних отношений, старой структуры, то в языке таких скачков-переворотов не бывает. Периоды интенсивных изменений структуры языка качественно не однородны.

Вопрос о внутренних законах развития языка должен исследоваться на основе конкретно-исторического изучения разных типов изменений того или иного языка в их взаимосвязи, на основе углубленного изучения взаимоотношений всех элементов структуры того или иного конкретного языка в их историческом движении.

7

В своем труде «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталин не раз упоминает о законах развития языка. Не случайно он говорит, с одной стороны, вообще о законах развития языка, а с другой стороны— о внутренних законах развития языка. Ведь к законам развития языка относятся и законы связи и взаимодействия языка с другими общественными явлениями, законы воздействия разных общественных факторов на язык и на его историю. Язык порожден всем ходом истории общества и истории базисов в течение веков. Следовательно, законы его развития, резко отличающиеся от законов смены базисов и надстроек, в то же время не могут не быть тесно и непосредственно связаны с развитием общества, с историей народных масс, с изменениями в объеме и сущности народа как исторической категории. «Язык относится к числу общественных явлений, действующих за все время существования общества... Вне общества нет языка. Поэтому,— заключает И. В. Сталин,— язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»[72]. Вникнув в эту цитату и ее контекст, можно заключить, что здесь И. В. Сталин подчеркивает, с одной стороны, методологическую необходимость изучения вообще языка и законов его развития в неразрывной связи с развитием общества, с общими закономерностями истории общества, а с другой стороны— такую же необходимость изучения неразрывной связи отдельного конкретного языка с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка. Общее и особенное, частное, отдельное — взаимосвязаны как в законах развития языка, так и в методах и приемах изучения этих законов. Кроме того, общеизвестно, что есть родственные языки и группы (семьи) родственных языков, следовательно, родственные по языку племена, народности, нации. Само собой разумеется, что изучение языкового родства наций невозможно в отрыве от истории соответствующих наций, от исследования процессов их возникновения, складывания и развития. Таким путем расширяется понимание законов развития данной группы языков и, вместе с тем, углубляется изучение общих законов развития языка.

Следовательно, при изучении законов развития языка прежде всего необходимо обратить внимание на зависимость закономерностей исторического развития языка от закономерностей развития общества, народа, на взаимосвязи и взаимозависимость развития языка и разных общественных явлений. Основу развития языка составляет развитие общества, история народа — творца и носителя этого языка. И. В. Сталин подчеркивает, что изменения общественной жизни, например, появление классов, зарождение государства, развитие торговли, появление письменности, печатного станка, развитие литературы, смена старого общественного строя новым и другие подобные события и перевороты в истории развития общества внесли и вносят большие изменения в язык и его развитие. Таким образом, зависимость развития языка от развития общества очевидна, закономерности развития общества отражаются на развитии языка, хотя законы развития языка не имеют ничего общего с законами смены базисов и надстроек. Развитие форм речевого общения, изменения в функционально-стилевом многообразии языка тесно связаны с историческими измене-

---

[72] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22

ниями в объеме, составе и социальной сущности народа как исторической категории. Язык племени, язык народности и национальный язык — ступени исторического развития народного языка, тесно связанные с историей общества. Язык племени, язык народности и национальный язык различаются не только по сложности и развитости своей структуры, по многообразию своих жанров и стилей, но и по своей организующей и объединяющей силе в отношении диалектов и, следовательно, отчасти и по элементам своего качества. Закономерности исторических взаимодействий между общенародным языком и территориальными диалектами обусловлены историей общества, историей развития народа. На это с полной определенностью указал И. В. Сталин в ответе товарищу Санжееву, характеризуя закономерности образования национальных языков на основе отдельных возобладавших диалектов.

Общеизвестно, что направление и удельный вес процессов интеграции и дифференциации языков различны в разные эпохи общественного развития. Грань между языком и диалектом в пределах родственной языковой группы в период развития наций иногда определяется не только и даже не столько степенью качественных различий в их грамматическом строе и основном словарном фонде, не только различием внутренних законов их развития, но и общественно-политическими, социально-экономическими и культурно-историческими условиями жизни народа (ср. например, историю молдавского языка в его отношении к румынскому). Развитие языков от родовых к племенным, от племенных к языкам народностей, от языков народностей к языкам национальным — имеет по отношению к отдельным конкретным языкам целый ряд исторических своеобразий, индивидуальных различий и типических особенностей, обусловленных экономическими и культурно-политическими условиями развития соответствующих народов. Общеизвестны коренные различия процессов формирования и развития национальных языков в условиях капиталистического и социалистического общества. Отсюда и вытекает требование марксистской науки о языке — изучать историю языка в неразрывной связи с историей общества, со всем комплексом характерных для той или иной эпохи истории народа социальных и экономических отношений. И. В. Сталин указал на то, что разные законы, разные формулы определяют развитие общества и развитие языков в разные эпохи. Новые закономерности развития общества в условиях социализма вызовут и создадут новые закономерности развития языков.

Таким образом, только изучение языков в неразрывной связи с историей общества, с историей народов может привести к пониманию законов развития языка. Справедливость этого принципа ярко обнаруживается и в историческом исследовании способов использования того или иного общенародного языка отдельными социальными группами, классами, в истории классовых диалектов, а также базирующихся на них социально-речевых стилей. Тут очевидна обусловленность закономерностей развития этих речевых образований,— классовых диалектов и социально-речевых стилей — законами развития общества, историей классов, законами истории культуры. Кроме того, значение и размах культурной роли того или иного языка, его воздействия на другие языки также определяется общественно-политическими, социально-экономическими и культурно-историческими условиями развития народа — творца и носителя этого языка. Однако уже при изучении истории языка в связи с историей развития общества, с историей народа очевиден специфический характер связи законов развития языка с законами развития общества, языковых категорий с категориями общественно-историческими. И. В. Сталин ярко показал, что механический перенос на общенародный язык тех истори-

ческих закономерностей развития и смены, «взрыва», которым подчинены другие общественные явления, явления базисного и надстроечного характера, — одна из главных причин ненаучности и антиисторизма теории акад. Н. Я. Марра и его «учеников». Законы взаимосвязи и взаимозависимости языка и других общественных явлений ни в какой мере не ограничивают внутренних законов развития языка, хотя и могут оказывать воздействие на их интенсификацию в определенном направлении. При всей зависимости языка, закономерностей его исторического движения от развития общества (что естественно для всякого общественного явления) языку как специфическому общественному явлению присущи свои собственные внутренние законы развития. В термин «внутренний закон» нельзя вкладывать количественно- и качественно-измерительный смысл и различать более внутренние, менее внутренние и самые внутренние законы развития языка — в зависимости от того, в каких сферах языковой структуры эти законы действуют. В таком случае неизбежно окажется, что законы, охватывающие словарный состав, в котором, как известно, прямо и непосредственно отражаются самые разнообразные факты и явления общественной жизни, следует подводить под категорию «недостаточно внутренних» или «относительно внутренних»; законы, управляющие развитием основного словарного фонда, придется считать «средне-внутренними», и только к законам развития грамматического строя дозволительно приложить ярлык — «абсолютно-внутренних». Что касается фонетических законов, то их положение в этой иерархии останется совсем неопределенным. Именно в сторону характеристик такого рода направились мысли проф. П. Я. Черных, изложенные в его статье «О связи развития языка с историей народа в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию» [73]. Здесь ставится общий вопрос о специфике законов развития разных сторон языка — его словарного состава, основного словарного фонда, грамматического строя и звуковой системы. Проф. П. Я. Черных приходит к выводу, что «формирование основного словарного фонда, поскольку это доступно нашему изучению, происходит по тем же законам, что и формирование словарного состава в целом» [74]. По мнению П. Я. Черных, связь развития основного словарного фонда с историей народа идет по тем же направлениям, что и у общего словарного состава. Но в отличие от словарного состава — в основном словарном фонде не находят непосредственного отражения «факт смены базисов и факт классовой борьбы». П. Я. Черных думает, что к законам развития словаря языка может быть применено лишь понятие «относительно внутренних законов развития языка». По его словам, «внутренние законы развития словарной стороны языка существенно отличаются от внутренних законов развития грамматического строя. Если говорить только об изменениях в лексике (не касаясь, — поскольку это возможно, — семантических изменений), то можно утверждать, что эти изменения, заключающиеся, грубо выражаясь, в том, что одни слова выходят в запас или вовсе исчезают, а другие (новые по форме или старые, но с новым значением) входят в обращение, обуславливаются лишь относительно внутренними законами развития» [75]. Какой смысл вкладывает П. Я. Черных в понятие «относительно внутренних законов развития», видно из последующих разъяснений. «Обновление лексических средств языка, вследствие ли появления

---

[73] Журн. «Известия Академии Наук СССР, Отделение литературы и языка», 1951, вып. 3.

[74] Там же, стр. 247.

[75] Там же, стр. 248.

новых предметов мысли, обновления сознания (в русском языке послеоктябрьской эпохи: *колхоз*, *комбайн*, *стахановец* и пр.), или на почве законов речевой экспрессии и т. д.,— говорит П. Я. Черных,— находится в тесной связи с обновлением мышления людей, говорящих на данном языке, и, следовательно, как правило, в связи с соответствующими изменениями в жизни общества, в жизни народа, а также в связи с поведением людей как членов общества — поведением, зависящим от их воли»[76], т. е. определяется теми общественными факторами, которые П. Я. Черных признает «внешними». Различая в языковых изменениях причины «внешнего» или «относительно внутреннего» порядка (т. е. непосредственно или опосредствованно связанные с общественными изменениями, с развитием общества) и причины исключительно «внутреннего» порядка, понятные только на почве «внутренней жизни языка как системы», П. Я. Черных в силу этого разделяет и внутренние законы развития языка на «относительно внутренние» и «абсолютно внутренние». К этим последним относится, между прочим, «такой мощный фактор языковых изменений, как омонимическое отталкивание», переразложение основ (из Zonne-dek — зонт — зонтик), «увеличение абстрактности мышления» (например, *время* из первоначального значения — «колесо»). «Таким образом,— заключает П. Я. Черных,— развитие лексических средств языка и „смысла слов“ и внутренние законы, действующие в этой области, находятся в общем в теснейшей связи с развитием общественной жизни, хотя эта связь не всегда является прямой и очевидной»[77].

По мнению П. Я. Черных, «выражение — „внутренние законы развития“ в приложении к грамматическому строю имеет несколько иное содержание, чем в других случаях. Они, эти законы, являются, так сказать, более „внутренними“, т. е. в большей степени испытывающими давление структурных отношений, воздействие системы данного языка, чем, например, внутренние законы развития словаря, лексических средств языка»[78]. Грамматический строй в своем развитии зависит от развития логического, отвлеченного мышления. Впрочем, и тут П. Я. Черных склонен различать факторы менее и более внутреннего порядка. «Многие грамматические явления, в наши дни имеющие абстрактный характер, на начальном этапе их развития оказываются тесно и непосредственно связанными с историей народа» (например, развитие категории числа, категории лица и т.п.). Кроме того, и развитие абстрактного мышления не может быть оторвано от «условий культурной жизни». Таким образом, внутренние законы развития грамматического строя, отличаясь от законов развития словарного состава «прежде всего потому, что они связаны лишь с развитием логического мышления, но не идеологии людей, и потому, что они прямо не зависят от поведения людей как членов общества..., не зависят от смены базисов»[79], в то же время бывают в полной и не в полной мере внутренними. В полной мере внутренними, по оценке П. Я. Черных, являются такие факторы языковых изменений, как грамматическая ассимиляция (аналогия) и грамматическая диссимиляция, переразложение основы, опрощение основы, грамматикализация. Здесь «давление системы языка становится особенно заметным»[80]. В меньшей мере внутренними являются «законы возникновения новых

---

[76] Журн. «Известия Академии Наук СССР. Отделение литературы и языка», 1951, вып. 3, стр. 248.
[77] Там же, стр. 249.
[78] Там же, стр. 250.
[79] Там же, стр. 253.
[80] Там же, стр. 252.

категорий грамматического мышления или вытеснения одних категорий другими (развитие категории одушевленности, вытеснение категории двойственного числа категорией множественного и т. п.)»[81].

По мнению П. Я. Черных, «наименее связанными с сознанием следует считать фонетические законы — законы развития звуковой стороны слов и форм»[82], хотя, вопреки старым взглядам, нельзя отрицать значения сознательных тенденций к тем или иным звуковым изменениям. «При всем том не подлежит сомнению, что многие фонетические изменения вызываются только давлением фонетической системы, действием законов этой системы»[83].

Таким образом, работа П. Я. Черных оставляет неясным, каким образом объединяется или сталкивается действие всех этих «абсолютно, в полной мере внутренних» и только «относительно внутренних», «не в полной мере внутренних» законов развития. При этом каждый из разрядов этих законов охватывает лишь специфические сферы языковых явлений — лексику, грамматику, звуковой строй. Правда, П. Я. Черных допускает зависимость грамматических изменений от изменений в лексике, но он в то же время полагает, что «лексические изменения обыкновенно не зависят от грамматических»[84]. Следовательно, «относительно внутренние законы развития» словарного состава оказываются оторванными от «абсолютно внутренних законов развития» грамматического строя. П. Я. Черных не дает ни определения, ни характеристики внутренних законов развития языка как целого.

8

Внутренние законы развития языка выражаются в формулах, обобщающих закономерности и тенденции исторического развития как всех языков вообще, так и групп родственных языков и каждого конкретного языка в отдельности. Общее неотделимо от особенного, отдельного, и в отдельном обнаруживается общее. И. В. Сталин установил внутренние общие закономерности развития всякого вообще языка, вытекающие из сущности языка как общественного явления и из его структуры.

Эти закономерности свойственны языку как специфическому общественному явлению, отличному от базиса и от надстройки и от других общественных явлений. Таковы, например, общий закон перехода языка от одного качества к другому путем постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры и, соответственно, путем постепенного отмирания элементов старого качества; закон устойчивости «основы» языка, сохранения качества языка; закон постепенного совершенствования языка и т. п. Эти законы проявляются на всех этапах развития языка, во все периоды его истории. Они характеризуют развитие всех языков. Они свободны от ограничений во времени и пространстве, они дают себя знать в языках разного строя. Они определяют характер, специфическое своеобразие развития в области языка как общественного явления, конкретизируясь в разных формах — в зависимости от различий структур разных языков в разные периоды их истории.

И. В. Сталин указал и на те общие законы развития языка, которые связаны с его структурой, от нее зависят. В языке резко различаются по своей роли в структуре языка, по характеру и темпам своих изменений, «основа языка», «сущность его специфики», именно: очень устойчивые —

---

[81] Там же.
[82] Там же, стр. 252.
[83] Там же.
[84] Там же, примеч. 29.

грамматический строй и основной словарный фонд — и подверженная непрестанным изменениям, подвижная часть общего словарного состава. Непрекращающиеся процессы пополнения языка новыми словами и выражениями, утраты устаревших слов, изменения значений слов «...ни в какой мере не решают судьбу языка. Главное в языке — его грамматический строй и основной словарный фонд» [85]. Так устанавливается закон различий в темпах изменений общего словарного состава языка и структурной основы языка. Этот закон обязателен для всякого языка и для всех эпох его развития. Этот закон органически связан со структурными своеобразиями разных сторон языка. В языке наблюдается сложное многообразие взаимодействий отдельных явлений. Элементы языка существуют лишь как структурные части и частицы разностороннего, сложного и конкретного целого. Познание взаимной связи и генезиса языковых явлений, языковых частей осуществляется путем обнаружения общего в частном и единичном, путем определения и раскрытия сущности явлений. Научные обобщения, научные абстракции, ведущие к открытию внутренних законов развития языка и отражающие «...природу глубже, вернее, *полнее*»[86], при изучении языка бывают направлены на такие объекты, которые сами представляют собой продукт разных степеней и разных типов абстрагирования. Различия в формах и способах типизации и абстрагирования разных языковых явлений связаны с различиями законов и темпов их исторических изменений. Обобщением является реальное значение слова. Значение слова — не эквивалент понятия в логическом смысле этого термина, но оно складывается на основе обобщенного понимания предметов и явлений действительности. Грамматика охватывает своими категориями весь словарный состав, который получает величайшее значение, поступая в ее распоряжение. Вместе с тем, слова и выражения в языке — на основе семантических обобщений — группируются в лексико-семантические ряды, подводятся под общие семантические категории, между которыми наблюдаются связи и взаимодействие. Базой этих исторически изменчивых семантических и словообразовательных связей слов является устойчивый основной словарный фонд. Системы формообразования в кругу слов образуют внутренние и тесно связанные ряды грамматических явлений, отражающих в форме абстрактных грамматических категорий разные виды отношений между всякими вообще предметами, свойствами-качествами и действиями в мире действительности. Грамматика отвлекается от частного и конкретного как в словах, так и в словосочетаниях и предложениях. Грамматические абстракции — при всем различии и разнообразии их темпов — иного качества и иной степени, чем те абстракции, которыми обусловлено закрепление познавательной деятельности народа или отдельной социальной группы в словах и выражениях. «...Грамматика,— пишет в связи с этим И. В. Сталин в своей работе „Относительно марксизма в языкознании“,— напоминает геометрию, которая дает свои законы, абстрагируясь от конкретных предметов, рассматривая предметы, как тела, лишенные конкретности, и определяя отношения между ними не как конкретные отношения таких-то конкретных предметов, а как отношения тел вообще, лишенные всякой конкретности»[87]. Интересно вспомнить в связи с этим рассуждения Ф. Энгельса в «Анти-Дюринге» о математике вообще, подчеркивающие соответствие математических абстракций действительному миру: «Чистая математика имеет своим объектом пространственные формы и количественные отно-

---

[85] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 28.
[86] В. И. Ленин, Философские тетради, 1947, стр. 146.
[87] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 24.

шения действительного мира, стало быть — весьма реальный материал. Тот факт, что этот материал принимает чрезвычайно абстрактную форму, может лишь слабо затушевать его происхождение из внешнего мира. Но чтобы быть в состоянии исследовать эти формы и отношения в чистом виде, необходимо совершенно отделить их от их содержания, оставить это последнее в стороне как нечто безразличное; таким путем мы получаем точки, лишенные измерений, линии, лишенные толщины и ширины, разные a и b, x и y, постоянные и переменные величины, и только в самом конце мы доходим до продуктов свободного творчества и воображения самого разума, а именно — до мнимых величин» [88].

Несомненно, отличны от наиболее общих и абстрактных грамматических категорий по своему качеству категории словообразовательные. Словообразовательные элементы — аффиксы не всегда развиваются по прямой линии к грамматической абстракции. Степень их обобщающей силы неоднородна и неравномерна. К тому же в большей части случаев она связана и ограничена лексическими значениями тех основ, с которыми сочетается тот или иной словообразовательный аффикс. Сфера абстракции у такого аффикса сужена его значением, вытекающим из структуры и семантики активных типов слов, которые с его помощью образуются. Вообще, явления словообразования ближе к тем грамматическим процессам, в которых происходит сплетение и даже столкновение грамматических значений с лексическими и в которых нет полной отрешенности от многообразия конкретных лексико-семантических группировок слов. Таковы, например, в русском языке процессы префиксального видообразования, залоговой дифференциации глаголов, различие родовых классов имен существительных, способы разграничения разных типов наречий и т. п. Следовательно, в сфере словообразования наблюдаются активные процессы абстрагирования, отчасти родственные разным видам грамматической абстракции, но вместе с тем резко отличные от основных типов абстракции, лежащих в основе формирования наиболее общих грамматических категорий.

Таким образом, специфика языка состоит в том, что при взаимосвязанности всех элементов языковой структуры категории языка, относящиеся к разным сторонам его строя, обладают разной степенью отвлеченности, разной степенью обобщающей силы и соответственно — разной степенью охвата его элементов. Поэтому изменения одной структурной части необходимо отражаются на строе целого, но по-разному, с разной степенью и силой захвата основы языка. Переход языка от старого качества к новому качеству, к новой структуре возможен лишь в том случае, когда качественные изменения, охватывая весь строй языка, трансформируют до некоторой степени самую «сущность специфики языка», т. е. его грамматический строй и основной словарный фонд. Этот процесс объединения интеграции элементов нового качества является одним из важнейших факторов преобразования языка.

Не следует думать, что законы развития языка, вытекающие из его общественной сущности, из его общественных функций, и законы, вытекающие из структуры языка, — это разные, взаимно не связанные закономерности как бы разных планов функционирования языка. На самом деле они взаимообусловлены и неразрывны. Закон перехода языка от одного качества к другому путем постепенного и длительного накопления элементов нового качества и постепенного отмирания элементов старого качества обусловлен структурой языка, структурными свойствами его грамматического строя и основного словарного фонда. С другой стороны,

[88] Ф. Энгельс, Анти Дюринг, 1948, стр. 37.

сама структура языка, «сущность его специфики» обусловлена общественной природой языка, его ролью в истории общества, тем, что язык порожден «всем ходом истории общества и истории базисов в течение веков», что он создан усилиями сотен поколений. Язык не знает «переворотов», он не может быть «ликвидирован», так как общество не может существовать без общенародного языка. Грамматический строй языка и его основной словарный фонд определяют историческую преемственность языка, непрерывность его общественного употребления. Устойчивость языка, объясняемая устойчивостью его «основы», неразрывно связана с его общественной функцией — быть средством общения людей и обмена мыслями при изменяющихся исторических условиях жизни, быть той силой, которая помогает народу осваивать запечатленные в языке результаты многовекового мышления и еще дальше развивать это мышление. Таким образом, общественная сущность языка и структура языка взаимообусловлены и диалектически связаны. Та же связь соединяет и все внутренние общие закономерности развития языков, вытекающие из специфических особенностей языка как общественного явления и из «сущности его специфики». Специфика языка как общественного явления и структура языка в равной мере обусловлены его общественными функциями, его значением и ролью в истории общества. Еще К. Маркс указал, что «производство обособленного индивидуума вне общества...— такая же бессмыслица, как развитие языка без *совместно* живущих и разговаривающих между собою индивидуумов»[89]. «...Производство есть всегда и при всех условиях **общественное** производство»[90]. Без языка как средства общения и обмена мыслями невозможно добиться успехов в производстве, невозможно само существование общественного производства. Непосредственная связь языка с производственной деятельностью человека позволяет накапливать и передавать последующим поколениям производственный опыт. Результаты общественной практики, результаты познавательной деятельности человека, развития его мышления закрепляются не только в лексике, но и в грамматическом строе языка. Язык и общество — внутренне связанные исторические явления. В общенародности языка заложены специфические качества, своеобразные особенности связи его развития с развитием общества.

За последнее время в советском языкознании стала распространяться тенденция к резкому отграничению общих законов развития языка от законов внутренних. Эта тенденция нашла особенно решительное выражение в статье В. А. Звегинцева «Общие и внутренние законы развития языка»[91]. «Пути развития языков,— пишет В. А. Звегинцев,— обнаруживают закономерности двоякого порядка. Прежде всего представляется необходимым выделить общие законы развития языка. Эти законы вытекают из сущности специфики языка как общественного явления особого порядка, обладающего своими характерными чертами сравнительно с другими общественными явлениями, из общей природы языка и его общественного значения, из особенностей его построения, из качественных особенностей составляющих его частей. Нельзя себе представить развития языка без участия этих законов»[92]. Казалось бы, что здесь налицо все признаки внутренних законов развития языка как специфического общественного

---

[89] К. Маркс, К критике политической экономии, Госполитиздат, 1949, стр. 194. (разрядка наша.— *В. В.*).

[90] И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 550.

[91] Журн. «Иностранные языки в школе», 1951, № 5 и 6.

[92] В. А. Звегинцев, Общие и внутренние законы развития языка. Журн. «Иностранные языки в школе», 1951, № 5, стр. 3.

явления со своей особой структурой (это — законы постепенного изменения языка, сохранения качества языка, неравномерного развития разных компонентов и элементов языка). Но В. А. Звегинцева смущает то обстоятельство, что эти законы, как он выражается, «не могут иметь одинакового протекания в условиях конкретных языковых систем» [93]. И хотя В. А. Звегинцев предупреждает, что «конкретизация этих общих законов в пределах отдельных языков идет не по линии изменения формулы этих законов, а по линии заполнения этой формулы различным языковым материалом, естественно вносящим в общие законы свои частные уточнения» [94], все же он отрывает внутренние законы развития языка от этих общих законов. По его словам, «поскольку внутренние законы развития языка, с одной стороны, находятся в прямой связи с индивидуальным качеством языка, а с другой стороны, обеспечивают национальное своеобразие языка, его национальную самобытность, не представляется возможным устанавливать какие-либо универсальные внутренние законы развития» [95].

Но противопоставлять внутренние законы развития отдельных конкретных языков внутренним общим законам развития языка нет никаких оснований. Общее в истории всех языков сочетается с особенным, определяющим закономерности исторического развития семьи (группы) родственных языков, и с национально-индивидуальным, определяющим своеобразие истории данного конкретного языка и отражающим в известной мере своеобразие исторической судьбы народа — творца и носителя этого языка. Внутренние общие законы развития языка определяют общее направление изменений структуры языка, специфический характер взаимосвязи и взаимозависимости его элементов, они устанавливают в аспекте материалистической диалектики форму или тип развития языка как особого общественного явления и — тем самым — общие тенденции и закономерности развития отдельных конкретных языков. Общие закономерности развития языка, проявляясь в конкретно-исторических изменениях того или иного языка, в изменениях его «материи и формы», сливаются с внутренними законами развития этого языка. Внутренние законы развития данного языка действуют в том или ином направлении в силу специфики его структуры, национальных своеобразий его качества. Они представляют собой конкретно-исторические законы развития того или иного общенародного языка. Анализ конкретных форм развития отдельных языков углубляет понимание внутренних общих законов развития языка — и обратно: знание общих законов помогает изучению особых, частных внутренних законов развития отдельных языков.

9

Внутренние законы развития конкретного языка — это законы его динамики, его количественных и качественных изменений, его перехода от одного качества к другому. Поэтому они изменчивы; как и внутренние законы развития других общественных явлений, они различны для разных эпох. Статические определения внутренних законов развития языка как «совокупности» особенностей того или иного конкретного языка, а также описания «сущности» всех внутренних законов развития языка, встречающиеся, например в статье В. А. Звегинцева, не могут быть признаны диалектическими. Здесь с законами смешиваются их результаты

[93] Там же, стр. 12.

[94] В. А. Звегинцев, Общие и внутренние законы развития языка. Журн. «Иностранные языки в школе», 1951, № 6, стр. 12.

[95] Там же, стр. 14.

и обусловленные ими способы функционирования языка. Вот эти определения: «Внутренние законы развития языка представляют собой совокупность устойчивых и закономерно проявляющихся особенностей конкретных языков, составляющих качество языка и характеризующих национальную самобытность языка»[96] «Закономерности объединения разновременно возникших и возникающих элементов языка в одно структурное целое составляют сущность внутренних законов развития языка»[97], как будто само возникновение этих элементов происходит независимо от внутренних законов развития языка.

В формулировках этого рода смешиваются и отождествляются внутренние законы развития языка с законами или правилами функционирования языка. Пользуясь, например, родным языком как системой взаимосвязанных элементов, мы употребляем его согласно свойственным ему правилам изменения и образования слов, согласно правилам сочетания слов в предложении, согласно правилам или законам связывания слов по их значениям и т. п. Одни из этих правил являются результатом или продуктом внутренних законов развития языка, уже переставших действовать (например, в современном русском языке изменения основы в непродуктивных классах глаголов: *грести — гребу — грёб, лечь — лягу — лёг; стричь — стригу — стрижешь* и т. п.; система склонения местоимений и т. д.); другие правила как бы движутся в русле действия живых, активных внутренних законов развития языка, но, естественно, не совпадают с ними (таковы, например, в современном русском языке правила продуктивного образования глаголов от имен существительных и прилагательных и связанные с ними правила спряжения этих глаголов; таковы живые правила перехода причастий в имена прилагательные; таковы правила словообразовательного и смыслового разграничения относительных прилагательных с суффиксами *-ск-*, *-н-* и *-ов-* и т. д.). Таким образом, в «законах» или правилах функционирования языка в его современном (так же, как и в любом другом) состоянии отражаются как следы или продукты, результаты действия прежних законов развития языка, так и проявления активных, живых внутренних законов его развития, определяющих и направляющих его движение к новому качеству.

Внутренние законы развития языка объясняют сущность кардинальных, узловых процессов истории языка, которые в совокупности своей обуславливают переход его от одного качества к другому. Формулы внутренних законов развития языка принадлежат к тем научным абстракциям, которые «...отражают природу глубже, вернее, *полнее*»[98], чем эмпирические утверждения о регулярности или последовательности отдельных, изолированных языковых изменений. Само собой разумеется, что и такие наблюдения и обобщения помогают установлению внутренних законов развития языка.

Внутренние законы развития конкретного языка — это прежде всего законы развития «основы языка». Основа же языка — это внутреннее ядро всей структуры языка в целом. Связь всех элементов грамматического строя, структурные качества слова и предложения в их взаимоотношении, заложенные в структуре слов и предложений возможности и тенденции их развития, способы реализации этих возможностей, взаимодействие грамматического строя и основного словарного фонда, медленно изменяющаяся, исторически складывающаяся система активных грамматических

---

[96] В. А. Звегинцев, Общие и внутренние законы развития языка. Журн. «Иностранные языки в школе», 1951, № 6, стр. 15.

[97] Там же, стр. 21.

[98] В. И. Ленин, Философские тетради, 1947, стр. 146.

категорий, определяющих строй основного словарного фонда, лексико-грамматическая группировка слов основного словарного фонда в ее историческом движении и в ее неразрывной связи с такой же группировкой всего словарного состава, история словообразовательных типов, сосредоточенных в основном словарном фонде, степень активности каждого из них и характер их взаимосвязанности, семантические системы внутри основного словарного фонда и их взаимодействие с лексико-семантическими разрядами всего словарного состава в их изменениях — все это определяется внутренними законами развития языка. В языковой структуре соотносительные и внутренне связанные ряды явлений (например, системы склонения или спряжения, система времен, наклонений, видов и залогов глагола и т. п.) подобны цепи, отдельные звенья которой спаяны или связаны между собой и тесно примыкают друг к другу. Понятие структуры языка в свете сталинского учения о языке получает новое содержание. Согласно учению И. В. Сталина, язык не может рассматриваться как расположенная в одной плоскости система соотношений и противопоставлений разных языковых элементов — фонетических, грамматических и лексических. Грамматические явления и элементы основного словарного фонда воплощены в звуковую материю соответствующего языка. Поэтому исключать звуковой состав языка из сферы действия внутренних законов его развития — механистично и антиисторично. Грамматический строй и основной словарный фонд неразрывно спаяны друг с другом. В самом деле, «правила изменения слов», т. е. система грамматического формообразования, связаны с грамматическими классами слов, принадлежащих к основному словарному фонду. Изменения в строе таких грамматических категорий, как части речи, сразу же сказываются и на составе основного словарного фонда (например, в развитии русского языка — постепенное расширение разных видов наречных слов в основном словарном фонде — типа: *рядом*, *верхом*, *поперек* и т. д., слов из категории состояния вроде: *жаль*, *нельзя*, *любо* и т. п.). Изменения в системе самих грамматических категорий обычно происходят на основе взаимодействий основного словарного фонда и грамматики языка. Самый характер этих взаимодействий исторически изменчив. Достаточно сослаться в истории русского языка на включение существительных с собирательным значением типа *каменье*, *колье* и т. п. в состав форм множественного числа слов *камень*, *кол* и т. п., на превращение приставочных глаголов в видовые пары форм совершенного вида к формам несовершенного вида и т. п. Так как, по учению И. В. Сталина, основной словарный фонд включает в себя не только корневые слова, которые составляют его ядро, но и, очевидно, известное количество слов производных, а также бывших производными, то, следовательно, наиболее активные, устойчивые и типичные для структуры языка на той или иной ступени ее развития формы словообразования (с соответствующими морфемами и словообразовательными типами, «моделями») также принадлежат к основному словарному фонду. Народная специфика развертывания основного словарного фонда, органически связанная с законами истории грамматического строя соответствующего языка, определяется внутренними законами развития этих словообразовательных типов и категорий, удовлетворяющих потребности общества в словарных новообразованиях. Более быстрые изменения основного словарного фонда сравнительно с грамматическим строем обусловлены его тесной и непосредственной связью с общим словарным составом языка, с его наиболее подвижными частями, особенно чувствительными к изменениям. Изменения основного словарного фонда состоят не только в пополнении его, в лексическом обогащении, но и в развитии значений у входящих в него слов, а также в смысловой дифференциации, в семан-

тическом совершенствовании составляющих его лексических рядов. Изменения в языке, в разных его сторонах разнотипны. Одни из этих изменений, например, изменения в подвижной, неустойчивой части словарного состава, «ни в какой мере не решают судьбу языка». Однако при определенной направленности и лексические изменения могут в процессе их грамматического абстрагирования или семантического обобщения повести к образованию элементов нового качества, новой структуры языка. Именно таким образом была вовлечена в систему видового формообразования глагольная префиксация, ускорившая и осложнившая давний, начавшийся еще в общеславянском языке-основе процесс образования категорий совершенного и несовершенного видов, в развитии русского языка XII—XVI вв. И. В. Сталин учит, что «борьба между старым и новым, между отмирающим и нарождающимся, между отживающим и развивающимся, составляет внутреннее содержание процесса развития, внутреннее содержание превращения количественных изменений в качественные»[99]. Внутренние законы развития языка определяют общую направленность изменений структуры языка, взаимодействие изменений разных сторон языка, их согласованность, а иногда и их противоречия, а также соотношение, борьбу старого и нового в языке, связь процесса накопления элементов нового качества с процессом отмирания элементов старого качества. Само собой разумеется, что при наличии специфических свойств у словаря в целом, у основного словарного фонда и у грамматического строя языка качественные изменения в них могут протекать в разном направлении, вступать в противоречия. Высказывалась даже мысль о том, что грамматический строй, основной словарный фонд, подвижный словарный состав, а также звуковой строй языка имеют каждый свои особые, только ему присущие внутренние законы развития. Конечно, специфические качества грамматики, в отличие от словаря, предполагают иной тип изменений, и, следовательно, иной характер управляющих ими законов. Но едва ли было бы правильно отсюда заключать, что внутренние законы развития языка, произведшие в определенном направлении перестройку его грамматических категорий, не затрагивают в то же время в той или иной степени словарного состава языка. Если к фонетике относить не только систему звуков, но и правила их комбинаций, связанные со структурой морфологических элементов, правила ударения и интонации, то неразрывная связь фонетических изменений с грамматическими и лексическими станет неоспоримой. Следовательно, внутренние законы развития языка, как законы, определяющие взаимосвязь, взаимодействие и взаимозависимость качественных изменений разных сфер языка, должны рассматриваться как внутренние законы развития структуры языка в целом со свойственным ей сложным, противоречивым, генетически разнотипным, но внутренне единым и целостным взаимоотношением частей.

Н. Я. Марр и его «ученики», разрушив даже те представления о языке как целом, которые существовали в до-марксистском языкознании, основывали свою антимарксистскую теорию стадиального развития языка на том положении, что отдельные части языка в результате взрывов «перескакивают» в новую стадию в определенном порядке: сначала синтаксический строй, а за ним словарный состав. По Н. Ф. Яковлеву, «качественное изменение языка, скачок его из одной стадии в другую, начинается с изменения синтаксического строя и состава словаря... Однако завершается и окончательно закрепляется этот скачок лишь в результате качественного изменения морфологии и фонетики»[100].

---

[99] И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 539.
[100] Журн. «Вопросы философии», 1949, вып. 1, стр. 271.

Акад. И. И. Мещанинов, разрабатывавший на антимарксистских основах схему стадиального развития языка путем трансформаций строя предложения, как известно, не интересовался фонетическими изменениями и отрицал морфологию. Стадиальная смена типа предложения в его концепции автоматически влекла за собою смену лексики.

Сталинское учение о языке, о его структуре и его развитии положило конец такому механическому обособлению — или соединению — разных элементов языка и изображению исторического движения языка в виде распадающихся частей еще не собранного целого.

Внутренние законы развития конкретного языка обобщают и концентрируют, объединяют как бы в одном узле целые ряды регулярных, последовательных изменений в разных элементах языковой структуры. Естественно, что эти законы могут быть открыты лишь на основе глубокого исторического и сравнительно-исторического исследования отдельных языков и групп, семей родственных языков. Правда, некоторые общие тенденции развития группы языков (например, индоевропейских) как бы подсказываются уже имеющимися исследованиями: установлена, например, тенденция к унификации и упрощению систем именного склонения на основе родовых классов существительных, тенденции развития форм сказуемости, развития многообразия типов предложений, между прочим, сложных предложений с разными формами союзного сцепления частей и др. Однако все это — лишь материалы, и притом не всегда систематически собранные и исторически осмысленные, к тому же явно недостаточные для исследования и открытия внутренних законов развития, свойственных тем или иным группам индоевропейских языков и каждому из них в отдельности.

10

Буржуазные языковеды, чуждые подлинного понимания общественной сущности языка, его общенародности, его специфических особенностей и внутренних законов его развития, наблюдая известное постоянство, закономерность исторического движения языка, иногда говорят о «предопределенном направлении» его изменений. Так Э. Сепир в своем курсе общего языкознания, исходя из принципа индивидуального почина в изменении языка и вместе с тем из признания случайности индивидуальных изменений, которые подобны «волнам морским, ходящим взад и вперед в бесцельном движении», в то же время пишет: «У языкового движения есть свое направление. Иными словами, в нем воплощаются, закрепляются только те индивидуальные различия, которые движутся в определенном направлении, подобно тому, как только некоторые движения волн в бухте соответствуют приливу и отливу. Движение языка осуществляется через бессознательный выбор со стороны говорящих тех индивидуальных отклонений, которые соответствуют какому-то предопределенному направлению» [101].

Таким образом, движение языка тут рассматривается как слепая стихийная сила, предопределенное постоянство действий которой остается в своих законах и причинах непознаваемым. Для нас особенно интересно признание Э. Сепира, что даже «знание общего движения языка еще недостаточно для ясного уразумения той линии движения, которой суждено восторжествовать». Ведь для этого еще «нужно знать кое-что об относительной потенции и быстроте развития отдельных компонентов языкового

---

[101] Э. Сепир, Язык, русск. перев., 1934, стр. 122.

движения»[102]. Не располагая таким знанием, буржуазно-идеалистическое языкознание в разрешении этих вопросов антиисторически склоняется или к агностицизму или к мистицизму и рассматривает язык как обособленное и полное тайн царство, не находящееся ни в какой связи с развитием общества. Достаточно сослаться на полный отрыв внутреннего от внешнего в развитии языка у Ф. де Соссюра. По его словам, «нет никакой необходимости знать условия, в которых развивался тот или иной язык»[103]. Отсюда и представление о развитии языка в виде замкнутых и оторванных от истории народа систем, как бы накладываемых одна на другую и лишенных внутренней закономерной связи, в виде «слоеного пирога», как выражался Бодуэн-де-Куртенэ. Дальнейшие увлечения структуралистов «панхронией» или «ахронией», связанные с полным отрицанием истории языка, были естественным следствием метафизического и антиобщественного подхода к языку, результатом непонимания его структуры, его общественной сущности и законов его развития. Сталинское учение о неразрывной связи истории языка с историей народа — его творца и носителя — о специфических закономерностях развития языка, о внутренних законах его развития дает нам твердую методологическую базу для построения широкой, всесторонней истории конкретного языка, раскрывающей связь развития этого языка с историей соответствующего народа, с развитием разных сторон общественной жизни этого народа и устанавливающей основные этапы исторического движения этого языка в соответствии с внутренними законами его развития. Так как развитие языка происходит путем развертывания и совершенствования основных элементов существующего языка, то знание этих элементов в их взаимосвязи является необходимым условием изучения внутренних законов развития языка. Следовательно, чем глубже и разностороннее исследованы конкретно-исторические материальные средства изучаемого языка и их изменения, тем шире перспективы изучения внутренних законов развития этого языка. Даже при наличии языкового родства структурные средства и структурные возможности отдельных родственных языков различны.

Исторически сложившиеся в тот или иной период в результате действия внутренних законов развития языка его элементы в их структурном взаимодействии определяют характер и направление последующих качественных изменений этого языка, вызываемых развитием мышления, обогащением результатов познавательной деятельности народа, усложнением и расширением форм общения между членами соответствующего общества. Эти структурные элементы языка оказываются источником не только изменения прежних форм и категорий, но и образования и развития новых структурных единиц и категорий. Вот — конкретные иллюстрации из области развития русского языка, его грамматического строя и отчасти основного словарного фонда в XIII—XVI вв., т. е. в тот период, когда происходит образование языка великорусской народности в процессе дифференциации языка восточно-славянской народности на три языка. В этот период обнаруживаются своеобразные внутренние законы развития русского языка, определяющие общую направленность его качественных изменений в сфере структуры слова. Сюда относятся, прежде всего, явления униформации основы слова в пределах таких частей речи, как имя существительное, прилагательное, а отчасти и глагол. Следы чередований согласных в основе слова, возникших в результате общеславянских смягчений (*волк*, *волцѣ*, *волче*, *волци*, *волцѣх*, *рука*, *руцѣ* и т. п.), в XIII—XV вв.

---

[102] Э. Сепир, Язык, русск. перев., 1934 стр. 128.
[103] Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., 1938, стр. 44—45

устраняются. Форма звательного падежа становится непродуктивной. Любопытно, что соответствующие тенденции распространяются и на класс местоимений (ср. хотя бы *кем* вместо *цѣмь*).

А. А. Шахматов придавал этому процессу такое важное значение, что выдвигал соответствующие явления в системе форм имен существительных как признак складывания языка великорусской народности. В связи с названными процессами устанавливаются качественно новые, «внешнефлективные», как выражался Л. П. Якубинский, отношения между основой и окончанием, характерные для живых, продуктивных типов словоизменения и в современной грамматической системе русского языка. На этой базе, путем распределения старых продуктивных и непродуктивных типов именного склонения по трем основным родовым классам и путем отбора из вариантных форм и распространения наиболее веских падежных окончаний, приобретавших известную свободу связи с разными основами, складывается к XIV—XV вв. система современного именного склонения существительных. К первой половине XVI в. все звенья этой системы в единственном числе уже вполне установились. Этот процесс был связан с развитием более абстрактного понимания грамматической структуры слова как системы форм. Как известно, в предшествующий период развития русского языка беспредложные формы отдельных лексических групп имен существительных, например, слов со значением места и времени, могли быть наделены конкретными обстоятельственными функциями (например, в формах винительного, дательного, творительного и предложного падежей от названий места и в формах родительного, творительного и предложного падежей от названий времени, а еще раньше и дательного). Ср. *домой*, *долой* — из *домови*, *долови*; *долу* — книзу; — *горѣ* — вверх; *кроме* — в сторону, прочь (позднее — в значении предлога), *вчера*, *вечор* и т. п. Границы слова как системы форм были зыбкими. Словообразовательные категории и значения были как бы впаяны в систему словоизменения, или, вернее: сложившиеся системы словоизменения еще сохраняли отпечаток словообразовательных функций отдельных своих элементов. Эта черта ярко выступала в древнем соотношении категорий единственного, двойственного и множественного числа в кругу имен существительных и глаголов. Процесс утраты двойственного числа, происходивший в XIII в., способствовал развитию более отвлеченных функций единственного и множественного числа имен существительных. Категории единственного и множественного числа в кругу имен существительных более четко обособляются от соотносительных с ними и как бы пересекавших их категорий единичности и собирательности. Окончательно установившаяся в XVI в. система именных форм множественного числа растворяет и поглощает в себе некоторые слова и формы с собирательным значением. В связи с развитием грамматических абстракций в кругу числовых значений происходит с XIII в. процесс формирования имен числительных в особую часть речи, отделения их от имен существительных, а также от местоимений (*один*, *два* — *двѣ*, ср. *трие*, *три* и *четыре*, *четыри* с функциями прилагательных). Таким образом, явления униформации основ в кругу имен были тесно связаны с ростом более компактного и лексически концентрированного понимания изменяемых слов как грамматически замкнутых систем форм, а также с развитием и углублением грамматической абстракции в кругу категорий падежа и числа и с формированием новой системы типов именного склонения. Сюда же присоединялись процессы отмирания именного склонения имен прилагательных, процессы синтаксической дифференциации кратких и полных форм имен прилагательных, углублявшие морфологическое и семантическое обособление категории имен прилагательных от существительных. Слово-

образовательное и синтаксическое обособление категории имен прилагательных от существительных наметилось еще раньше. Несомненно, что к этим качественным изменениям в понимании форм слова и именных слов, как систем форм, связанным с изменениями в соотношении и взаимодействии таких частей речи, как имя существительное, прилагательное и числительное, примыкает развитие предложного употребления падежных форм имен существительных и лично-указательных местоимений. Параллельно с этими процессами развития предложных конструкций и во взаимосвязи с ними усиливается переход некоторых именных форм в категорию наречия (*около*, *последи*, *по силе* и т. п.). Однородные процессы качественных изменений в структуре слова затрагивают и категорию глагола. Здесь униформация основы глагола сочетается с процессами образования категорий совершенного и несовершенного видов и с отмиранием форм имперфекта и аориста. И тут устраняется без всякой ломки — путем постепенного и длительного накопления элементов новой структуры — многообразие форм глагольной основы (ср., например, от *ходити* имперфект *хо(а)жах* при возможности кратной формы *хожати*; от *возити* — *вожах* — при *вожати*, ср. *вожатай*; ср. *печи*, *пеку*, *печеть*, *пекох*, *печах*, *пьци* и т. п.). Постепенно к XV—XVI вв. определяются взаимоотношения двух соотносительных, парных видовых основ, проходящих через всю систему форм глагола. С этим процессом объединяется процесс становления новой системы временных форм глагола. В системе продуктивных глагольных классов, формируемых преимущественно от именных основ, процесс униформации глагольной основы находит чрезвычайно яркое выражение. И в этом кругу развитие грамматической абстракции сказывается не только в образовании чисто видовых префиксов, но и в своеобразном отборе составных форм будущего времени с глаголом *буду* (из вариантов модальных и видовых — *хочу*, *иму*, *начьну*, *почьну*).

Все эти процессы захватили в свое течение и так называемый вспомогательный глагол *быть*, распад системы форм которого привел к сложению устойчивой категории условно-желательного наклонения и к образованию модальных союзов путем агглютинации: *чтобы* (XIV—XV вв.), *будто* (с XVI — нач. XVII в.), *якобы* (XVI в.), *чем бы* (XVI —XVII вв.), *как бы* и т. п. (ср. *будет бы*). Для того чтобы шире представить взаимосвязь явлений, охватываемых этими внутренними законами развития структуры слова в русском языке XIII—XVI вв., следует указать на то, что процессы дифференциации систем словоизменения и систем словообразования были связаны с морфологизацией и семасиологизацией чередований гласных и согласных для разграничения основ разных грамматических классов и разных словообразовательных типов, например, *кон(е)ц-*, *конеч(н)-* и *конч-*, *кончи-*, *конча-* и т. п., с закреплением новой системы продуктивных классов глагола и с развертыванием разных форм отымённого образования глаголов, с изменениями в способах префиксального образования глаголов, с возникновением на основе переразложения морфологических элементов и с развитием новых суффиксов существительных и прилагательных, например, *-щин-*, *-чин-* (с XIII—XIV в.), *-щик*, *-чик* (с XIII в.), *-чив-*, *-лив-* (с XIV—XV в.), и т. д.

Но все это — область больших специальных исследований по истории русского языка, которые получают новую направленность и новый смысл в свете сталинского учения о внутренних законах развития языка.

Уже на этом одном примере легко увидеть, какие разнообразные ряды изменений и притом в разных сферах русского языка регулируются и объединяются внутренними законами его развития, обнаруживаемыми в истории развертывания новой структуры слов в XIII—XVI вв.

11

Вопрос о внутренних законах развития языка — один из центральных в системе марксистского языкознания. От его решения зависит более глубокое понимание сущности языка, основных тенденций его развития, расширение наших знаний в сфере общих закономерностей, свойственных языку как специфическому общественному явлению. Вместе с тем исследование этого вопроса на основе конкретно-исторического материала самых разнообразных языков мира даст твердую базу для периодизации истории этих языков, для установления основных этапов их развития. С изучением внутренних законов развития языков связано уяснение и углубление подлинно марксистских принципов построения истории отдельного конкретного языка, а также всех основных разделов исторического языкознания: исторической фонетики, исторической грамматики, исторической лексикологии. В связи с этим точнее и тверже будет определено и место семасиологии (семантики) в структуре исторического и сравнительно-исторического языкознания. Изучение внутренних законов развития языка помогает глубже понять результаты и проявления их действия, сказывающиеся в способах функционирования, употребления современного языка, в его нормах и правилах, в устойчивых элементах его структуры, шире и всестороннее осмыслить связь и борьбу старого и нового в языке, нагляднее осознать сущность и формы обнаружения живых внутренних законов развития языка. Понятие внутренних законов языка связывает новыми крепкими нитями описательную и историческую лингвистику. Конкретно-исторические исследования в области языков народов Советского Союза и языков зарубежных, направленные на изучение внутренних законов их развития, широко раздвинут горизонт советского языкознания и по подлинно научному пути, указанному великим нашим вождем И. В. Сталиным, выведут его на первое место в мировом языкознании.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 2 1952

А. П. БАРАННИКОВ

ЭЛЕМЕНТЫ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО МЕТОДА В ИНДОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Классические труды И. В. Сталина, посвященные вопросам языкознания, сняли путы с творческой мысли советских лингвистов. Они рассеяли метафизический туман, окутывавший последователей «нового учения» о языке, и открыли широкие перспективы для дальнейшего развития советского языкознания.

Господство «нового учения» о языке не могло не сказаться пагубным образом на развитии языкознания и смежных с ним научных дисциплин. Подлинно научное изучение языков, особенно же историческое изучение их, не только было оставлено в пренебрежении, но на него был наложен суровый запрет.

Это и понятно: факты истории любого языка, развитие которого нам известно на протяжении значительного периода, способны с неопровержимой ясностью показать нелепость многих «принципиальных» положений «нового учения» о языке.

Господство этого «учения» поставило в весьма трудное положение как языковедов, прошедших школу в «домарровскую эпоху», так и особенно языковедов, воспитанных на основе «нового учения».

Старшее поколение лингвистов почти не имело возможности развивать и совершенствовать на основе марксистской методологии историческое изучение языков; молодые языковеды не прошли научной школы и зачастую не имели представления о научном историческом изучении языка и о сравнительно-историческом методе в языкознании.

Эти причины объясняют создавшееся в советском языкознании состояние застоя. Чтобы развивать наше языкознание, необходимо, как можно скорее, «...вывести его из кризиса, который оно переживает теперь» [1].

И. В. Сталин указал советским лингвистам путь, по которому можно выйти из создавшегося кризиса:

«Ликвидация аракчеевского режима в языкознании, отказ от ошибок Н. Я. Марра, внедрение марксизма в языкознание,— таков по-моему путь, на котором можно было бы оздоровить советское языкознание» [2].

И. В. Сталин с совершенной ясностью, столь характерной для него, указывает, что оздоровление советского языкознания может быть достигнуто не простым восстановлением и оживлением дореволюционных методов изучения языка, а «внедрением марксизма в языкознание».

Внедрение марксизма в языкознание невозможно без пересмотра основ-

---

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, М., 1951, стр. 34.

[2] Там же.

ных, принципиальных методологических установок и положений, имеющих хождение в советском языкознании.

Эта работа начата советскими лингвистами вскоре после выхода в свет гениальных работ И. В. Сталина, посвященных вопросам языкознания.

Совершенно понятно, что советские языковеды основное внимание направили на критику антинаучных положений и концепций Н. Я. Марра. Наиболее ценной работой этого рода является сборник статей «Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании», получивший положительную оценку советской критики [3].

Значительно меньше внимания в последнее время было уделено положениям и концепциям традиционного индоевропейского языкознания. В этой области мы имеем лишь несколько серьезных работ. Таковы работы Л. А. Булаховского, Б. А. Серебренникова, Б. В. Горнунга и некоторые другие. Все они касаются вопроса о сравнительно-историческом методе.

Это совершенно понятно, так как именно на сравнительно-исторический метод направил внимание советских языковедов И. В. Сталин, говоря о преимуществах этого метода, который толкает к работе и к изучению языков. И. В. Сталин говорил: «...Н. Я. Марр крикливо шельмует сравнительно-исторический метод, как „идеалистический". А между тем нужно сказать, что сравнительно-исторический метод, несмотря на его серьезные недостатки, все же лучше, чем действительно идеалистический четырехэлементный анализ Н. Я. Марра...» [4]

Это прямое указание нашего вождя на сравнительно-исторический метод, на его достоинства и недостатки, выдвигает перед нами требование рассмотреть вопрос о возникновении этого метода.

В европейской буржуазной лингвистической традиции стало аксиомой положение, согласно которому сравнительный метод изучения языков обязан своим возникновением Фр. Боппу, а начало историческому изучению языков было положено Я. Гриммом.

Обычно говорится, что первым образцом применения сравнительного метода является труд Фр. Боппа, посвященный системе спряжения индоевропейских языков, вышедший в свет в 1816 г. [5]

Первым образцом применения исторического метода в языкознании считают книгу Я. Гримма по истории немецкого языка[6].

В нашей советской лингвистической литературе уже было указано на неправильность этого последнего утверждения. Приоритет в создании исторического метода принадлежит не Я. Гримму, а русскому ученому А. Х. Востокову [7]. Труд А. Х. Востокова, почитающийся краеугольным камнем для дальнейших трудов по исторической грамматике славянских языков, должен рассматриваться как старейший образец работ по истории языка.

Приоритет Фр. Боппа в деле создания сравнительного метода остается в буржуазной лингвистике незыблемым, хотя и отмечалось неоднократно, что на близость санскрита к классическим европейским языкам до него указывалось разными авторами, в особенности же В. Джонсом, который

---

[3] См. С. Бархударов, Сборник статей по вопросам языкознания, «Большевик», 1951, № 23, стр. 74—80.

[4] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 33.

[5] Fr. Bopp, Über das Conjugationssystem der Sanskritsprache in Vergleichung mit jenem der Griechischen, Lateinischen, Persischen und Germanischen Sprachen, Frankfurt, 1816.

[6] J. Grimm, Geschichte der deutschen Sprache, B., 1848.

[7] А. Х. Востоков, Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составленной по древнейшим оного письменным памятникам, М., 1820.

говорил об этом еще в работе, относящейся к 1786 г. Многие другие ученые отмечали близость санскрита к авестийскому языку, а также к древнеперсидскому, немецкому и другим языкам.

Мне представляется, что в свете этих высказываний вопрос о приоритете Фр. Боппа в деле создания и применения сравнительного метода требует пересмотра.

Для нас заслуживает интереса факт, что еще в конце XVIII и в первое десятилетие XIX в. разные ученые обратили внимание на большую близость санскрита к русскому языку, т. е. на тот вопрос, который в последние годы, когда русский язык в значительных размерах стал изучаться в Индии, привлекает особенное внимание индийских языковедов.

Вопрос о родстве русского языка с санскритом наиболее подробно был рассмотрен в начале XIX в. русским ученым, который не назвал своего имени [8]. Из предисловия Н. Греча к этой работе мы ничего не узнаем о ее авторе. Н. Греч только отмечает, что это сочинение было поднесено Российской Академии Наук «без имени сочинителя».

В предисловии к своей работе анонимный автор говорит: «Знаменитой Академии Российской предлежит наконец присовокупить к многочисленным, важным услугам, оказанным ею Русскому языку, рассмотрение сих любопытственных изысканий и исследование сего важного предмета, ибо у ней находятся все средства, необходимые для сего многотрудного предприятия. Подношу сии листки ученым ея членам, горящим истинною любовью к отечеству, дабы пригласить их к труду полезному и обещающему успех; прошу их приступить к дальнейшим изысканиям, могущим еще более пояснить сей предмет, доставить вящее богатство в составлении речений и выражениях, обильному, сильному и благозвучному языку российскому, и присоединить оный снова к единоплеменной с ним отрасли, сродство с которой ни мало его не унизит» (стр. 6).

На основании материалов, собранных его предшественниками, автор дает 178 санскритских слов, указывая их значения и соответствия в русском языке.

Записки, прошедшие через несколько рук, далеко не совершенны. Кроме того, в них наблюдаются еще значительные расхождения, явившиеся результатом того, что одни и те же санскритские слова даются либо в западном, либо в восточном произношении. Разные произносительные варианты считаются отдельными словами, например, *асти* — «есть» и *ости* — «есть».

Несмотря на значительное число ляпсусов подобного рода, большинство параллелей, приводимых автором, сохраняет значение и в настоящее время, и автор достигает своей цели — демонстрирования «чрезвычайного сходства Санскритского языка с Русским».

Сопоставление отдельных слов дополняется таблицей спряжения глагола *быть* в настоящем времени. (См. таблицу на стр. 47).

При всех неправильностях, объясняющихся недостаточным знанием санскрита как у автора работы, так и у авторов трудов, из которых он почерпнул свои сведения, представленная таблица дает образец применения сравнительного метода. Автор рассуждения «О сходстве санскритского языка с русским» подошел к сравнительному методу в той его форме, как он применялся в ранних трудах этого рода.

После опыта, подобного опыту русского автора и некоторых других исследователей, задача Фр. Боппа оказалась по существу несложной:

---

[8] О сходстве санскритского языка с русским. Поднесено Импер. Российской Академии., СПб., 1811.

он должен был только демонстрировать сравнительный метод на более обширном материале.

Санскр.	Русск.	Латинск.	Греческ.	Старо-нем.	Исландск.
асми	*есмь*	*sum*	εἰμί	*im*	*er*
аси	*еси*	*es*	εἶς	*is*	*ert*
асти	*есть*	*est*	ἐστί	*ist*	*er*
асму	*есмы*	*sumus*	ἐσμέν	*sijum*	*erum*
астху	*есте*	*estis*	ἐστέ	*sijuth*	*erud*
асти	*суть*	*sunt*	εἰσί	*sind*	*eru*

В одном отношении Фр. Бопп делает даже шаг назад по сравнению с нашим соотечественником: в первом издании своего труда им не были привлечены к сравнению славянские языки, между тем как родство санскрита со славянскими языками было известно задолго до Боппа.

* * *

Положение о том, что сравнительный, или точнее, сравнительно-исторический метод возник в XIX в. в результате работ европейских ученых, нуждается в серьезном пересмотре и на основе фактов древнейшей индийской лингвистической традиции.

Факты эти говорят, что еще в весьма далекой древности индийская лингвистическая традиция знала элементы сравнительно-исторического метода.

Корни индийской лингвистической традиции, как это давно известно, восходят к весьма отдаленной эпохе, однако языковедческие работы, создававшиеся в течение длительного периода до середины первого тысячелетия до н. э., не дошли до нас. О них мы знаем на основании того, что древнейший доступный нам лингвистический труд, грамматика Пāнини, по своей форме, по широкому охвату разнообразных языковых фактов и по их трактовке предполагает существование сложной и длительной лингвистической традиции.

Сам Панини (V в. до н. э.) называет ряд своих предшественников, а именно: Апишали, Кашьяпа, Гаргъя, Галава, Чакравармана, Бхарадваджа, Шакатаяна, Шакалья, Сенака и Спхотаяна.

Кроме этих десяти своих предшественников, Панини называет также две школы языковедов, что уже было отмечено О. Бётлингом [9], а именно северную (udañc) и восточную (prāñc), и многократно отмечает различие между его собственными положениями и положениями представителей разных школ и ученых авторитетов.

[9] Pāṇini's Grammatik, herausgegeben von O. Böhtlingk, Leipzig, 1887, Einleitung, стр. IX.

Несмотря на то, что Европа познакомилась с грамматикой Панини около ста лет назад, этот замечательный труд надлежащим образом не изучался.

Причина этого обстоятельства лежит главным образом в том, что грамматика Панини облечена в весьма своеобразную форму. Ее правила (сутры) весьма близки к алгебраическим формулам, которые без специального изучения совершенно непонятны даже для человека, хорошо знающего санскрит. Например:

Сутра *ata initanau* (5.2.115) [10]. Без комментария эта сутра не может быть понята. Комментарий же гласит: «К основе, оканчивающейся на *a*, присоединяются суффиксы *-in* и *-ika*.

Сутра *ato heḥ* (6.4.105). Согласно комментарию, эта сутра значит: «В императиве после *a* личное окончание 2-го л. единств. ч. отпадает».

Сутра *ano nuṭ* (8.2.16). Согласно комментарию, значит: «После основы на *-an* суффикс *-mat* получает в ведическом языке аугмент *n*».

Только весьма незначительное число сутр облечено в более или менее понятную форму. Таковы, например:

Сутра *bahuṣu bahuvacanaṁ* (1.4.21). (Когда говорится) «о многих, (употребляется) множественное число», или

Сутра *bahulaṁ chandasi* (2, 4, 73 и др.). «В ведах различным образом (строятся формы данной категории).

Грамматика Панини построена на весьма широкой основе. Автор не раз говорит о диалектических особенностях древнеиндийского языка на востоке страны (4.1.22, 4.1.57, 4.1.60, 4.2.20, 6.2.74 и др.), называет ряд особенностей разговорного языка (3.2.108, 4.1.62, 6.1.18 и др.) и многократно говорит об особенностях ведического языка.

Основное внимание Панини обращает на стандартную форму древнеиндийского языка, впоследствии получившую название санскрита.

В грамматике Панини, таким образом, мы имеем первую в истории Индии нормативную грамматику индийского языка. Нормы этого языка определены с исключительной ясностью и полнотой.

Кому принадлежит столь широкий план трактовки языкового материала, самому ли Панини или его предшественникам, мы в настоящее время лишены возможности сказать с полной уверенностью. Учитывая, однако, тот факт, что начало науки о языке в Индии было тесно связано с изучением языка Вед, сплошной текст которых еще в глубокой древности был разделен на отдельные слова и морфемы, мы можем предполагать, что элементы ведического языка должны были занимать значительное место в трудах предшественников Панини, может быть, гораздо большее, чем в труде этого классика древнеиндийской науки о языке.

О ведическом языке Панини говорит только в относительно небольшом числе сутр — немного более чем в 200 сутрах, тем не менее,— при лаконичной сжатости его положений и правил, он сумел коснуться весьма значительного числа явлений ведического языка: фонетических, морфологических и синтаксических. Наибольшее внимание он уделяет фактам морфологии и словообразования.

Фонетике ведического языка в ее отличие от фонетики санскрита Панини уделяет немного места. Из фонетических явлений наиболее подробно он говорит о сандхи, т. е. о правилах, регулирующих звукоизменения, получающиеся в результате встречи различных звуков при построении форм или при соприкосновении слов, непосредственно следующих одно за другим в речевом потоке. Этому вопросу посвящен, например, ряд сутр в шестой книге грамматики Панини (6.1.15—6.1.22).

[10] Здесь, как и в последующем изложении, тремя цифрами обозначается соответственно книга, глава и сутра санскритской грамматики Панини.

Меньше внимания Панини уделяет различиям в исторической фонетике, редко их касаясь. Таково, например, его указание на различие рефлексов гласного *r̥* в формах, образованных от глагола par — *наполнять*. В санскрите, согласно сутре 7.1.102, от этого корня будут образованы формы pūrta — *полный*, pupūryati — *наполняет*, а в ведическом языке, согласно сутре 7.1.103, — papritama и papuri.

Касаясь ударения, Панини говорит преимущественно о различиях в ударении в именных формах (например, 6.1.178) и особенно в словообразовании. Реже говорит он о различиях в ударении в глагольных формах. Так, например, Панини указывает, что в отличие от санскрита, где окончание 2-го л. единств. ч. императива *hi* всегда должно носить ударение (3.4.87), в ведическом языке (3.4.88: *vā chandasi*) ударение на окончании *hi* необязательно.

Интерес Панини к вопросам ударения не теоретический, а чисто практический. Он говорит лишь о тех явлениях, знать которые необходимо в целях правильного чтения, вернее, декламации.

Значительно подробнее Панини говорит о явлениях морфологических.

Обращаясь к глаголу, он отмечает, что в отношении образования глагольных основ настоящего времени принадлежность глагольных корней к определенным классам, принятым в санскрите, в ведическом языке не выдерживается (3.1.85).

Так, обращаясь, например, к глаголам, принадлежащим в санскрите по образованию основы настоящего времени ко второму классу (2.4.72), Панини указывает, что в ведическом языке в построении основ этих глаголов наблюдается разнообразие (2.4.73: *bahulaṁ chandasi*), так как ряд глаголов, принадлежащих в санскрите ко второму классу, в ведическом языке может строить формы настоящего времени не только по второму санскритскому классу, но и по первому. Например, от глагола han — *убивать* в одинаковой мере употребительны формы hanti — *убивает* (второй класс) и hanati (первый класс). Глагол çī — *лежать* также может в ведическом языке строить свои формы как по второму классу (çete — *лежит*), так и по первому классу (çayate).

Говоря об основах настоящего времени, образующихся в санскрите путем удвоения (третий класс), Панини указывает, что в ведическом языке от корней глаголов, относимых в санскрите к третьему классу, основы и формы настоящего времени могут быть образованы по-разному, в частности и по второму классу. Например, наряду с формой dadāti — *дает*, в ведическом языке закономерна форма dāti — *дает*. Санскритской форме dadhāti — *кладет* соответствует ведическая форма dhāti, и т. д.

Рассматривая формы аориста, Панини показывает, что в ведическом языке наблюдается большее разнообразие в построении форм аориста, чем в санскрите (3.1.50, 3.1.51, 3.1.59). Он отмечает также, что в ведическом языке нередко отсутствуют показатели аориста (2.4.80), в частности, может отсутствовать аугмент.

Панини отмечает весьма значительные различия между санскритом и ведическим языком в формах перфекта (3.1.42, 3.2.105—107), в построении форм абсолютива (3.1.118, 3.1.123), а также в управлении некоторых глаголов падежами.

Ряд сутр посвящен вопросам словообразования в ведическом языке, отличиям в построении форм женского рода (4.1.46, 4.1.71), деноминативных образований (4.3.22, 5.1.61 и т. д.), различиям в образовании наречий, частиц и т. д.

В области именного склонения Панини указывает (7.1.50) на характерные отличия ведического языка, а именно:

окончание *-āsas* в им. пад. множ. ч. у основ на *a* мужск. рода, кото-

рому в санскрите соответствует окончание *-ās*. Например, в Ригведе: brāhmaṇāsaḥ — *брахманы*, в санскрите — brāhmaṇāḥ [11];

ведическое окончание *ā* в им., вин., зват. пад. множ. ч. среднего рода вместо санскритского окончания *-āni* (6.1.71). Например, в ведическом kṣetrā — *поля*, в санскрите kṣetrāṇi; в ведическом vanā — *леса*, в санскрите — vanāni и другие.

Из глагольных личных окончаний, свойственных ведическому языку, Панини отмечает окончание 1-го л. множ. ч. наст. вр. — *-masi*, которому в санскрите соответствует *-mas*. Например, ведическому vāsayāmasi — *мы освещаем* соответствует санскритское vāsayāmaḥ.

Одной из наиболее ярких особенностей ведического языка, отмеченных Панини, является наличие в ведическом языке большого числа окончаний инфинитива. В санскрите инфинитив имеет только одно окончание *-tum*, в ведическом же, как это отмечает Панини, имеется пятнадцать окончаний инфинитива (*-se*, *-dhyai*, *-tavai*, *-tave*, *-toḥ* и т. д.).

Панини называет также ряд других особенностей ведического языка, имеющих менее широкое распространение.

Нами даны лишь немногие образцы сравнения санскрита с ведическим языком. В своем труде Панини сопоставляет эти языки по всем важнейшим разделам фонетики, морфологии, словообразования и отчасти синтаксиса, впервые в истории индийского языкознания давая образцы сравнительного метода.

Из представленных им фактов можно сделать общий вывод, что санскрит, нормализованный язык древней Индии, развился путем устранения многодиалектности, наблюдаемой в ведическом языке, в языке, который, несмотря на длительную работу многочисленных редакторов, сохранил много ярких образцов диалектизмов, свойственных племенным диалектам, на которых были написаны отдельные гимны Ригведы, в дальнейшем объединенные в этот большой сборник.

Как известно, нормализация санскрита явилась результатом преобладания диалекта так называемой Брахмаварты, области между Гангой и Ямуной, между Дели и Матхурой, т. е. диалекта экономического, культурного и политического центра древней Индии [12].

Сравнительный метод, применяемый Панини, имеет элементарно простую форму. Он только констатирует наличие особенностей в ведическом языке и не делает из этого факта никаких дальнейших выводов. Он рассматривает эти особенности в одной плоскости с нормами, установленными им для санскрита.

Он ни слова не говорит о возможности разной хронологизации рассматриваемых им фактов и не видит исторической последовательности между ведическим языком и санскритом.

Тем не менее собранный и систематизированный им материал в значительной степени ускорил в дальнейшем построение истории индо-арийских языков.

Метод сравнения Панини применяет только на материале заведомо близких языков. Как и другие народы древности, индийцы в изучении языка не выходили за пределы языков, родство которых было очевидно.

Идея развития, точнее, идея исторического развития, не нашла выражения в труде Панини, и часто отличия ведического языка от санскрита он рассматривает как неправильности.

---

[11] Конечное *ḥ* (висарга) является в древнеиндийском в абсолютном исходе слов на месте звука *s*.

[12] Наличие еще в древней Индии единого литературного языка свидетельствует о том, что Индия еще в глубокой древности являлась культурным целым, и внешним выражением этого культурного единства был санскрит.

Об отсутствии у него идеи исторического развития языка говорит и то, что он ни одним словом не упомянул о формах среднеиндийских языков или пракритов. Это тем более удивительно, что в V в. до н. э., когда Панини писал свою грамматику, пракриты уже получили литературную обработку и широко употреблялись в литературе, например, последователями буддизма и джаинизма.

* * *

Идея исторического развития была привнесена в индийское языкознание последующими индийскими языковедами, обратившимися к изучению среднеиндийских языков или пракритов.

Различия между древнеиндийским языком и пракритами настолько разительны и выступают с такой ощутительной ясностью, что сама собой является мысль об их более позднем происхождении, т. е. об исторической связи древнеиндийского языка с пракритами. Это выражено в известном положении «saṅskr̥taṁ prākr̥tānāṁ mātā — санскрит — мать пракритов».

Идею о развитии пракритов из санскрита мы находим в древнейшем дошедшем до нас труде, посвященном пракритской грамматике, «Пракрита-пракаша» Вараручи[13].

Вараручи Катьяяна, живший в III в. до н. э., был крупнейшим знатоком санскрита и пракритов своей эпохи. В своем труде он говорит о четырех пракритах: махараштри, пайшачи, магадхи и шаурасени. Махараштри рассматривается им как образец пракрита, как «идеальный» пракрит, пракрит вообще, и потому подавляющее большинство сутр его труда посвящено именно пракриту махараштри. Трем остальным пракритам Вараручи уделяет мало внимания. Он только отмечает главнейшие, наиболее бросающиеся в глаза особенности, которые отличают каждый из пракритов от основного пракрита махараштри.

Грамматика Вараручи облечена в обычную для Индии форму сутр, написанных на санскрите и по своему характеру мало отличающихся от сутр, принятых в грамматике Панини.

Вараручи ставит перед собой не теоретическую задачу — дать историю пракритов, а руководствуется чисто практической целью — показать, каким образом из санскритских слов и форм образовались пракритские, и дает своеобразные правила, как из санскритских слов получить пракритские, применения которых требовал канон древней индийской фонетики, особенно же канон старой индийской драмы. Однако, преследуя свою чисто практическую цель, Вараручи фактически дал историю среднеиндийских звуков и форм.

Первая глава труда Вараручи посвящена истории гласных звуков. Здесь с достаточной полнотой описаны основные моменты развития вокализма.

Вараручи, как правило, уделяет мало внимания фактам сохранения того или иного древнеиндийского звука в пракритах. Его привлекают факты дальнейшего их развития.

Так, например, обращаясь к краткому древнеиндийскому *a*, он начинает с положения, что этому звуку в первом слоге слова соответствуют в пракритах два рефлекса, а именно: *ā* и *a*. Например, санскритскому samr̥ddhi — *изобилие* в пракритах соответствуют sāmiddhī и samiddhi; санскритскому

---

[13] Vararuci, Prakr̥taprakāça, The First Complete Edition with Notes and English Translation, by E. B. Cowell, second issue, L., 1868.

prakaṭa — *явный* в пракритах соответствует pāadam и paadam; санскритскому[14] abhijāti — *происхождение, рождение* — пракритское āhijāī и aḥijāī.

В дальнейших сутрах Вараручи указывает, что древнеиндийскому *a* в пракритах соответствует *i*. Например, скр. pakva — *вареный, спелый*, прк. pikkam; скр. svapna — *сон*, прк. siviṇo, и т. д.

Далее, им отмечается исчезновение начального *a*: скр. araṇya — *лес*, прк. raṇṇam.

Далее, появление на месте древнеиндийского *a* звуков *e* и *o*. Например, скр. çayyā — *ложе*, прк. sejja; скр. trayodaçah — *тринадцать*, прк. teraho; скр. navamālika — *жасмин*, прк. nomalia.

После рассмотрения других рефлексов древнеиндийского *a* Вараручи указывает, что в пракритах факультативно может явиться новый звук *a* на месте древнеиндийского *ā*. Например, скр. yathā — *как*, прк. jaha, *jahā*; скр. tathā, прк. taha и tahā, и т. д.

Подобным же образом в этой главе Вараручи рассматривает историю других гласных. Развитие каждого звука богато иллюстрировано примерами, взятыми из широко употребительных слов.

Во всех представленных им примерах развития гласных Вараручи единственным источником пракритских слов считает санскрит. Диалектическая расчлененность пракритов, очень часто отражающая диалектизмы ведического языка, им полностью игнорируется. В этом отношении, как и во многих других, Вараручи остается верным установившейся индийской лингвистической традиции — все факты развития позднейших языков выводить из санскрита. Вторая глава труда Вараручи посвящена судьбам одиночных согласных, стоящих не в начале слова.

Вараручи указывает (2.2)[15], что в этом положении девять древнеиндийских одиночных согласных, а именно: *k, g, c, j, t, d, p, y, v* в пракритах обычно исчезают из произношения. Например, скр. mukula — *почка*, прк. maülo; скр. sāgaza — *море*, прк. sāaro; скр. vacana — *слово*, прк. vaaṇam; скр. gaja — *слон*,; прк. gao; скр. kr̥ta — *сделан*, прк kaam; скр. kapi — *обезьяна*, прк. kaï; скр. nayana — *глаз*, прк. ṇaaṇa; скр. divasa — *день*, прк. diaho.

После этой сутры, имеющей общий характер, автор, в соответствии с установленной традицией, приводит многочисленные отступления от данного им общего правила.

Следующая сутра (2.27), имеющая общий характер, гласит, что пять древнеиндийских аспират, а именно: *kh, gh, th, dh, bh*, в пракритах теряют каждая свой затворный элемент и обращаются в *h*. Например, скр. mukha — *лицо*, прк. muham; скр. megha — *облако*, прк. meho; скр. gathā — *песня*, прк. gahā; скр. Rādhā, прк. Rāhā; скр. rasabha — *осел*, прк. rasaho, и т. д.

Из других важнейших явлений истории одиночных согласных, стоящих между гласными, Вараручи указывает: а) на церебрализацию зубного древнеиндийского *n*, например, скр. nadī — *река*, прк. ṇaï; б) на совпадение древнеиндийских трех звуков *ç*, *ṣ* и *s* в одном звуке *s*, например, скр. vr̥ṣabha — *бык*, прк. vasaho; скр. çabda — *слово*, прк. saddo и т. д.; в) на появление в пракритах *l* на месте древнеиндийского *r*; например, скр. caraṇa — *нога*, прк. calaṇo.

В многочисленных других сутрах рассматриваются фонетические явления, не имеющие такого широкого распространения, как приведенные выше.

---

[14] В дальнейшем в тексте мы будем обозначать: санскрит — скр.; пракрит — прк.

[15] Из двух цифр, относящихся к грамматике Вараручи, первой обозначается глава, а второй сутра этой грамматики.

В третьей главе Вараручи рассматривает группы древнеиндийских согласных. Он указывает, что в пракритах они упрощены путем ассимиляции.

Вараручи дает примеры ассимиляции сначала двух затворных согласных, например, скр. bhakta — *благочестивый*, прк. bhatta; скр. utpala — *голубой лотос*, прк. uppala; скр. supta — *уснувший*, прк. sutta, и т. д., а затем примеры ассимиляции затворных с сонорными *m*, *n*, *y*, *l*, *v*, *r*. Например, скр. nagna — *нагой*, прк. nagga; скр. yogya — *подходящий*, прк. joggo; скр. valkala — *кора*, прк. vakkalam; скр. pakva — *вареный*, прк. pakka, и т. д.

Следуя своему постоянному принципу выводить пракритские формы из стандартных форм санскрита, Вараручи нередко оказывается в весьма затруднительном положении. Так, например, санскритскому sūrya — *солнце* в пракритах соответствуют два рефлекса — *sūro* и *sujjo*. Наличие этих двух рефлексов самому Вараручи представляется непонятным, нарушающим выставленные им же самим внутренние законы языка, в данном случае закон ассимиляции групп согласных: например, скр. kārya — *дело*, прк. kajjam. Противоречие здесь исчезает без всякого труда, если мы допустим, что, наряду с древнеиндийской литературной формой *sūrya*, которая дает *sujja*, существовала диалектическая форма *sūriya*, *sūria*, которая в пракритах должна дать *sūro*.

В четвертой главе Вараручи рассматривает вопрос о судьбе конечных согласных как в абсолютном исходе слов, так и при словосложении.

Он указывает, что древнеиндийские конечные согласные в пракритах исчезают. Например, скр. yaças — *слава*, прк. jaso; скр. nabhas — *небо*, прк. naham; скр. yāvat — *сколько*, прк. jāva, и т. д.

Вараручи показывает, что фонетические изменения конца слова, в связи с исчезновением в ряде пракритов категории среднего рода, приводят к переходу подавляющего большинства имен существительных среднего рода в мужской род; меньшинство их переходит в женский род.

Пятая глава труда Вараручи посвящена склонению имен, шестая — местоимениям, седьмая и восьмая — спряжению глаголов. В девятой рассматриваются междометия.

Девятая глава заканчивается сутрой (9.18) *çeṣaḥ saṅskr̥tāt* «остальное, как в санскрите».

Короткая десятая глава посвящена пракриту пайшачи. Основой его автор считает пракрит шаурасени.

В одиннадцатой главе очень коротко рассматривается пракрит магадхи, основой которого Вараручи считает также пракрит шаурасени.

Последняя, двенадцатая, глава пракритской грамматики посвящена пракриту шаурасени, основой и источником которого автор считает санскрит: *prakr̥tiḥ saṅskr̥tam*.

Представленные здесь факты позволяют сказать, что Вараручи дает рудиментарную форму сравнительно-исторической грамматики. Он применяет сравнительно-исторический метод задолго до того, как он получил свое развитие в Европе.

Вараручи, совершенно игнорируя наличие диалектов в ведическом языке, все факты среднеиндийских языков возводит к одному источнику — санскриту.

Подобно своим предшественникам и более поздним авторам, Вараручи оперирует только с фактами языков одной системы — индо-арийской, взаимное родство отдельных членов которой было известно давно и не нуждалось ни в каких доказательствах.

Хотя во второй половине первого тысячелетия до н. э. в Индии в течение более или менее значительного времени жили носители древнепер-

сидского, греческого и других языков, индийцы этих языков не изучали, и родство древнеиндийского языка с древнеперсидским и греческим языком им не было известно.

Таким образом, знакомство индийцев с рудиментарной формой сравнительно-исторического метода не привело к открытию индоевропейской системы языков и к тем большим результатам, которые имело это открытие.

* * *

После Панини и Вараручи индийские языковеды занимались преимущественно комментированием трудов своих предшественников. Они привносили иногда весьма существенные дополнения и поправки к их трудам, но не вводили нового материала.

Единственным крупным языковедом, которому в заслугу нужно поставить введение в область научного исследования нового материала, является Хемачандра [16], автор XI в. Его труды по санскриту и пракритам дают мало нового по сравнению с трудами его предшественников, но он ввел в научный обиход материал по поздним среднеиндийским языкам, которые носят название апабхранша, и этим в некоторой степени заполнил в наших знаниях провал между пракритами и новоиндийскими языками.

После Хемачандры и завоевания Индии мусульманами средневековая индийская схоластическая наука не занималась изучением позднейших этапов в развитии индо-арийских языков.

Народные языки средневековой Индии, так называемые новоиндийские языки, проникли в литературное употребление в первой половине второго тысячелетия н. э., получив литературную обработку в разные столетия этого периода. С XI—XII вв. развивается литература на языке хинди, служившем как и другие новоиндийские языки начального периода их развития средством выражения демократических для своей эпохи идей. Наиболее культурный класс средневековой Индии, брахманство, пользовалось в качестве литературного языка санскритом, всеми мерами охраняя свою монополию на занятие наукой. После завоевания Индии мусульманами, которые ослабили путы жестокого кастового гнета, на литературную арену выходят представители воинской касты и различных угнетенных каст северной Индии. Они восставали против кастового строя, требовали социального равенства, отрицали привилегии брахманства. Эти свободолюбивые идеи выражались представителями разных «еретических» сект в художественных произведениях, имевших религиозную окраску.

Брахманство с самого начала относилось крайне враждебно к новоиндийской литературной традиции за ее «еретические» и «мятежные» идеи. В результате этой кастовой вражды новоиндийские языки, которые рассматривались брахманством как «грубые жаргоны», не привлекались к научному изучению. Новоиндийские языки находились вне сферы внимания местных индийских лингвистов до начала XIX в.

Даже в XIX в. новоиндийские языки очень мало привлекали внимания ученых хинду, брахманов. Только после подъема в Индии национально-освободительного движения, вызванного идеями Великой Октябрьской социалистической революции, индийские ученые стали серьезно занимать-

---

[16] Siddhahemacandra... herausgegeben von R. Pischel. Halle, 1877—1880.

ся проблемами своих национальных языков и создали крупные работы в области лексикографии, грамматики и сравнительно-исторического изучения новоиндийских языков.

* * *

Во второй половине XIX в. вопросами сравнительного изучения новоиндийских языков занимаются европейские индологи-лингвисты, которые создают труды по сравнительной грамматике новоиндийских языков. Первым вышел трехтомный труд Дж. Бимза [17], за ним последовала однотомная сравнительная грамматика Р. Хернле [18].

Обе названные работы имеют важное значение в истории сравнительного изучения новоиндийских языков. Они использовали уже известный материал по сравнительному изучению индийских языков, собранный классиками индийской грамматики, и привлекли значительный материал по новоиндийским языкам, материал, который брахманством оставлялся в пренебрежении.

По своему построению и методу изучения материала труд Дж. Бимза теснейшим образом примыкает к пракритской грамматике Вараручи. Сам Бимз отмечает это, говоря об издании «Пракрита-пракаша»: «Это замечательное издание главного труда по пракритам послужило основой настоящего тома» [19].

По своим методологическим установкам к грамматике Бимза теснейшим образом примыкает сравнительная грамматика Р. Хернле. Она выгодно отличается от рыхлого труда Бимза большей сжатостью, большей четкостью формулировок и более значительным привлечением свежего материала по новоиндийским языкам.

Еще в конце прошлого века известный индолог Г. Грирсон [20] отметил основной недостаток двух названных и близких к ним работ, авторы которых пытаются все явления новоиндийских языков вывести из санскрита и забывают о существовании народных языков, поздних пракритов, носящих название апабхранша, к которым непосредственно и восходят формы новоиндийских языков, подобно тому как различные романские языки восходят не к классическому латинскому языку, а к вульгарной латыни.

Значение этого факта, т. е. выведения всего разнообразия звуков и форм, наблюдающихся в новоиндийских языках, из одного источника — санскрита, увеличивается еще более, если принять во внимание, что диалект, на котором основан санскрит, помимо его литературной обработки и шлифовки, значительно отличается от более древнего многодиалектного ведического языка, который некоторыми явлениями фонетического и морфологического порядка органически связан со среднеиндийскими, а через них и с новоиндийскими языками.

Совершенно понятно, что этот дефект обоих названных трудов по сравнительной грамматике объясняется тем обстоятельством, что оба они продолжают традицию Вараручи.

Большой и принципиальный недостаток трудов Дж. Бимза и Р. Хернле в значительной степени был ликвидирован сравнительной грамматикой

---

[17] John Beames, A Comparative Grammar of the Modern Aryan Languages of India, vol. I—III, L., 1872—1879.

[18] R. Hoernle, A Comparative Grammar of the Gaudian Languages, L., 1880

[19] J. Beames, A Comparative Grammar. Preface, стр. X.

[20] G. A. Grierson, On the Phonology of the Modern Indo-Aryan Vernaculars. Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Ges., 1895, B. 49, стр. 395.

Ж. Блока [21]. Ж. Блок поставил перед собой грандиозную задачу — рассмотреть историю индо-арийских языков от ведического языка до современности, от ведического до современного цыганского языка.

Начав историю индо-арийских языков с ведического и санскрита, автор уделяет значительно больше внимания, чем его предшественники, разным формам среднеиндийских языков, не ограничиваясь фактами, засвидетельствованными в грамматике Вараручи, и дает весьма краткое, но систематическое изложение истории звуков и форм новоиндийских языков.

Построение сравнительно-исторической грамматики Ж. Блока представляет образец, так сказать, анатомирования языка. Он дает только историю каждого отдельного звука и каждой отдельной формы. Он анатомирует язык и не показывает взаимосвязи в развитии фонетики и морфологии, а между тем без выяснения этой взаимосвязи нельзя понять путь развития форм, путь развития грамматики языка и грамматического строя.

Основной недостаток этой книги, как и других интересных работ Ж. Блока, заключается в полном отрыве истории индийских языков от истории носителей этих языков. В этом отношении Ж. Блок теснейшим образом примыкает к Дж. Бимзу и Р. Хернле, а через них и к Вараручи.

Автор, ученик Мейе, сам сознает этот недостаток своего труда. Он находит для себя оправдание в том, что индийская историческая традиция не сохранила подлинно исторических, точно датированных и локализированных письменных памятников [22].

* * *

Трудами Вараручи и других названных историков индо-арийских языков установлены только наиболее общие законы развития этих языков. Изучение законов развития отдельных языков начато лишь в недавнее время. Лучшими работами в этом отношении являются труды Ж. Блока по истории маратского языка [23] и труд индийского ученого Сунити Кумар Четтерджи по истории бенгальского языка [24].

Сложная история индо-арийских языков, развивающихся в письменной традиции на протяжении более четырех тысяч лет, при трактовке ее на надлежащей научной основе советским лингвистом, дает много фактов, представляющих общетеоретический интерес для сравнительно-исторического изучения различных языков.

Это можно видеть из следующих положений, в которых вкратце дана история индо-арийских языков.

Наиболее общие законы развития от древнеиндийских языков к среднеиндийским, т. е. к пракритам, вкратце можно выразить в следующих положениях. При переходе к пракритам наблюдается:

1) исчезновение из произношения ряда гласных, свойственных древнеиндийскому языку, а именно: *ṛ*, *ṝ*, *ḷ*, *ai*, и *au*;

2) исчезновение из произношения ряда одиночных согласных, стоящих между гласными: *k*, *g*, *c*, *j*, *t*, *d*, *p*, *y*, *v*;

3) утрата затворного элемента древнеиндийскими аспиратами: *kh*, *gh*, *th*, *dh*, *bh*; на месте этих аспират является звук *h*;

4) исчезновение различий между тремя разными шипящими и сви-

---

[21] J. Bloch, L'Indo-Aryen du Veda aux temps modernes, P., 1934.
[22] J. Bloch, L'Indo-Aryen, стр. 21—22.
[23] J. Bloch, La formation de la langue marathe. P., 1925.
[24] Suniti Kumar Chatterji, The Origin and Development of the Bengali Language, Calcutta, University Press, 1926.

стящими; на месте древнеиндийских звуков *ç ṣ* и *s* в пракритах является один звук: на западе страны *s*, на востоке ее *ç*;

5) ассимиляция групп согласных, появление на их местах долгих (двойных) согласных;

6) сокращение древнеиндийских долгих гласных перед двойными, т. е. долгими, согласными: например, др.-инд. kārya — *дело*, прк. kajja;

7) появление новых сочетаний гласных, которые в древнеиндийском языке были бы совершенно немыслимы, например, др.-инд. hr̥daya — *сердце*, прк. hiaa; bhavati — *есть, бывает*, прк. haai и hoi;

8) исчезновение из произношения всех древнеиндийских конечных согласных, вследствие чего все слова в пракритах стали оканчиваться на гласные;

9) сокращение долгих гласных, находящихся в конечном положении, за немногими исключениями;

10) названные нами важнейшие фонетические изменения, общие для всех пракритов, привели к радикальному изменению фонетической структуры слов, а это, в свою очередь, привело к утрате морфологической прозрачности структуры слов и структуры форм как именных, так и глагольных.

В пракритах морфологический строй все же остается флективным, но его устойчивость в весьма значительной мере нарушена как фонетическими изменениями, так и вследствие утраты морфологической прозрачности форм.

Дальнейшее развитие индо-арийских языков с логической необходимостью должно было привести к той форме среднеиндийских языков, которая называется апабхранша, где флективная система почти полностью разрушена. В последующем развитии столь же необходим был переход к аналитическому строю, характерному для новоиндийских языков.

Перечисленные большие изменения, определяющие переход от древнеиндийских языков к среднеиндийским, являются общими для всех пракритов. Явления, характеризующие развитие отдельных индивидуальных пракритов, имеют меньшее значение и часто представляются в форме диалектизмов одного и того же языка.

Этот факт имеет большое значение для истории древней Индии, так как он лишний раз свидетельствует об экономическом и культурном единстве народов северной Индии, единстве, без которого была бы немыслима общая линия развития различных пракритов.

* * *

Переход от среднеиндийских языков к новоиндийским характеризуется рядом важных процессов, относящихся как к фонетике, так и морфологии.

Мы наблюдаем в области вокализма:

1) исчезновение конечных гласных, например, др.-инд. putra — *сын* в прк. дает putto, в апабхранша puttu, в ново-инд. языках pūt;

2) слияние в один слог гласных, оказавшихся в результате исторического развития в смежном положении, например, др.-инд. hr̥daya — *сердце*, прк. hiaa, ново-инд. hyā;

3) одно из частных явлений этого процесса — появление новых дифтонгов, исторически отличных от дифтонгов древнеиндийского языка, например, др.-инд. upaviṣṭa — *осевший*, прк. vaiṭṭha, ново-инд. baiṭhna — *сидеть*;

4) в некоторых новоиндийских языках упрощаются и эти новые дифтонги, например хинди baiṭh — *сядь*, цыганск. beš — *сядь*:

5) Удлинение кратких гласных после исчезновения конечных гласных и сокращения долгих согласных, например, др.-инд. karma — *дело*, прк. kamma, ново-инд. kām; др.-инд. sapta — *семь*, прк. satta, ново-инд. sāt с тем же значением;

6) в ряде новоиндийских языков появляются в области вокализма диалектические различия, которые не засвидетельствованы в среднеиндийских языках. Таковы, например, др.-инд. kaṭhina — *трудный*, хинди kaṭhin, марат. kaṭhin, гудж. kaṭhan и др.

В области консонантизма наиболее важный процесс — сокращение долгих или двойных согласных, развившихся в среднеиндийских языках. Сокращение в новоиндийских языках долгих согласных имело огромное значение для развития структуры слов. Оно во многих случаях привело к исчезновению границ между старыми корнями и аффиксами.

Ряд процессов в области консонантизма, равно как и в области вокализма, в яркой форме выступающих при переходе от древнеиндийских языков к среднеиндийским, не получил завершения и в новоиндийских языках. Это приводит к диалектическим расхождениям, которые объясняются часто различием в темпах развития разных новоиндийских языков. Например, др.-инд. корень likh — *писать* в хинди звучит likh, в маратском lih(iṇeṅ), в гуджаратском lakh(vuṅ) — *писать*.

Сопоставляя изменения, характеризующие переход от среднеиндийских языков к новоиндийским, с изменениями, происшедшими в пракритах, мы можем сказать следующее.

Основные фонетические изменения, наблюдающиеся в новоиндийских языках, имеют своим исходным пунктом огромные сдвиги, которые в яркой форме проявились в среднеиндийских языках.

Фонетические изменения, характеризующие переход от среднеиндийских языков к новоиндийским, как правило, являются логическим завершением процессов, с полной силой развивавшихся в пракритах.

Никаких принципиально новых фонетических явлений при переходе к новоиндийским языкам не наблюдается. Фонетические изменения, особенно утрата произношения конечных согласных и гласных, послужили одним из важнейших толчков к изменению морфологического строя, т. е. в весьма большой степени способствовали переходу от флективного строя к аналитическому, а в дальнейшем к синтетической формации нового типа, к новой флексии, развившейся на основе аналитических форм.

***

В названных трудах по сравнительно-исторической грамматике индоарийских языков, как указано выше, в наиболее общей форме даны только важнейшие законы развития этих языков. Реально мы наблюдаем картину значительно более сложную, так как разные языки, даже следуя общей линии развития, развиваются каждый по своим особым законам.

Некоторые положения, вошедшие в труды по сравнительно-исторической грамматике, могут вызвать превратное толкование. Возьмем для примера положение, согласно которому древнеиндийские аспираты в среднеиндийских языках теряют свой затворный элемент.

Оно имеет силу применительно к огромному числу слов. Но при этом нужно иметь в виду, что начальный момент этого процесса восходит к глубочайшей древности. Явления этого рода мы наблюдаем уже в ведическом языке [25]. Там они выступают спорадически, в пракритах же они широко распространены.

---

[25] Wackernagel, Altindische Grammatik. Göttingen, 1896, стр. 250—252.

Процесс исчезновения затворного элемента в аспиратах не завершен даже в современных новоиндийских языках. Так, вместо др.-инд. bhavati — *есть, бывает*, мы имеет в хинди hai — *есть*, но древнеиндийское слово bhrātā — *брат* сохраняет свою аспирату во всех новоиндийских языках даже и в настоящее время. Ср. хинди bhā'ī, марат. bhāū, цыганск. phral — *брат*. Этот факт — прекрасная иллюстрация к положению И. В. Сталина: «...язык же, наоборот, является продуктом целого ряда эпох, на протяжении которых он оформляется, обогащается, развивается, шлифуется» [26]. И далее: «...переход от одного качества языка к другому качеству происходил не путем взрыва, не путем разового уничтожения старого и построения нового, а путем постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры языка, путем постепенного отмирания элементов старого качества»[27].

Изучение внутренних законов развития каждого из новоиндийских языков на основе марксистского метода, является задачей будущего.

***

Давно установившаяся индологическая лингвистическая традиция знала только один путь исследования — от древнего языка к новому, от санскрита к современным языкам. Совершенно не использован обратный путь — объяснение фактов, наблюдаемых в санскрите, явлениями более поздних форм языка.

Для примера возьмем только два факта. Во-первых, вопрос о сложных словах в санскрите. В ведическом языке в сложных словах обычно выступают два компонента, как и в русском языке. То же наблюдается в старом эпическом санскрите и в пракритах. Но в классический период развития санскрита, т. е. в IV—X вв. н. э. санскритские композиты могут достигать огромных размеров, включая несколько десятков компонентов.

Вопрос об этих многочленных композитах остается в буржуазной лингвистике до последнего времени открытым, а между тем сравнение этих санскритских композит с синхроничными им фактами живых индийских языков делает понятным существование таких сложных слов. В живых языках этого периода, т. е. в апабхранша, флективные формы были почти полностью разрушены. С другой стороны, и аналитический строй не получил заметного развития, и текст на апабхранша и на древнейших формах новоиндийских языков производит впечатление соединения основ, синтаксические отношения между которыми не выражены. Это же наблюдается и в санскритских сложных словах. Таким образом, живой языковой узус был перенесен на мертвый литературный язык и привел к развитию многочисленных сложных слов.

Другой вопрос — вопрос о вокализме древнеиндийского языка. Во всех трудах по языкознанию, написанных как индийцами, так и европейскими буржуазными индологами и специалистами по сравнительной грамматике индоевропейских языков, указывается, что древнеиндийский язык в исторический период знал только три кратких гласных: *a*, *i*, *u*.

Во всех трудах по сравнительной грамматике индоевропейских языков говорится, что древнеиндийскому звуку *a* в подавляющем большинстве индоевропейских языков соответствуют три звука: *a*, *o*, *e*. Применительно к санскриту, который основан на одном из центральных диалектов северной Индии, это вряд ли можно оспаривать. Но если признать в древнеиндийском языке наличие многих диалектов, — а это возможно вследствие

[26] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 9.
[27] Там же, стр. 27.

многодиалектности ведического языка,— то можно усомниться в том, что древнеиндийский язык во всех диалектах имел в исторический период один открытый гласный *а*.

Сомнение оправдывается тем, что в разных новоиндийских языках санскритскому *а* соответствуют разные звуки. Так, в бенгальском ему соответствует *о*, в цыганском в ряде случае *е* (*э*).

Таким образом, исходя из фактов, даваемых новоиндийскими языками, мы можем допустить и в исторический период в древнеиндийском, в разных диалектах его, наличие трех открытых кратких гласных: *а*, *о*, *е*. В индийском письме все эти звуки изображались одним и тем же знаком который читался по-разному в разных частях страны.

Этот вопрос, конечно, требует дальнейшего изучения.

* * *

Изучая историю индо-арийских языков, лингвисты-индологи направляют внимание исключительно на вполне отлившиеся, законченные формы их. То новое, которое нарождается в современных языках, обычно ускользает от их внимания. Так, например, общепринято, что новоиндийские языки принадлежат к аналитическому морфологическому строю. Это правильно только в отношении большинства именных и глагольных форм. Как мной было показано в одной из недавних работ, посвященных этому вопросу [28], в современных новоиндийских языках имеются именные и глагольные формы троякого рода: а) аналитические, б) остатки старых флективных форм и в) новые флективные формы, развившиеся на основе аналитических.

Из всего сказанного выше мы можем сделать следующие выводы.

1. Сравнительно-исторический метод изучения языков развивался в нашей стране еще ранее принятой в буржуазной лингвистике даты официального «зарождения» сравнительной грамматики индоевропейских языков. При этом русские ученые развивали этот метод на основе установления родства санскрита с русским и другими языками.

2. Элементы сравнительного метода мы находим уже в труде индийского грамматика Панини (V в. до н. э.), который провел планомерное сопоставление санскрита с ведическим языком.

3. Рудиментарная форма сравнительно-исторического метода представлена в труде индийского грамматика Вараручи (III—II вв. до н. э.).

4. Первые труды по сравнительной грамматике новоиндийских языков органически связаны с трудом Вараручи.

5. Некоторое освобождение от традиции, установленной для сравнительно-исторической грамматики трудом Вараручи, в европейской буржуазной лингвистике наблюдается только в последние десятилетия.

6. Основной порок древнеиндийской лингвистической традиции — изучение развития языков в отрыве от истории носителей этих языков — не изжит буржуазной лингвистикой до настоящего времени.

7. Процессам, протекающим в современных формах новоиндийских языков, буржуазная лингвистика не уделяет достаточного внимания.

8. Факты новоиндийских и вообще современных живых языков почти не используются при рассмотрении сложных вопросов языков древних, известных нам только по письменной традиции.

---

[28] Флексия и анализ в новоиндийских языках. «Ученые записки ЛГУ», Серия востоковедческих наук, вып. I, Л., 1949, стр. 3—17.

9. Сравнительно-исторический метод изучения языков может дать ценные для теории и истории языка результаты лишь при условии привлечения к изучению фактов, охватывающих всю историю языка — от глубокой древности до современности.

10. Индо-арийская система языков представляет собой явление исключительное по древности, длительности и непрерывности письменной традиции, пользующейся фонетическим письмом. Она дает возможность широкой постановки и проверки больших и важных теоретических проблем в свете всех основных положений, данных И. В. Сталиным в его гениальном труде «Марксизм и вопросы языкознания».

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 2 1952

Н. И. ФЕЛЬДМАН

О СПЕЦИФИКЕ НЕБОЛЬШИХ ДВУЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЕЙ

Практическая лексикографическая работа приняла в нашей стране очень широкие масштабы: количество словарей, изданных за последние тридцать лет (в подавляющем большинстве Издательством иностранных и национальных словарей), выражается трехзначной цифрой. Основное место занимают двуязычные словари, среди которых возрастает удельный вес словарей, составленных на материале языков, по которым лексикографическая работа проводится впервые. В основном это относится к зарубежным восточным языкам, а также к языкам народов СССР и стран народной демократии. Последнее обстоятельство делает разработку вопросов двуязычной лексикографии проблемой первостепенной важности.

Один из острых вопросов — это вопрос о небольшом двуязычном словаре. Конечно, в этой проблеме ничего специфически «двуязычного» нет, такой ее сделало просто фактическое положение вещей. Небольшие словари (на 25—30 тысяч слов) иноязычно-русские и русско-иноязычные выходили во множестве до сих пор и будут, по крайней мере, некоторое время, выходить и впредь по ряду причин, из которых важнейшие две. Во-первых, когда составляется двуязычный словарь по какому-либо языку впервые вообще или впервые у нас и в нашу эпоху, авторы его, начиная работу иногда буквально на пустом месте, не в состоянии, при уровне данной частной лексикографии, сразу же разрешить такую сложнейшую задачу, как создание так называемого полного двуязычного словаря. Во-вторых, словарь на 80—100 тысяч слов и больше — дело многолетней работы, но как раз тогда, когда словарей по какому-либо языку нет вообще или есть только совершенно устаревшие, время не ждет: словарь нужен быстро. Поэтому вопрос об особенностях небольшого словаря приобретает серьезное значение. Нельзя игнорировать его так, как это сделал Л. В. Щерба, следующим образом выразивший свое отношение к небольшому словарю: «всякий краткий словарь вызывает у серьезных людей в конце концов раздражение» [1], и далее: «Это не значит, чтобы я вовсе отрицал разные небольшие словари для начинающих, для туристов и для других категорий людей, которые не собираются серьезно пользоваться иностранной литературой, но я считаю, что этими типами словарей — ценою подешевле — не следует увлекаться» [2]. Но небольшие словари, как показано выше, создаются у нас вовсе не потому, что кто-то хочет отделаться работой «ценою подешевле», и рассчитаны они отнюдь не на туристов или на людей, для которых иностранный язык только развлечение. Как сказано выше, они появляются у нас в силу серьезных при-

[1] Л. В. Щерба, Опыт общей теории лексикографии. Этюд I. Основные типы словарей, «Известия АН СССР, Отд. лит. и языка», 1940, № 3, стр. 106.

[2] Там же.

чин и предназначаются для самых серьезных и практически важных целей.

Специфика небольшого словаря определяется двумя моментами: во-первых, ограниченностью лексического материала, подлежащего толкованию или переводу; во-вторых, необходимостью сжатости или неполноты лексикографической (семантической) разработки слова. Настоящая статья посвящена только вопросу об ограничении лексического материала; этот вопрос, в свою очередь, распадается на два: 1) о словнике в узком смысле слова, т. е. об отборе слов и 2) об отборе всякого рода фразеологии. При этом имеются в виду главным образом русско-иностранные словари, однако кое-где высказаны соображения и о словарях иностранно-русских, что каждый раз особо оговаривается. Но и в том, и в другом случае речь идет только о словарях, предназначенных для русских. Ни русско-национальные, ни национально-русские словари языков народов СССР в рассмотрение не включены.

I. Словник

Составление словника небольших словарей представляет собой, по свидетельству Л. В. Щербы, вопрос, «очень волнующий словарные издательства» [3], поистине трудный и наболевший, и чем меньше словарь, тем более, конечно, сложный.

Выше уже цитировался отрицательный отзыв Л. В. Щербы о кратких словарях вообще. Добавим еще следующие его высказывания: «с чисто лингвистической точки зрения «научным» надо считать словарь академического или нормативного типа, ибо такой словарь имеет своим предметом... единую лингвистическую систему данного языка. Словарь-справочник [4] в конечном счете всегда будет собранием слов, так или иначе отобранных, ...более или менее произвольным вырезом из нее» [5]. Однако сам Л. В. Щерба тут же замечает: «На практике мы видим как раз обратное:... среди словарей-справочников есть много таких, которые надо считать совершенными как в смысле научном, так и в смысле практическом» [6]. Но эта высокая оценка не имеет в виду краткие словари. Именно к последним относится указание, что «словник их зависит от того потребителя, для которого словарь предназначен» [7]. Учет запросов потребителя, очевидно, делал, в глазах Л. В. Щербы, маловероятной возможность научной ценности словаря.

Для разрешения проблемы словника надо ответить на ряд вопросов. Может ли представлять научную ценность словник небольшого словаря — от 20 до 30 тысяч слов? В чем эта ценность может состоять? Совместима ли она с практической эффективностью словаря? Каково должно быть практическое назначение словаря?

---

[3] Там же.

[4] Не могу, кстати, не заметить, что термин «словарь-справочник» представляется мне неудачным и ненужным. Вполне правомерно, конечно, само противопоставление нормативного (иначе — академического) словаря всякому другому ненормативному. Но как можно называть эти другие словари в отличие от нормативного «справочником», если нормативный, как и всякий другой мыслимый в природе словарь, не исключая энциклопедического, в конечном счете существует для справок? Сам Л. В. Щерба пишет «о словарях нормативного типа живых языков», что «там *справляются*, существует ли в данном языке такое словоупотребление или нет» (стр. 103) (курсив мой.— *Н. Ф.*). Таким образом, словом «справочник» нельзя определить специфику ни одного типа словарей, и термин «словарь-справочник» приходится признать лишенным конкретного содержания.

[5] «Известия АН СССР, Отд. лит. и языка», 1940, № 3, стр. 97.

[6] Там же.

[7] Там же, стр. 108.

Вопрос о научной ценности небольшого словаря становится на твердую научную почву благодаря данному И. В. Сталиным разделению лексики на словарный состав и основной словарный фонд. Указания И. В. Сталина на то, что «словарный состав языка, как наиболее чувствительный к изменениям, находится в состоянии почти непрерывного изменения»[8], что «несмотря на то, что из словарного состава языка выпадает обычно некоторое количество устаревших слов, к нему прибавляется гораздо большее количество новых слов»[9] и, с другой стороны, что основной словарный фонд «живет очень долго, в продолжение веков» [10] и изменяется медленно — со всей ясностью говорят о том, что вся лексика, характерная для каждой данной эпохи, не может войти в основной словарный фонд, так как иначе невозможно было бы говорить о медленности его изменения, но в то же время какие-то элементы новой лексики отдельных исторических эпох входят в него, так как иначе нельзя было бы говорить ни о каких его изменениях вообще. Определение того, каковы эти элементы, должно стать задачей специальных работ. Для настоящей статьи существенен вопрос: должен ли небольшой двуязычный словарь включать всю лексику, характерную для своего времени, в том числе и «преходящую», требуется ли это его практическим назначением и может ли он в этом случае представлять научную ценность? Положительный ответ будет означать, что небольшой словарь должен ориентироваться именно на современный словарный состав.

Разумеется, назначение краткого двуязычного словаря может быть различным. Но думается, что если небольшой двуязычный словарь является первым по какому-либо языку (вообще или в нашу эпоху),— а сейчас особенно важен вопрос именно о таких словарях,— он должен больше всего учитывать нужды практических работников, связанных с иностранным языком, а значит, в первую очередь обеспечивать возможность чтения и перевода текстов широкого общественно-политического содержания, в частности, общей периодической прессы. Следовательно, в таком словаре должна быть представлена лексика именно со всем тем характерным, что в ней появилось на протяжении последних тридцати лет.

Изменения в русском языке за этот период с исключительной глубиной и точностью указаны И. В. Сталиным. «Изменился в известной мере словарный состав русского языка, изменился в том смысле, что пополнился значительным количеством новых слов и выражений, возникших в связи с возникновением нового социалистического производства, появлением нового государства, новой социалистической культуры, новой общественности, морали, наконец, в связи с ростом техники и науки; изменился смысл ряда слов и выражений, получивших новое смысловое значение» [11]. Если именно это новое во всей полноте будет выявлено и представлено в словаре, то его состав отразит черты, характерные для определенного исторического момента. Включить соответственные слова, выражения и новые смысловые значения небольшой словарь и может и должен. Этого требует его практическое назначение и это только и может составлять его научный интерес (само собой разумеется, что этой лексикой состав словника не ограничивается; о дальнейшем отборе речь будет ниже).

Из установки на полноту отражения лексики, характерной для опре-

---

[8] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, 1951, Госполитиздат, стр. 24.
[9] Там же, стр. 25.
[10] Там же, стр. 23.
[11] Там же, стр. 6.

деленного исторического момента, вытекает, что краткий словарь не должен служить длительное время — это дело фундаментальных словарей, — а в случае переиздания его словник должен пересматриваться, т. е. и сокращаться и пополняться. Очень важно учесть, что если к моменту переиздания небольшого словаря наряду с ним уже существует другой большой, полный, то и назначение краткого словаря может стать иным, и специфика его состава, какова бы она ни была, может быть выявлена более ярко.

Целесообразна ли подобная установка только для русско-иностранных словарей, или также и для иностранно-русских? Думается, что в основе своей целесообразна. И не только к словарям по языкам стран народной демократии. И. В. Сталин указывает, что «языку, в отличие от надстройки, не приходится дожидаться ликвидации базиса, он вносит изменения в свой словарный состав до ликвидации базиса и безотносительно к состоянию базиса» [12]. «...Язык отражает изменения в производстве сразу и непосредственно, не дожидаясь изменений в базисе» [13]. «Непрерывный рост промышленности и сельского хозяйства, торговли и транспорта, техники и науки требует от языка пополнения его словаря новыми словами и выражениями, необходимыми для их работы. И язык, непосредственно отражая эти нужды, пополняет свой словарь новыми словами...» [14] Таким образом, всякий язык имеет характерную для данного исторического момента лексику. Трудно себе представить возможность чтения современных иностранных текстов (а для этого иностранно-русский словарь и предназначается), если он не включает такую лексику иностранного языка с возможной полнотой.

Заметим кстати, что новейшую русскую лексику необходимо давать в русско-иностранных словарях, новейшую иностранную — в иностранно-русских. В словнике последних может быть представлена и новейшая русская лексика, а именно теми словами, которые вошли в соответствующий иностранный язык: например, в японско-русском словаре будет слово *колхоз —корухозу*, хотя и не будет слова *скоростник*, необходимого в русско-иностранном словаре, но не в японско-русском, так как в японском языке нет слова с таким понятием, а потому и возможен только распространенный (объяснительный) перевод с русского, никак не характерный для современного японского языка. То же относится к русской лексике, дающейся в виде перевода. Например, не вызовет возражений, если японское слово *сёсайна*, английское detailed и т. п. будут переведены только словами *подробный, обстоятельный*, а не словом *развернутый*; но плохо, если русское *развернутый* в этом своем качественном значении, в котором оно в последние годы энергично вытесняет свои синонимы [15], не будет учтено даже в небольшом русско-иностранном словаре.

Как должен строиться отбор из всего остального современного словарного состава языка? Ответ на это вытекает из практического назначения словаря. Поскольку небольшой словарь предназначается главным обра-

---

[12] Там же, стр. 24 — 25.
[13] Там же, стр. 11.
[14] Там же.
[15] В «Толковом словаре» под ред. Д. Н. Ушакова этого значения нет, дано только *организованный, предпринятый в широких размерах, широко использованный*, с иллюстрациями: *развернутое наступление, развернутое строительство, развернутая борьба*. Видимо, в те годы (12 лет назад) значение это еще не выявилось. В «Словаре русского языка», сост. С. И. Ожеговым (1949), отдельного слова *развернутый* вообще нет, только при 4-м значении глагола *развернуть,— проявить, осуществить в полной мере, в широких размерах*, в числе примеров, иллюстрирующих это значение глагола, дано *развернутые тезисы*. Однако *развернуть тезисы*, кажется, пока все-таки нельзя.

зом для работы над прессой, над текстами общественно-политического содержания, постольку он должен давать полностью общественно-политическую лексику как в новой, так и в старой (но не устарелой) ее части и широко — лексику экономическую (без узко специальных терминов). Но, разумеется, этим словарь не должен ограничиваться; небольшой словарь, являющийся первым по какому-либо языку, не должен превращаться в терминологический или отраслевой. Однако несомненно, что небольшой словарь в силу своих размеров не в состоянии, не снижая практической ценности, быть безоговорочно общим. Оставаясь словарем общего типа, он должен иметь определенный уклон, свой профиль. Выше уже указывалось, что для словарей, являющихся первыми по какому-либо языку, как русско-иностранных так и иностранно-русских, профиль определяется назначением для работы над определенными областями прессы и полнотой включения элементов, характерных для языка последних десятилетий в указанных областях. В словнике этот профиль создается, при основном массиве лексики общего характера (в том числе и самой основной обиходной), с одной стороны, включением новообразований и преимущественным подбором слов и устойчивых сочетаний общественно-политического характера, а с другой,— исключением слов и устойчивых сочетаний неактуальных и имеющих узко бытовое ограниченное применение. Только придание определенного профиля может служить руководящей нитью при составлении словника и тем самым обеспечить и практическую и научную ценность небольшого словаря.

Разумеется, словарь такого профиля не будет пригоден для чтения художественной литературы. Но ведь надо смотреть факту в глаза: при любом отборе слов словарь в 20—30 тысяч слов по языку с богатым словарным составом будет для этой цели недостаточен. Для потребностей перевода художественной литературы надо создавать большие словари,— они и стоят на очереди, следуя за краткими. Что же касается чтения художественных текстов в целях изучения иностранного языка, то до выхода соответствующего большого словаря возможность такого чтения может обеспечиваться специальными пособиями и учебными хрестоматиями с соответствующими подстрочными словарями.

Однако традиционно вопрос о словнике разрешается иначе. В основу его кладется представление о «наиболее употребительной» или «общеупотребительной» лексике. Вот обычные указания в предисловиях: «В словарь включены наиболее употребительные в современном русском литературном языке слова» (Русско-мокшанский словарь, под ред. Потапкина); словарь «содержит наиболее употребительные слова современного русского литературного языка» (Русско-венгерский словарь, сост. А. Хаас, под ред. И. Валковской и К. Майтинской); словарь «содержит в себе общеупотребительные слова литературного и разговорного русского языка» (Русско-португальский словарь, сост. А. К. Владов, под ред. Брандао); словарь «содержит основные и наиболее употребительные в русском языке слова» (Русско-каракалпакский словарь, под ред. Н. А. Баскакова); словарь «содержит общеупотребительные слова литературного и разговорного языка» (Русско-шведский словарь, сост. А. П. Валениус) и т. д.

Не следует думать, что такие формулировки как-либо обоснованы. Общеизвестно, что употребительность, частотность — понятия относительные, зависящие от характера обследуемой речи, т. е. от положенной в основу обследования литературы. Работы по установлению лексического минимума при изучении иностранного языка, давно и серьезно поставленные в педагогической практике, показали, что, «начиная уже со второй тысячи коэффициент повторяемости слов настолько невелик, что не может являться убедительным доказательством в пользу того или иного слова

в данном языке»[16]. Очевидно, что, даже проделав громадную по подсчету частотности работу (на деле эта работа не проводится), все же нельзя получить убедительный показатель для отбора 20—30 тысяч слов. В самом деле, как с этой точки зрения может быть оправдано включение в небольшой словарь таких, имеющихся почти в любом русско-иноязычном словаре слов, как *бакенбарды*, *баллада*, *бальзам*, *бант*, *бегемот*, *белила*, *пакля*, *пемза*, *пенал*, *пики* (масть), *полуда*, *попона* и т. п. Позволю себе усомниться даже в *абажуре*, которым начинается (если не считать *а*) почти любой русско-иностранный словарь, да и иностранно-русский, если это слово в данном языке звучит так же. Условность понятия «наиболее употребительный» видна здесь, так сказать, невооруженным глазом.

Но самое главное возражение против принципа отбора слов по «общеупотребительности» состоит в том, что он не может обеспечить должного состава словаря. На это вполне конкретно указывал Л. В. Щерба: говоря о той «громадной работе» по обследованию языка советской прессы, которая была бы «единственным научным разрешением вопроса» (о частотности.—*Н. Ф.*), он добавляет, что «в конце концов и она не решала бы вопроса (о составе словника.— *Н. Ф.*) окончательно, так как в переводном словаре дело вовсе не в употребительности слов вообще, а в потребности при переводах с русского»[17]. Общеупотребительные слова охватывают все области природы и человеческой жизни. Но небольшой словарь и не может и не должен охватывать их всех. Именно попытка это сделать, нормальная для большого словаря и только для него практически выполнимая, в кратком приводит к его практической неполноценности, к тому чувству раздражения у пользующегося словарем, о котором говорит Л. В. Щерба. Характерно, что пользующиеся словарем свои жалобы на отсутствие нужного слова или выражения неизменно сопровождают упреками за помещение балласта. Двуязычный словарь рассматриваемого здесь типа — не общеобразовательное пособие; он должен быть пригоден как пособие для определенного вида работы. И это его практическое назначение требует включения множества слов, важных для ряда общественно-политических тем, но не являющихся общеупотребительными; с другой стороны, в нем могут отсутствовать слова, не требующиеся характером работы. Это можно пояснить примером. Слова: *собака*, *кошка* входят в обиходную речь и в ряд готовых выражений в силу близости этих домашних животных к жизни человека; слова: *корова*, *лошадь*, *овца* и т. п. могут встретиться в экономическом тексте, касающемся данной отрасли хозяйства; но *бегемот*, *кенгуру*, *зебра* — это лексика, требующаяся в учебнике зоологии или географии (в главе о фауне тропических стран) или в описании зоосада. Однако в практической переводческой работе мало вероятны и статья о зоосаде и разговор о нем, во всяком случае то и другое не может быть первоочередно важным, а обеспечить чтение специальных учебников небольшой словарь не может. Если слова: *обед*, *вилка* употребительны в обиходной речи, а слова *крупа*, *жиры* и т. п. могут встретиться в экономической статье, затрагивающей вопросы питания и снабжения населения, то *ваниль*, которой удивительно везет в наших словарях, и *корица* с *гвоздикой*, которые несколько в загоне, *духовка*, которую обычно включают в малые словари, и *камфорка*, о которой чаще забывают,— все это слова узкого употребления, включение которых уместно только

---

[16] «Словарь-минимум» по английскому, французскому и немецкому яз., сост. А. В. Монигетти, И. В. Рахманов, Д. Л. Щерба; предисловие, стр. 60. Обстоятельное предисловие И. Рахманова и Д. Щербы устанавливает основы конструирования словника школьного словаря для начинающих.

[17] Л. В. Щерба, Русско-французский словарь, 1940, предисловие стр. 6.

в большом словаре. Ведь если представить себе, что содержание перевода или разговора потребует слова *ваниль*, все равно обнаружится, что небольшой словарь не дает всей лексики того контекста, в котором это слово с наибольшим вероятием может встретиться. Характерным примером служит традиционное включение в словари названий карточных мастей без названий карт, карточных игр и т. д., тогда как в кратком словаре лишнее и то, и другое, и третье, но уж во всяком случае никакого реального применения не может найти одно в отрыве от остального. С другой стороны, такие слова, как *скоростник*, *лесонасаждение*, *слет*, *сселять*, *декартелизация*, *ремилитаризация*, никак не могут попасть в словарь по признаку «наибольшей употребительности» или «общеупотребительности»; однако они должны попасть в словарь,— это вытекает из данной выше основной характеристики его профиля.

То или другое слово, не требующее своего включения в словарь по своему прямому значению, может входить в общее употребление в составе идиома или переносно: например, *шакал* как символ подлого хищника, *страус* в выражении «политика страуса». Но в таком случае это словоупотребление и должно быть приведено дополнительно к прямому, а если этого не делается, то соответствующее слово с его буквальным переводом остается в словаре мертвым грузом.

Принцип комплексного отбора, опирающийся на практическую задачу обеспечения работы с определенными текстами, может быть положен в основу решения вопроса и о специальной терминологии. Надо осознать бесполезность включения в словарь отдельных, случайно выбранных специальных терминов. Возьмем, например, терминологию лингвистики. Слова *фонема*, *озвончение* могут встретиться только в специальных работах по фонетике. Но если словарь рассчитан на чтение таких работ, то требуется продуманный отбор десятков терминов; а если этого сделать нельзя, то незачем давать и *фонему*. С другой стороны, поскольку двуязычный словарь должен, «не давая всего того, что дают другие словари (толковые и терминологические.— *Н. Ф.*), все же подводить читателя к ним, особенно к толковому словарю» [18], постольку оправдано включение даже в небольшой словарь тех немногих лингвистических терминов, которые применяются как пометы в толковых словарях соответствующего языка. Таким образом, небольшой словарь (это — без сомнения, но, думается, также и большие), не будучи в состоянии обеспечить чтение специальной литературы, должен в основном ограничиваться той «специальной» терминологией, которая усвоена общим языком и тем самым перестала быть только специальной. Однако такая терминология включается в словарь общего типа именно не как специальная терминология, а на правах слов общего языка. *Штепсель* нельзя отдать только в электротехнический словарь, а *фронт* — в военный. Еще пример: такие названия болезней, как *тиф*, *рак*, *туберкулез*, включаются в словарь потому, что это общеупотребительные слова, а не просто медицинские термины. *Простуда*, *кашель* — также обычные слова обиходной речи. Слова *головокружение*, *вывих* употребляются и переносно. Но *колики* или *инсульт* в краткий словарь включению не подлежат, как не подлежит включению никакой собственно медицинский термин, являющийся принадлежностью только специальных медицинских работ. С этой точки зрения, не следует ставить перед составителями словаря задачу включения в словарь «специальной терминологии» вообще, определяя тот или другой процент, который она должна занимать.

---

[18] Е. С. Истрина, Заметки по двуязычным словарям, «Известия АН СССР, Отд. лит. и языка», т. III, вып. 2—3, 1944, стр. 82.

Но есть известное количество специальных терминов, которые, оставаясь таковыми, попадают в язык общей прессы, поскольку данная область экономики, техники или науки приобретает особое значение: *шагающий экскаватор* шагнул в общую прессу с того момента, как внимание всей нашей страны устремилось на великие стройки коммунизма. Небольшой словарь должен в известной мере учитывать такие слова и словосочетания, являющиеся специальными терминами в узком смысле.

Что же касается тех терминов, которые в своем прямом или переносном значении стали достоянием общего языка, отбор их осуществляется на основе профиля словаря. Конечно, по отношению к отдельным словам вопрос может быть неясен: он не может быть решен по механическим признакам и универсально. Граница слоя специальной терминологии, вошедшей в общий язык, подвижна: она зависит от уровня развития культуры, экономики, техники, а следовательно, она различна как в одном языке в разные эпохи, так и в языках разных народов. Она может быть различна и в силу языкового момента: например, в русском языке *планета* — слово общего языка; в художественной литературе, в частности в поэзии, нередко встречается несколько стилистически приподнятое выражение *наша планета* (ср. у Маяковского: «Для веселия планета наша мало оборудована — надо вырвать радость у грядущих дней»). В японском же языке однозначное слово *рю:сэй* — астрономический термин, столь же специальный, как у нас, например, *астероид*; смысловым и стилистическим эквивалентом выражения *наша планета* в японском языке является слово *тикю:* — дословно *земной шар*. Поэтому если в небольшом русско-иноязычном, в том числе русско-японском, словаре слово *планета* уместно, то в небольшом японско-русском словаре столь же уместно обойтись без слова *рю:сэй* (планета). Как и во всех прочих случаях словарной работы, при конкретном решении вопроса о включении отдельных терминов требуется живое знание и чутье языка, сочетающееся с общим руководящим принципом. Им и в этом случае должно быть, в широком смысле слова соответствие состава словаря его практическому назначению, т. е. отчетливое представление о контексте в широком смысле, о содержании текста или речи, в которых данный термин или слово, стоящее на грани между термином и словом общего языка, имеет вероятность фигурировать, и включение его только при условии обеспечения словарем возможности понимания лексики такого контекста в целом.

Составление словника складывается из двух моментов. Во-первых,— установление принципа отбора слов. Здесь в качестве такого принципа предлагается соответствие словника общественно-политическому профилю словаря и комплексный метод отбора, при четком осознании, что в небольшой словарь должна войти новейшая лексика, характерная для современной эпохи, и что небольшой словарь не может обеспечить перевода художественной литературы. Во-вторых,— самый подбор слов, обеспечивающий полноту требующейся профилем словаря лексики; в процессе этого подбора положенный в основу принцип конкретизируется и уточняется. Общий принцип может быть положен в основу словника словарей разных языков, но конкретный словник составляется по каждому языку в отдельности. В иностранно-русских словарях его делают, конечно, специалисты по данному иностранному яызку. А кем должен составляться словник в русско-иностранных словарях? Целесообразно ли, чтобы русский словник составлялся специалистами по японскому, венгерскому или английскому языку, да притом еще каждым в отдельности? Вряд ли нужно, чтобы специалисты по иностранному языку, прямое дело которых давать точный перевод русского материала, были в первую очередь озабочены самим этим русским материалом, т. е. отбором актуальной лексики и, что

очень важно, регистрацией современного словоупотребления, т. е. сложившихся в последние годы устойчивых словосочетаний. Назрел вопрос о создании типового русского словника для русско-иноязычных словарей, и естественно, чтобы именно специалисты по русскому языку выработали такой словник и систематически его пополняли.

Однако вопрос может ставиться именно только о типовом словнике, так как русский словник для русско-иноязычных словарей в частностях должен различаться в зависимости от второго языка. Некоторую разницу могут составить слова, требующиеся спецификой быта, культуры и политических условий каждой страны (например, в русско-японском словаре *бататы*, *берибери*, *буддизм* и т. п.), но вряд ли их может быть больше нескольких десятков. Важнее другой момент, в котором отчетливо проявляется одно из различий между толковым одноязычным словарем и словарем двуязычным. Толковые словари без особого ущерба в практическом смысле сокращают словник за счет правильно образованных производных. Так, например, отнюдь не краткий «Толковый словарь русского языка», под ред. Д. Н. Ушакова исключил из словника «все наречия, которые образуются от соответствующих прилагательных и значение которых легко выводится из этих прилагательных» [19]. В «Словаре русского языка», сост. С. И. Ожеговым, не входят в основной словник, а только приводятся при основном слове, т. е. остаются без объяснения, девять разрядов производных слов, в том числе «относительные имена прилагательные, производные от существительных и обозначающие различного рода отношения к предмету (действию) и свойства или качества, вытекающие из отношения к предмету (действию)», «собственно возвратный залог глаголов» [20], наречия и др. Аналогично поступают японские толковые словари. В частности, они, как правило, не включают никаких глаголов, образованных от именных основ с помощью форманта *суру*, хотя такие глаголы составляют не меньше половины всех глаголов современного японского языка (а в публицистическом и научном стиле значительно большую их часть). Двуязычный же словарь может производить сокращение производных только в том случае, если правильному образованию производных в одном языке соответствует столь же правильный, единообразный способ их образования в другом, что бывает отнюдь не всегда. Вот несколько иллюстраций. В японском языке нет возвратного залога; направленность действия на себя выражается лексически и притом многообразно. Поэтому в русско-японском словаре глаголы возвратного залога никак не могут быть исключены. Многообразно передаются в японском языке русские относительные прилагательные. Во-первых,— «различного рода отношения к предмету и действию» могут выражаться в различной форме, во-вторых для выражения одного отношения может существовать не одна форма. Очень широка по значению форма родительного падежа, но этой формой для перевода русского относительного прилагательного можно пользоваться уверенно только в том случае, если и в русском языке прилагательное может быть заменено соответствующим падежом существительного, например: *школьный* (о дворе, о строительстве)— *гакко:-но* (школа — *гакко:*). Суффиксом *тэки*, который образует прилагательные, близкие к русским, образованным суффиксом *-ск*, при слабой выраженности качественного значения, можно уверенно пользоваться только при образовании японских прилагательных от отвлеченных существительных, причем только тех существительных, которые образованы

---

[19] «Как пользоваться словарем», § 111.
[20] «Сведения, необходимые для пользующихся словарем», § 4, п. 5 и п. 9.

из китайских корневых компонентов: *политический* (о вопросе) — *сэйдзитэки* (политика — *сэйдзи*). Но такие существительные в функции определения часто не требуют грамматического оформления, как прилагательного, а образуют с определяемым сложное слово: *политическое положение* — *сэйдзи-дзё:тай*. Если же прилагательное имеет значение «с точки зрения чего-либо, в смысле чего-либо», форма меняется: *политический* о роли чего-либо) — *сэйдзидзё:но*. Следующие отношения выражаются особыми формами: употребляющийся для чего-либо, в чем-либо, например, *арктический* (об одежде, но не о климате, не об экспедиции)— *кёкутиё:но* (арктика — *кёкути*). Предназначающийся для кого, чего-либо, например, *студенческий* (о журнале, выпускаемом для студентов, а не самими студентами) — *гакусэймукино* (студент — *гакусэй*); *летний* (о помещении) — *нацумукино* (лето — *нацу*). Имеющий форму чего-либо, например, *винтовой* — *расэндзёено* (винт — *расэн*). Имеющий цвет чего-либо, например, *рубиновый* — *когёкусёкуно* (рубин — *когёку*); конечно, если *рубиновый* значит *с рубином*, перевод будет иной. Состоящий по веществу из чего-либо или близкий по характеру вещества к чему-либо, например, *белковый* — *тампакусицуно* (белок — *тампаку*) и т. д. Здесь перечислена только часть возможных «отношений к предмету» и только часть соответствующих им форм в японском языке. Все приведенные здесь прилагательные в словаре, сост. С. И. Ожеговым, исключены из словника как чисто относительные и приведены без объяснений при соответствующих существительных. Стоит относительному прилагательному приобрести качественное значение, перевод его меняется, причем далеко не всегда используется то же существительное: например, *каменный* — состоящий из камня: *исино* (камень — *иси*); о предметах, сделанных из камня: *исидзукурино*, а в переносных значениях: *иси-но ёна*; *золотой* — и состоящий, и сделанный из золота: *кинно* (или *огонно*), *золотой* по цвету: *кинсёкуно*, а в значении *драгоценный* может быть передано только словом *кинтёно* — *драгоценный*, т. е. *кинно* переносного значения не имеет. Но этим многообразием форм дело не исчерпывается. Некоторое число чисто относительных прилагательных образуется не от существительных, соответствующих русским существительным, а от синонимичных, но самостоятельно не употребляющихся корневых компонентов. Например, хотя *школа* — *гакко*:, но *школьный* в значении — употребляющийся в школе (школьные принадлежности) — *гакуё:но*, *кольцо* по-японски *ва*, а *кольцевой* — *риндзё:но*, и т. д. И наконец, большое количество относительных прилагательных, которые вместе со своим определяемым образуют устойчивое словосочетание, передаются по-японски вместе с определяемым одним сложным словом: *школьный возраст* — *гакурэй*, а *школьный работник* — *кё:ин*.

Сказанного достаточно, чтобы убедиться в том, что чисто относительные прилагательные в словнике русско-японского словаря не могут быть исключены все подряд, как это сделано в словнике русского толкового словаря; то же надо сказать о многих других категориях производных слов. В целом это положение справедливо и для других русско-иноязычных словарей.

До известной степени так же обстоит дело и с иноязычно-русскими словарями. Примером может служить вопрос об исключении из японских словарей глаголов с формантом *суру*. Формант этот не привносит в слово никаких дополнительных значений, он только переводит его из одной грамматической категории в другую [21]. Поэтому такие глаголы с легкостью исклю-

[21] Говоря по существу, формант *суру* возвращает этим словам, образованным из китайских корневых компонентов, их глагольную природу, которую они исконно имели в китайском языке и утратили, будучи перенесены в японский язык.

чаются из словника японских толковых словарей. Но исключить их даже из небольшого японско-русского словаря недопустимо. Небольшой словарь не дает всего основного словарного фонда, но в тематически ограниченном «вырезе из лингвистической действительности» он должен давать по возможности всю относящуюся сюда лексику, сохраняя тем самым правильные пропорции во всех отношениях: исключение глаголов с *суру* создало бы искаженную картину удивительной бедности японского языка глаголами. Кроме того, эти глаголы, имея различные соответствия в русском языке, не всегда вполне понятны без перевода. *Суру* может образовать глагол и переходный, и непереходный, и не всякое значение имени действия (nomen actionis) позволяет понять, каков в данном случае глагол: *кондзэцу — искоренение, кондзэцусуру — искоренять, хаттэн — развитие, хаттэнсуру — развиваться*, а не *развивать, хакай — разрушение, хакайсуру — разрушать* и *разрушаться, быть разрушенным*. Глаголу с *суру* может по-русски соответствовать целое словосочетание: *синдан — диагноз, синдансуру — ставить диагноз, дзиссэн — практика, дзиссэнсуру — осуществлять на практике* (а не *практиковать* или *практиковаться*) *тю:и — внимание, тю:исуру* и *быть внимательным* и *обращать внимание*. Наконец, значение слова иногда по-русски может быть раскрыто именно в форме глагола, а не имени: *мо:синсуру — броситься очертя голову, ринуться, ничего не разбирая кругом*. Значение соответствующего имени действия понятно, но настолько трудно выразимо по-русски, что если это слово встретится переводчику в японском тексте в форме имени, то либо предложение в переводе будет перестроено так, чтобы передать соответствующее слово глаголом, либо перевод будет приближенным, что допустимо в контексте, но крайне нежелательно в словаре. Итак, и в иноязычно-русском словаре исключение какой-либо категории производных иностранного языка не может проводиться недифференцированно, хотя бы это и было возможно в толковом словаре данного языка.

Таким образом, отношение к правильно образованным производным неизбежно приводит к серьезному различию в словнике между двуязычным и соответствующим толковым словарем. И, поскольку это отношение определяется вторым языком, вопрос этот не может быть разрешен универсальным образом для словника всех русско-иноязычных словарей [22].

Таковы наиболее общие вопросы, касающиеся словника небольших словарей.

II. Отбор фразеологии

Непосредственно к вопросу о словнике примыкает вопрос о фразеологии. Под этим общим названием в практике лексикографии понимаются разнородные вещи: с одной стороны, свободно построенные предложения, иллюстрирующие свободные значения слова, с другой — разного рода устойчивые словосочетания. Эти последние и являются предметом дальнейшего рассмотрения.

---

[22] В связи с вышесказанным надо отметить, что все то, что Е. С. Истрина говорит по вопросу о производных в русско-национальных словарях — о возможности их частичного сокращения (цит. соч., стр. 83), о желательности грамматического объяснения (стр. 95), о включении в словник словообразовательных морфем (стр. 96),— исходит из требований, предъявляемых к русско-иноязычному словарю для нерусских (тогда как в нашей статье, как уже было указано, речь идет только о словарях для русских); поэтому эти положения применимы и к словнику иноязычно-русского словаря для русских.

Одну группу устойчивых словосочетаний по ее исключительной важности для словарей следует выделить особо: это те аттрибутивные словосочетания, которые акад. В. В. Виноградов в своей работе «Об основных типах фразеологических единиц в русском языке» назвал «составными терминами» [23]. Выражая одно понятие и являясь тем самым эквивалентом слова, неся номинативную функцию, они при определении состава словаря должны учитываться и рассматриваться наравне со словами. Говоря технически, они из фразеологии должны перекочевать в словник. Ни один словарь, как бы мал он ни был, делая свой «вырез из лингвистической действительности», не может ограничиваться «словами-одиночками» и упустить из виду эту категорию «эквивалентов слов».

В небольшом словаре подбор составных терминов должен определяться общим профилем словаря, так что какой-нибудь *снежной бабе* или *морской свинке* в нем, конечно, не должно быть места. Но в то же время в любом двуязычном словаре этот подбор в значительной степени зависит от второго языка. В русско-иноязычных словарях для русских составные термины, повидимому, должны быть представлены особенно широко, так как перевод их по большей части представляет затруднения; он не может быть сделан путем свободного перевода компонентов. Так, в русско-японском словаре приходится давать не только те составные термины, компоненты которых в той или иной мере лишены своего прямого значения (типа *железная дорога*), но и такие, в которых каждый из компонентов сохраняет всю полноту смысла (типа *движение за мир*), поскольку они переводятся по-особому: или одним словом (например, *железная дорога* — *тэцудё*, *общественное мнение* — *ёрон*) или с помощью других компонентов: например, *свобода совести* — *синкё:но дзию:*, дословно — *свобода вероисповедания*, *движение за мир* — *хэйва-ёго-ундо:*, дословно — *движение защиты мира*). Наконец, есть явление, которое по аналогии со «связанными значениями» можно назвать «связанными эквивалентами», а именно: некоторые слова имеют в другом языке эквивалент, соответствующий им только в определенных фразеологических единицах. Например, *гэнрон* является японским эквивалентом для слова *слово* только в двух случаях: *свобода слова* — *гэнрон-но дзию:* и *сила слова* — *гэнрон-но тикара*.

В иноязычно-русские словари, предназначенные для русских, составные термины могут включаться в значительно меньшем количестве, чем в русско-иноязычные. В них можно ограничиваться теми, значение которых не вытекает с наглядностью из значения компонентов. Когда компоненты сохраняют свое прямое значение, составной термин большей частью понятен, даже если один из компонентов и требует особого перевода; например, если *ко:сю:* как определение значит *общественный*, *публичный*, а *дэнва* — *телефон*, то нетрудно догадаться, что *ко:сю-дэнва* надо перевести *телефон общего пользования*; точно так же нетрудно отожествить японское *хэйва-ёго-ундо:* с русским *движение за мир*. Однако, когда русским соответствием составному термину служит одно слово, в особенности специальный термин, при всей понятности иноязычного сочетания нахождение этого русского слова иногда напоминает процесс решения кроссворда: например, *риэки-хайто:бун* надо переводить не *доля прибылей*, а *дивиденд*. Поэтому и понятные, но переводящиеся одним словом составные термины следует по возможности включать в иноязычно-русские словари. Если же иноязычно-русский словарь составляется с учетом интересов лиц, не знающих русского языка, то, поскольку он должен давать готовые русские переводы, количество составных терминов, подлежащих включению в словарь, резко возрастает.

---

[23] Сб. «Академик А. А. Шахматов», 1947, стр. 358.

Составные термины создаются в языке непрерывно. Новообразования этого вида чрезвычайно характерны для последних десятилетий. Регистрация их и включение в словарь тех из них, которые затруднительны для перевода с русского языка или для понимания в иностранном, для двуязычных словарей — дело большой важности.

Следующими по важности для краткого словаря являются все те фразеологические единицы — безразлично, единства или сращения,— которые носят служебный характер, т. е. играют роль предлогов и союзов. Общеизвестно, что если есть разряд слов, наибольшая частотность которых подтверждается на любом тексте, то это именно служебные слова. Поэтому есть основания думать, что и выполняющие их роль фразеологические единицы по частоте употребления стоят на первом месте среди всех остальных устойчивых сочетаний. Поэтому даже краткий словарь должен включать «эквиваленты слов» такого характера, как *в силу, с помощью* (чего-либо), *потому что, так как, тем не менее, между тем* и т. п.

Вообще из всех типов устойчивых фразеологических единиц наиболее важны для включения в словарь рассматриваемого здесь типа все те, которые, будучи стилистически нейтральны, входят в основную ткань языка. Это определение вполне подходит к тем двум группам, которые выше были выделены по грамматическому признаку как обязательные для любого словаря: к заместителям существительных, т. е. составным терминам, и предложным и союзным речениям. С другой стороны, нетрудно выделить как лишнюю для небольшого словаря ту идиоматику, в широком смысле этого слова, которая носит просторечный или подчеркнуто разговорный характер и имеет экспрессивную окраску: *оставить на бобах* и *с боку припеку* так же могут оставаться за бортом, как и *объесться белены* или *ноль внимания*. Положение это относится одинаково и к русско-иноязычным и к иноязычно-русским словарям — подобного рода идиоматика есть, надо думать, в любом языке. Небольшой словарь не может включить всего, и, если он ориентирован на тексты и разговор определенного рода, этой идиоматикой можно пожертвовать наиболее безболезненно. Кстати сказать, идиоматика такого рода, вместе с пословицами и поговорками, должна составлять содержание отдельных словарей. Совсем иное дело такие, хотя бы и полностью немотивированные, сочетания, полные сращения, которые лишены специфически разговорной окраски и какой-либо особой выразительности, типа *как раз, то и дело, так себе, мало ли кто* (*где* и т. д.) и т. п.

Может показаться, что выделение из всей массы устойчивых сочетаний двух групп, как обязательных для любого словаря, по грамматическому признаку, и исключение третьей по стилистическому признаку представляет элементарную логическую ошибку — нарушение основания деления. Но это не совсем так, потому что экспрессивных выражений с просторечной окраской среди первых двух групп не бывает — ведь *чортова кукла* или *мокрая курица*, конечно, к составным терминам не относятся.

Основную массу фразеологических единиц, подлежащих возможно более полному включению в словарь, не считая двух названных выше групп, составляют устойчивые глагольные и аттрибутивные сочетания разного рода: представляющие собой перифразу глагола (типа *принять постановление*) и замещающие отсутствующий в языке глагол (типа *принять резолюцию*); давно сложившиеся стертые образы (типа *ставить во главу угла, яблоко раздора, гром аплодисментов*) и новообразования типа *заострять внимание, наращивать темпы*. Такого рода фразеологические единицы, имеющиеся, вероятно, во всех языках, частично затруднительны для понимания в чужом языке, но особенно трудны для перевода на чужой язык: они почти никогда не поддаются свободному переводу

по компонентам, и далеко не все их можно легко заменить синонимичным и свободно переводимым словом или выражением. Поэтому настолько же, насколько писатель должен стремиться избегать этих речевых штампов, двуязычный словарь должен стремиться их охватить. Ведь само превращение этих выражений в штампы свидетельствует об их частой употребляемости; следовательно, переводчику, по всей вероятности, придется иметь с ними дело. Для повышения практической пригодности словаря, особенно русско-иноязычных словарей для русских, расширение фразеологии этого типа не менее важно, чем расширение словника. Во всяком случае практически важнее дать возможность переводчику использовать включенное в словарь нужное слово в нужных контекстах, т. е. в привычных словосочетаниях, нежели включать в словник слова, не соответствующие профилю словаря по лексическому значению или стилистической окраске. С другой стороны, разряд устойчивых сочетаний указанного выше типа, так же как и составные термины, за последние десятилетия подвергся изменениям и пополнился новообразованиями. А при определении профиля словаря уже указывалось, что максимальная полнота тех элементов, которые характерны для современного языка и составляют то новое, что его отличает, и есть именно то, что может придать словарю лингвистическую ценность.

Двуязычный словарь может потребовать включения фразеологии, необходимость которой вытекает из сопоставления двух языков — например, из несовпадения границы слова. Так, в русско-японском словаре приходится давать ряд свободных сочетаний глагола с дополнением или существительного с определением только потому, что им по-японски соответствует одно слово: *вступать в партию — ню:то:суру*, *мирное время — хэйдзи*. И наоборот, японскому словосочетанию, вполне понятному из значения его компонентов, может соответствовать одно слово по-русски: *дзинко:-но о:й* следует переводить — *густонаселенный*, а не *с многочисленным населением*, *иси-но о:й — каменистый*, а не с *многочисленными камнями*. О фразеологии, обусловленной переводческими требованиями, следует говорить особо. Пока можно ограничиться констатацией того, что двуязычный словарь и по составу фразеологии неизбежно должен отличаться от толкового одноязычного; это отличие должно состоять и в наличии свободных сочетаний, требующихся по переводческим соображениям, и в отсутствии иллюстративных примеров, единственная задача которых — показать функционирование слова в каком-либо значении на живом тексте: для иллюстративной фразеологии в двуязычном словаре почти никогда не хватает места.

Учитывая огромную важность для языка всякого рода устойчивых фразеологических единиц и необходимость включения фразеологии, требующейся двуязычностью словаря, надо считать, что понятие «краткий словарь» не должно рассматриваться так, как это фактически бывает, когда иные словари в 20—25 тысяч слов не дают почти никакой фразеологии. Словарь с таким количеством слов является «кратким» по размеру словника, но это не значит, что допустимо ограничивать до минимума разработку значений слов или связанный с ними фразеологический материал. Бедность разработки приводит к тому, что словарь, в особенности русско-иноязычный, оказывается в известной своей части мертвым списком слов, непригодных к свободному использованию, и не обеспечивает полностью понимания и перевода текста или разговора. С этой точки зрения должно устанавливаться соотношение между количеством слов в словнике и размером словаря в целом. И с этой же точки зрения должно определяться основное направление расширения переводимого лексического материала в средних словарях, следующих за краткими.

III. Размещение фразеологии

Нельзя не коснуться одного достаточно наболевшего вопроса, тесно связанного с включением в словарь всякого рода устойчивых фразеологических единиц — вопроса о том, куда их помещать. Этот вопрос может показаться незначительной технической деталью, однако на деле разрешение его связано с некоторыми принципиальными моментами, и настолько не просто, что, кажется, нет словаря, где был бы до конца выдержан какой-нибудь единый принцип размещения фразеологии, удовлетворяющий и составителей и пользующихся словарем. Нарекания по этому поводу приходится слышать постоянно. Словари обычно умалчивают о принятом в них принципе размещения фразеологии — можно подозревать, что умолчание это объясняется просто отсутствием сколько-нибудь ясно сформулированного принципа. Исключение составляет, кажется, один только «Русско-французский словарь», под ред. Л. В. Щербы, где в правилах пользования сказано: «выражения даны под тем из слов, их составляющих, которое оказывается наиболее характерным для сочетания; так, *легковой извозчик* дан под *легковой*, а *кофейная мельница* под *мельница*» [24]. Эта формулировка даже для одной проиллюстрированной примером группы устойчивых сочетаний оставляет достаточно места недоумениям. Посмотрим, как она применена на практике. Допустимо предположить, что «характерным» словом в сочетании *спальный вагон* является *спальный*, а в сочетании *багажный вагон*, *жесткий вагон*, *мягкий вагон* — *вагон*. Проверить это предположение удается только по отношению к последнему сочетанию, так как все четыре имеются под словом *вагон*, а первые три повторно и при соответствующих прилагательных. Сочетания *железная дорога* (какой из двух компонентов считать «характерным»?) нет ни под *железный*, ни под *дорога* — это словосочетание дано в алфавитном порядке по первому компоненту, в ряду отдельных слов, между *железка* и *железнодорожник*; но *политическая экономия* или *красный уголок* такой чести не удостоились и даны дважды под своими составляющими. Дважды под обоими составляющими дан и *Млечный путь*, хотя как будто *млечный* можно было бы назвать «характерным словом». А трехсоставный термин *золотых дел мастер* дан три раза, под каждым из трех компонентов. Примеры взяты наудачу, их нетрудно умножить. Все это — картина, знакомая по многим словарям, и для освещения ее взят именно русско-французский словарь только затем, чтобы показать, что и сформулированный в предисловии принцип однократного помещения устойчивых сочетаний не мог послужить опорой для составителей словаря.

Приходится слышать и другие предложения: помещать устойчивые фразеологические единицы под «опорным» словом; помещать их под первым компонентом. Ниже делается попытка показать, во-первых, что никакого удовлетворительного общего правила нельзя создать — размещение фразеологических единиц должно определяться их типом; во-вторых, что утверждение, будто бы двукратное помещение всякой фразеологической единицы есть небрежность или излишество, неправомерно. Помещение устойчивых сочетаний под каждым из их составляющих во многих случаях требуется самой сущностью двуязычной лексикографической работы. Для доказательства этого положения ниже рассматриваются некоторые фразеологические группы.

Среди глагольных устойчивых сочетаний можно по их значению выделить такой разряд: сочетания существительного с глаголом, обозначающие действия, представление о которых прочно связывается с данным существительным. Они в свою очередь делятся на две группы.

---

[24] «Русско-французский словарь», «Структура словаря», 1940, стр. 8.

В первой группе существительное является отглагольным или глагольным — типа *решение* или *меры* [25], а сочетание означает осуществление действия, выраженного этим существительным: *принять решение*, *принять меры*. Часть этих сочетаний представляет собой перифразу глагола: *принять решение* равно *решить*. Такое глагольное сочетание является как бы расщеплением синонимичного глагола на две части: одну, выражающую его лексическое значение — имя, и другую, выполняющую его грамматическую функцию — глагол. Нельзя не заметить, однако, что и заменимость глагольного сочетания глаголом и их синонимичность ограничены. В одних случаях имя, благодаря возможности определения прилагательным, допускает более широкую характеристику действия, чем это позволяет наречие при глаголе. Поэтому хотя *одержать победу* равносильно *победить*, но *одержать полную победу* вряд ли поддается замене через *вполне победить*, а *вести интересную переписку* и вовсе нельзя заменить на *интересно переписываться*. В других случаях глагольное сочетание просто не вполне синонимично глаголу: *положить конец* не то, что *кончить*, *закончить* и даже не совсем совпадает с *покончить с* (чем-либо); *ставить условия* не то, что *уславливаться*. Такие сочетания, следовательно, не могут быть причислены к простым перифразам глаголов. Но так или иначе, рядом с одной частью таких глагольных сочетаний стоят относительно синонимичные глаголы, рядом с другой таких глаголов нет. В последнем случае глагольное сочетание как бы замещает отсутствующий в языке глагол: *постановление* и *резолюция* почти синонимичны, но *принять постановление* равносильно *постановить*, а *принять резолюцию* — глаголом незаменимо. Однако в одном отношении все эти глагольные сочетания одинаковы: глаголы в них более или менее лишены лексического значения. На это явление в целом давно уже обращено внимание. Так, Г. Винокур отметил, что «в известных условиях реальное значение глагола выветривается и глагол превращается в несамостоятельное слово, приобретая все признаки формального элемента речи... Сюда же относятся некоторые окаменевшие глагольные метафоры, вроде „вести переговоры“, „принять меры“ и длинный перечень других переходных глаголов, не имеющих конкретного смысла без своих субъектов и дополнений» [26]. Эта «семантическая ущербность», как ее называет Г. Винокур, не всегда превращается в «опустошенность». Однозначность сочетаний *принять резолюцию* и *вынести резолюцию* свидетельствует о полной потере лексического значения глагола. Резолюцию и *принимают* и *выносят*, приговор только *выносят*, предел и *кладут* и *ставят*, начало и конец только *кладут*, ограничения и условия только *ставят* — всё это служит иллюстрацией к тому, как несущественно лексическое — и прямое, и переносное — значение глагола в этом их употреблении. Вероятно, в истории языка применение именно данных глаголов для обозначения данных действий находит себе объяснение, но для современного сознания оно немотивировано, и поэтому вряд ли удачно называть такие глагольные сочетания «окаменевшими метафорами». В других случаях лексическое значение глагола более или менее ощутительно, например, в сочетании *обратить внимание*. Все же, если сопоставить его с ролью глагола в выражениях *обратить энергию на что-либо*, *обратить всю свою любовь на кого-либо*, заметно, что в первом

---

[25] «Если эти слова (например, *игра*, *смотр*, *борьба*) и не отглагольные, то во всяком случае все же глагольные, так как именно глагольным является их корневое и вещественное значение и никакого отличия в этом отношении между ними и отглагольными словами провести нельзя». Г. Винокур, Глагол или имя, Сб. «Русская речь», III, 1928, стр. 79.

[26] Там же, стр. 77.

случае лексическое значение ослаблено. И в самом деле, во втором и третьем случаях *обратить* заменимо через *направить*, в первом случае это возможно только в значении *обратить чье-либо внимание на что-либо*, но не в значении *заметить* — а именно в этом значении *обратить внимание* означает осуществление действия, обозначенного существительным, и только ради него это глагольное сочетание здесь отмечено.

Во второй группе таких глагольных сочетаний существительное обозначает предметное понятие, а все сочетание означает применение предмета по назначению. Часто такие сочетания являются свободными, и, следовательно, их нельзя назвать устойчивыми, а можно только, благодаря частоте употребления, отметить как обычные, повторяющиеся. В таких случаях глагол в них вполне лексически полноценен, как например, в сочетаниях *пить чай*, *слушать радио*, которые отличаются от всякого другого свободного сочетания глагола с дополнением только тем, что они дали жизнь существительным *чаепитие* и *радиослушатель*. Однако в некоторых случаях и в таких сочетаниях лексическое значение глагола бывает ослаблено. Например, в сочетании *бегать на коньках* возможность заменить глагол *бегать* глаголом *кататься*, не меняя значения сочетания в целом, показывает некоторый перевес значения существительного, благодаря чему точное представление о действии создается только взаимодействием обоих компонентов. А *ставить* в сочетаниях *ставить термометр*, *ставить горчичник*, *ставить самовар*, *ставить паруса* значит только *сделать то, что требуется, чтобы предмет мог быть применен по назначению*, причем конкретный характер действия понятен только в соединении с дополнением. Лексический вклад этого глагола в значение сочетания в целом неизмеримо меньше, чем в случае *кататься на коньках*, однако это и не такая грамматическая часть сочетания в целом, какой является *вести* или *дать* в перифразах глаголов *переписываться* и *сигнализировать* — *вести переписку* и *дать сигнал*. Все же нельзя не отметить, что в сочетаниях второй группы, т. е. там, где существительное имеет предметное значение, случаи лексической ослабленности глагола редки.

Для двуязычного словаря устойчивые сочетания этого типа интересны постольку, поскольку, в отличие от свободного сочетания лексически полноценных глагола и дополнения, они не могут быть переведены дословно; по отношению к первой группе это бывает как правило, а по отношению ко второй — частично. Соответственно превалирующей лексической роли существительного, сохраняющего свое значение и свой постоянный перевод, невозможность дословного перевода касается только глагола. Так, русским сочетаниям такого рода с глагольным или отглагольным существительным в японском языке часто соответствуют просто глаголы, образованные именем, которое является эквивалентом русского существительного, и глагольным формантом *суру*, например, при *лекция* — *ко:ги*, *читать лекцию* — *ко:гисуру*, при *борьба* — *то:со*, *вести борьбу* — *то:со:суру* и т. п. Кстати сказать, такое соответствие естественно, так как и русские глаголы в этих случаях, как упомянуто выше, служат при существительном грамматическим привеском. Только в русском языке таких глаголов несколько: *принять*, *вести*, *дать*, *ставить*, *оказать* и т. д., а в японском есть один почти универсальный — *суру*. Но случается, что такому русскому глагольному сочетанию соответствует аналогичное японское, в котором дословно повторено только существительное, например: *принять меры* — *сёти-о ко:дзуру* (основное значение *ко:дзуру* — делать ясным) *отдавать приказ* — *мэйрэй-о кудасу* (основное значение *кудасу* — спускать, ср. современное — *спускать директивы*, однако в этом русском выражении глагол

имеет гораздо более полноценное лексическое значение), *приводить пример — рэй-о агэру* (основное значение *агэру* — поднимать).

При сопоставлении русских и японских глагольных сочетаний с предметным существительным оказывается, что значительная часть их в обоих языках представляет собой свободные сочетания, а в другой части лексически неполноценным или связанным глагол оказывается в каком-либо одном языке. Так, сочетанию *играть в шахматы* с полноценным русским глаголом *играть* соответствует в японском *сёги-о уцу*, где *уцу* лишено полновесного лексического значения (об *уцу* см. ниже); обратное соотношение глаголов имеет место в сочетаниях — *ставить банки* и *кю:каку-о цукэру* (*цукэру* дословно — прикладывать).

Все устойчивые сочетания этого типа, в которых глагол не переводится свободно, должны быть помещены в словарь. Но где? При каком слове?

Первый ответ: при существительном. Не потому, что они что-нибудь прибавляют в отношении раскрытия значения существительного или его эквивалентов в другом языке. Но потому, что они представляют собой один из наиболее частых случаев его употребления, один из самых его распространенных контекстов. Не дать при слове *внимание — обращать внимание*, при слове *вопрос* в одном его значении *задавать вопрос*, в другом *ставить* (*поднимать*) *вопрос*, при слове *шахматы — играть в шахматы* — это значит обречь пользующихся словарем на то, чтобы сотни раз искать нужное сочетание в другом месте, часто при глаголе, имеющем несколько значений, входящем в целый ряд устойчивых сочетаний, где как раз данное сочетание не так быстро можно отыскать (да хорошо еще, если пользующийся словарем догадается его искать, а не воспользуется переводом глагола в его прямом значении). Поэтому, с практической точки зрения, устойчивые глагольные сочетания, лексическим центром которых является существительное, надо давать при существительном. Да так это обычно в словарях с мало-мальски развитой фразеологией и делается.

Второй ответ: при глаголе. Эти сочетания непосредственно касаются раскрытия значений глаголов, в особенности тех из них, которые широко применяются для «обслуживания» существительных. Сочетания *принять решение*, *принять меры*, *принять участие*, *ставить в связь*, *ставить вопрос* и т. д. могут и должны целиком разойтись по соответствующим существительным. Но можно ли дать правильное представление о системе значений глагола *принять*, об его жизни в языке, если умолчать о том, что он «с некоторыми существительными образует сочетания со значением „произвести какое-нибудь действие"... в соответствии со значением существительного»? [27]. И если учесть, что русско-иноязычный словарь дает эквиваленты русского слова, а в этих сочетаниях *принять* переводится, например, на японский язык различно, то можно ли, не приводя их, дать полное представление о японских эквивалентах глаголу? В отрыве от дополнений нельзя даже отчетливо представить себе смысл таких двух отдельных (и даже не рядом помещенных) значений глагола *ставить*, как: 1) «В предложном сочетании с некоторыми существительными обозначает действие, соответствующее значению существительного» и 2) «В сочетании с некоторыми существительными употребляется в значении «делать, производить» (то, что указывает существительное)» [28].

---

[27] «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, *принять*, знач. 10-е. Пропущены слова *или подвергнуться какому-либо действию*, так как их следовало бы выделить отдельным значением — по лексической весомости глагол заметно различается в употреблении, которым иллюстрировано это значение, как *примешь ты смерть от коня своего*, *принять крещение*, и таком, как *принять меры*.

[28] Там же, *ставить*, знач. 10-е и 13-е.

В сочетании с предметным существительным глагол может иметь более конкретное, но связанное значение. Акад. В. В. Виноградов определил связанные значения как такие, которые «могут проявляться лишь в связи с строго определенным кругом понятий и их словесных обозначений» [29]. Естественно, что этот строго ограниченный круг и должен быть в словаре указан. Указание на возможные дополнения особенно важно в одном случае. В «фразеологических группах, образуемых реализацией несвободных, связанных значений слов» [30], можно различить разное лексическое соотношение компонентов. В сочетании *беспросыпное пьянство* лексически полновесны оба слова, хотя первое имеет узко ограниченный круг употребления. Слова *потупить*, *зажмурить* понятны и без дополнений. Если вспомнить выражение *как его забрало*, то видно, что в сочетаниях *тоска берет*, *злоба берет* и т. д. значение целого складывается из значения частей. Но иное дело со связанными значениями, например, глаголов *снимать*, *разбивать*. Утверждение, что *снимать* значит *изготовлять*, а *разбивать* — *устраивать* вызывает мгновенный внутренний протест, который снимается напоминанием дополнений: для *снимать* — мерку, отпечаток, слепок, копию, план и т. п.; фотографию; для *разбивать* — палатку, лагерь, сад, грядки и т. п. Пожалуй, допустимо утверждение, что *снимать* не значит *изготовлять*, точнее, что не *снимать* значит *изготовлять*, а фразеологические сочетания *снимать копию*, *снимать слепок* и т. д. значат *изготовлять копию*, *изготовлять слепок* и т. п. Другими словами, глагол в этих сочетаниях лексически всецело живет за счет своих дополнений. Только поглотив одно из них (*фотографию* в первоначальном сочетании *снимать фотографию*), он зажил второй, полной и свободной жизнью. Как же можно дать представление об этой роли глагола *снимать* и о его японских эквивалентах, если полностью раздать эти фразеологические сочетания по существительным?

Итак, на вопрос, где помещать такие сочетания, даются два ответа, или вернее один ответ — помещать их два раза: и при существительном, и при глаголе. Конечно, повторность таких сочетаний можно несколько сократить. Во-первых, иногда можно не давать их при существительных, (например, их можно безболезненно опустить при некоторых из приведенных дополнений глаголов *снимать* и *разбивать*); во-вторых, часто можно ограничиться при глаголе ссылкой на возможные дополнения, при которых эти сочетания даны. Но хотя бы в такой форме повторение их при глаголе большей частью необходимо; сделать это—значит раскрыть полностью значение глагола и сосредоточить в одном месте его переводы или хоть указание на них. Дать их при существительном—значит сэкономить время пользующегося словарем, который в противном случае должен будет листать словарь в поисках того, что он естественно ждал найти при соответствующих существительных. Об экономии таких потерянных минут, складывающихся при долговременном пользовании словарем тысяч людей в целые «человеко-часы», забывают незадачливые ревнители экономии бумаги за счет качества словаря, подымающие крик из-за повторения в словаре любого фразеологического сочетания.

Сказанное нельзя не проиллюстрировать на материале иноязычно-русского словаря. Так, в японском языке имеется несколько глаголов, которые в японских толковых словарях отличаются особой многозначностью: им приписывается до тридцати значений. Основное значение каждого из них — обозначение того или иного жеста. Фактически сами по себе эти глаголы имеют весьма небольшое число свободных или связанных

---

[29] В. В. Виноградов. Цит. соч., стр. 360.
[30] Там же, стр. 362.

значений; главным же образом они употребляются в сочетании с рядом дополнений; глаголы здесь являются более или менее лексически ущербными, обозначая различные действия, реальный характер которых зависит от значения дополнения. В зависимости от большей или меньшей утраты лексического значения (прямого или переносного — безразлично) глагол в таких сочетаниях выступает либо почти как оглаголивающий привесок, либо все сочетание является идиоматическим.

Например, глагол *какэру* имеет следующие свободные значения: *вешать, навешивать, покрывать, накрывать* (чем-либо); *посыпать, обрызгивать* (чем-либо); *взвешивать* (на весах); *умножать* (математически); *садиться* (о человеке); *тратить* (только «время» и «деньги».) Помимо этого, *какэру* входит в ряд устойчивых сочетаний, как-то: *вана-о какэру — ставить ловушку* (существительные всюду переведены дословно); *дзэй-о какэру — облагать налогом*; *дэмпо:-о какэру — посылать телеграмму*; *дэнва-о какэру — звонить по телефону*; *ёбидаси-о какэру — посылать вызов*; *икари-о какэру — бросать якорь*; *киган-о какэру — возносить молитвы*; *котоба-о какэру — обращать слова к кому-либо, заговаривать с кем-либо*; *куро:-о какэру — доставлять волнения и заботы*; *мэндо:-о какэру*: — *доставлять беспокойство*; *надзо-о какэру — задавать загадку*; *насакэ-о какэру — иметь к кому-либо симпатию* (*насакэ* дословно *чувство*); *нодзоми-о как эру— возлагать надежды*; *сэмэ-о какэру* (устарело) — *устанавливать осаду*; *тои-о какэру — задавать вопрос* и др. Что это именно основные действия, связанные с дополнениями, видно из того, что многим из вышеприведенных сочетаний в других языках, например, в русском, соответствует глагол того же корня, что и существительное: *облагать, телеграфировать, телефонировать, вызывать, молиться, волновать, заботить, беспокоить, загадывать, симпатизировать, надеяться, осаждать, спрашивать*. Включать в словарь эти сочетания заставляет невыводимость их значений из свободных значений глагола; помещать при существительном — исключительно частое употребление существительного с данным глаголом (поскольку с его помощью выражается основное действие, с ним связанное). Но ясно, что совсем не упомянуть об этих сочетаниях при глаголе, значит не дать представления о его характерной роли в языке. Еще хуже приписать ему как свободные те значения, которые он приобретает только в сочетании, рядом с соответствующим дополнением. Так обычно поступают японские толковые словари, например, один из лучших толковых словарей «Дзиэн», под редакцией Симмура, в котором глаголу *какэру* приписано 25 значений. Так же вслед за японскими толковыми поступают и японо-английские словари. Например, один из лучших — Такэнобу — вперемежку со свободными значениями *какэру* дает следующие: 8. hire, engage, call; 10. set, lay (a trap); 12. give (a person trouble) и т. д. Очевидно, что даже если связанность этих «значений» оговаривается, это все же дает неверное представление о глаголе. Поэтому нехороша и такая форма разработки: *ставить* (ловушку); *посылать* (телеграмму, вызов); *звонить* (по телефону); *бросать* (якорь); *задавать* (вопрос, загадку) и т. д. Такая форма дает превратное представление о лексической самостоятельности в этих сочетаниях не только японского, но и русских глаголов (это особенно ощутительно на глаголе *задавать*). Поэтому при невозможности полностью перечислить при глаголе эти сочетания следует указать: «образует с некоторыми существительными сочетания, которые означают *произвести действие в соответствии со значением существительного*—см. *вана, дзэй, демпо:, дэнва* и т. д.»; это не только даст правильное представление об одной из лексических функций этого глагола, но и откроет возможность понять его применение в аналогичных сочетаниях, не вошедших в словарь.

Почти такую же роль, как *какэру*, играет глагол *уцу*, основное значение которого *бить, ударять*. Однако в устойчивых сочетаниях его лексическое значение гораздо ярче, чем значение глагола *какэру*. Характер обоих глаголов можно проиллюстрировать сопоставлением трех однозначных сочетаний: *дэмпо:-о уцу, дэмпо:-о какэру, дэмпо:-о окуру — посылать телеграмму*. В последнем глагол *окуру — посылать* применен в своем прямом свободном значении. В первом глагол *уцу*, аналогичный русскому глаголу *бить* в сочетании *бить тревогу*, применен в первоначальном прямом смысле — *отстучать телеграмму*, что получило значение *дать телеграмму* [31]. Наконец, во втором случае применен лексически ущербный глагол, с общим значением «произвести действие в соответствии со значением дополнения». Сочетания с *уцу* тоже естественно дать при существительном и повторить, хотя бы в виде ссылки на эти существительные, при глаголе, по основаниям, изложенным выше при анализе глагола *какэру*.

Теперь рассмотрим вопрос о составных терминах с точки зрения возможности их двукратного помещения в словаре.

Не только в русско-французском словаре Л. В. Щербы, но и в других словарях, в частности, в русско-японском, сочетания *спальный вагон, багажный вагон, жесткий вагон* и *мягкий вагон* даны дважды, под обоими составляющими. Почему? В русско-японском словаре они помещены под существительным потому, что слово *сярё:*, которое приведено как первый перевод слова *вагон*, является техническим термином, употребляющимся в железнодорожном деле. В тексте общего характера для перевода слова *вагон* надо прибегать к словам, обозначающим более узкие понятия — отдельные виды вагонов. На это указывает, во-первых, соответствующая помета при слово *сярё:*, во -вторых, два следующих перевода *кякуся* и *кася* с обратным переводом в виде пометы *пассажирский* и *товарный* и, в-третьих, наличие тут же шести японских слов, соответствующих русским сочетаниям: *спальный вагон, багажный вагон* и т. д. При прилагательных *спальный* и *багажный* эти сочетания помещены вторично вот почему: оба эти прилагательные имеют очень узкий круг применения, т. е. возможны при малом числе определяемых; между тем их перевод в изолированном виде не обеспечивает ни одного из основных случаев их употребления. Если *спальный вагон — синдайся, спальное место — синдай*, а *спальные принадлежности — ягу*, то давать изолированный перевод слова *спальный* лишнее, а дать его и ограничиться этим, значило бы просто не понимать задачи переводного словаря. Что касается слова *жесткий*, то в данном сочетании оно применено несвободно, а в таком случае, как обычно, требуется особый перевод. Давая переводы этого прилагательного в его свободных значениях, естественно тут же дать и японские соответствия в одном из очень ходких случаев его применения, в котором этими переводами воспользоваться нельзя. Таким соответствием оказывается слово, служащее переводом русского сочетания в целом и, кстати, вскрывающее и синекдоху в сочетании *жесткий вагон — ко:сёся* — дословно *вагон с жесткими постелями* (ср. франц., wagon à banquettes non rambourrés) соответственно *мягкий вагон — нансёся*.

На этом примере видна основная причина двукратного помещения составного термина: потребность при каждом из составляющих показать

---

[31] Кстати, такой фундаментальный словарь, как «Даигэнкай» под ред. Оцуки, дает значение *окуру — посылать*, как одно из 29 значений глагола *уцу*. Не лишено интереса, что и по-русски сочетания с глаголом *бить* — такие, как *бить шерсть, бить монету* и как *бить тревогу, бить отбой* — отличаются от сочетаний типа *ставить вопрос* и *класть предел* большей лексической полновесностью глагола, и что некоторые из этих последних глаголов в своем прямом значении тоже означают жест — *ставить, класть, поднимать*.

круг его применения и дать все те иноязычные эквиваленты, которые обеспечивают возможность перевода данного слова в реальном контексте. При этом в иных случаях каждый из составляющих сохраняет свое значение и эти сочетания ничего не прибавляют в смысле его раскрытия (*багажный вагон*), в других случаях перевод сочетания предупреждает возможность неправильного понимания, а следовательно, и перевода данного компонента в сочетании (*жесткий вагон*).

Очевидно, что если составному термину в одном языке соответствует в другом языке одно слово, то следует приводить этот термин под каждым из составляющих. Толковые одноязычные словари могут ограничиваться ссылкой, но в двуязычном словаре при переводе одним словом, очевидно, проще повторить сам перевод, чем сделать ссылку. Если, как это часто бывает, только один из составляющих меняет свое прямое значение или постоянный перевод, то можно ограничиться помещением составного термина один раз, а именно при этом составляющем: *свобода совести* только под *совесть*, что соответственно значению второго слова в данном случае переводится *синкё:-но дзию*; т. е. *свобода вероисповедания*; *свобода слова* только под *слово*, так как хотя значение этого слова не меняется, но японский эквивалент у него в этом случае особый: *гэнрон-но дзию:*. Если будет проведен последовательно принцип неуклонного приведения подобных сочетаний по крайней мере при том из составляющих, для перевода которого в данном сочетании нельзя воспользоваться его постоянным переводом, то пользующийся словарем может иметь уверенность, что отсутствие какого-либо составного термина (из круга лексики, охватываемого словарем) означает возможность его дословного перевода.

Такие же мотивы могут толкать на двукратное помещение и образных единств и сращений, в особенности тех, которые носят характер служебных или вспомогательных слов и в силу этого широко употребительны. То, что *по крайней мере* представляет собой сращение, надо указать при разработке слова и *крайний* и *мера*, поскольку этим определяется один из специфических и частых случаев применения и того, и другого слова. В особенности следует это сделать тогда, когда такое сращение переводится одним словом, как например, по-японски *по крайней мере* — *сукунакутомо* или *самэтэ*.

Нельзя не привести одного добавочного соображения в пользу двукратного помещения подобных единиц. Существуют слова, являющиеся центром богатой идиоматики, например, в русском языке слово *язык*, в японском — *кути* — *рот*. Конечно, эту идиоматику надо сосредоточить при таких словах, так как она обрисовывает их особую роль в языке. Но именно потому, что идиомов при них очень много, при работе над текстом как раз нужный бывает трудно отыскать. Вторичное помещение под вторым составляющим облегчает пользование словарем. Вдобавок этот второй составляющий иногда бывает менее употребительным словом, и пользующийся словарем скорей справится о значении именно этого слова в чужом языке, может быть, и не подозревая в нем идиоматического выражения. С этой точки зрения, в случае необходимости ограничиться ссылкой, такую ссылку иногда целесообразнее делать при основном слове.

Но вообще при необходимости, по соображениям экономии бумаги, ограничиваться однократным помещением таких фразеологических единиц, трудно найти какое-нибудь общее правило такого ограничения, и менее всего приемлем механический принцип помещения сочетаний по первому их элементу. Например, выше уже было замечено, что если какое-либо слово резко выделяется обилием идиоматических выражений, в которые оно входит, то естественно сосредоточить при нем все идиомы, независимо от того, является ли данное слово в нем первым или вторым,

будет ли это *прикусить язык* или *язык не поворачивается сказать*. Вообще, когда в такой фразеологической единице есть слово, которое по своей лексической полновесности господствует над всем сочетанием, так сказать, «опорное» слово, оно как бы притягивает к себе это сочетание: *яблоко раздора* не есть вид яблока, и все выражение естественно видеть при слове *раздор* (хотя и при слове *яблоко* хочется упомянуть о нем именно потому, что этот составляющий теряет свое прямое значение). Но в выражении *спор из-за выеденного яйца—выеденный*, применяя термин Л. В. Щербы, такое «характерное» слово и такое малоупотребительное, что в любом словаре оно и нужно только для этого выражения, которое и надо дать при нем. (Кстати, вот случай, когда ясно, что человек, слабо знающий русский язык, будет искать слово *выеденный*, а не *спор*). Наконец, если в фразеологическую единицу входит только одно знаменательное слово, естественней давать сочетание под ним, чем под частицей: *тем не менее* под *менее*, а не *то*. Таким образом, при однократном помещении фразеологических единиц их место может определяться различными моментами, а поэтому составитель или редактор словаря должен решать этот вопрос особо для каждого случая, конечно, руководствуясь общими соображениями, но в то же время и опираясь на свое живое знание и чутье языка.

Таковы самые общие соображения о рациональном ограничении, размещении и специфике лексического материала в наших современных небольших двуязычных словарях.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 2 1952

С. И. ОЖЕГОВ

О ТРЕХ ТИПАХ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Ленинско-сталинская национальная политика, создавшая исключительно благоприятные условия для развития национальных языков, направила языковедную мысль в новые области. Со всей остротой встали вопросы оформления литературных языков народов, не имевших письменности или имевших ее на другом языке, встали вопросы широкой нормализации литературной речи. Создание словарей стало первой конкретной формой разрешения этих вопросов. Словарная работа получила поистине грандиозный размах. За годы после Великой Октябрьской социалистической революции созданы сотни двуязычных словарей разного объема и разных типов (русско-национальных и национально-русских). Словари не только расширяли научный кругозор языковедов, вовлекая в научный оборот лексику малоизученных или неизученных языков: утверждая нормы своего литературного языка и углубляя знание великого русского языка среди широких масс национальных республик и областей, словари становились рычагами культуры, существенными звеньями глубочайшего социального процесса, происшедшего в нашей стране,— культурной революции. Культурное и политическое значение словарей и словарной работы вышло далеко за пределы собственно филологических интересов. Началась работа по созданию и толковых словарей национальных языков.

Естественно, что лексикографическая работа в области двуязычных словарей для народов Советского Союза опиралась на давнюю и богатую традицию русских словарей. К опыту русских словарей обращались и такие богатые лексикографической традицией страны, как Армения и Грузия. Огромное значение русской лексикографии как базы для создания двуязычных словарей выявилось после того, как вышел в свет четырехтомный «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, давший первый и достаточно полный свод словарного состава русского языка нашего времени. После Великой отечественной войны русская лексикография является опорой при создании двуязычных словарей в странах народной демократии и в других зарубежных странах, как об этом свидетельствует, например, недавно вышедший в Будапеште русско-венгерский словарь[1]. Однако роль русской лексикографии не исчерпывается только тем, чтобы быть базой для двуязычных словарей. Ее роль шире и глубже. Прежде всего, русская лексикография становится образцом для создания словарей национальных языков. Так, С. Малхасянц, автор четырехтомного «Толкового словаря армянского языка», удостоенного Сталин-

[1] L. Hadrovics, L. Gáldi, Orosz-magyar szótár, Издание Венгерской Академии Наук, Будапешт, 1951.

ской премии, в предисловии к своему словарю особо отмечает пользу, принесенную ему «Толковым словарем русского языка» при окончательном редактировании армянского словаря[2], а проф. И. Иордан прямо указывает, что русские словари послужат образцом для создания словаря современного румынского языка массового типа [3]. Являясь своего рода энциклопедией языка, словари современного русского языка доставляют широкий материал для теоретических исследований в области современной лексикологии, грамматики, акцентологии, орфоэпии[4]. Русская лексикография служит базой для развертывания терминологической работы, имеющей существенное значение и для наших национальных республик. Русская лексикография является важнейшим источником распространения и укрепления норм русской литературной речи и повышения культуры вообще. Недаром радио, печать, школа в своей повседневной практике постоянно обращаются к словарям. Вместе с тем и за рубежами нашей страны словари русского литературного языка призваны содействовать и распространению русского языка и распространению принципов советского языкознания.

Ответственное положение, которое занимает русская лексикография советской эпохи, и важность культурно-политической роли, ею выполняемой в Советском Союзе и за его пределами, предъявляют русской лексикографии высокие требования. Эти требования еще более возросли в настоящее время, когда наука о языке гениальными трудами И. В. Сталина была направлена по новому пути. Характеризуя состояние научно-исследовательской работы последних лет в области изучения словарного состава, акад. В. В. Виноградов в своей книге «Значение работ товарища Сталина для развития советского языкознания» отмечал, что именно лексикографическая работа дала особенно ценные и ощутительные результаты [5]. Однако положение лексикографии в целом нельзя признать удовлетворительным. Богатый практический опыт лексикографии не обобщался. Теоретические вопросы лексикографии часто решались от случая к случаю, что не могло не отражаться на качестве лексикографической практики. Теоретическое наследие русской лексикографии по сути дела не разрабатывалось. Теоретические вопросы ставились попутно в обзорно-историографических работах акад. В. В. Виноградова, в статьях члена-корр. АН СССР Е. С. Истриной и в критических рецензиях на словари. Работа акад. Л. В. Щербы по вопросам теории лексикографии прервалась и не была закончена.

Тяжелое положение теоретической работы в области лексикографии было непосредственно связано с господствовавшим в последние годы аракчеевским режимом в языкознании. Если в прежнее время крупнейшие русские языковеды, начиная с Ломоносова, словарную работу считали важнейшей частью научно-языковедного исследования, а многие крупные ученые — А. Х. Востоков, И. И. Срезневский, Я. К. Грот, А. А. Шахматов — принимали непосредственное участие в составлении словарей, то в период господства учения Марра словарная работа, вопреки прямым указаниям В. И. Ленина, призывавшего ученых к созданию современного словаря русского языка, была пренебрежительно объявлена ненаучной и

---

[2] См. статью проф. И. Кусикьяна в журн. «Советская книга», 1946, № 10—11.

[3] Рецензия в журн. Института языкознания Академии Румынской народной республики «Studii şi cercetări lingvistice», 1950, № 1, стр. 104.

[4] Из последних трудов достаточно указать такие монографии, как, например, книга проф. Р. И. Аванесова «Русское литературное произношение», М., 1950.

[5] В. В. Виноградов, Значение работ товарища Сталина для развития советского языкознания, М., 1950, стр. 34.

ремесленной. Представителями «нового учения» о языке с благословения их «учителя» Н. Я. Марра словарная работа рассматривалась как ширма, которой отгораживались «идеалисты» и «формалисты» от «нового учения» о языке. Вся словарная работа, и практическая и теоретическая, была взята под подозрение, ибо она не могла строиться ни на марровской теории единства глоттогонического процесса, ни на теории стадиальности развития языка. Аракчеевский режим задерживал развитие лексикографической теории, пытался развращать ее ложными идеями и разлагать практику лексикографической работы. Меньше всего пострадала внеакадемическая лексикография. Она не была организационно связана с марровскими центрами и потому легче выходила из-под ударов их теоретического воздействия. Более тяжелым оказалось положение академической лексикографии, попавшей под идейное воздействие теории Марра, которая была объявлена знаменем лексикографической работы. В ходе ее перестройки в духе «нового учения» о языке редакторы академических словарей заявляли, что «„новое учение" о языке акад. Н. Я. Марра должно найти свое выражение в содержании Словаря и его структуре» [6]; что значение слова раскрывается на основе «конкретных достижений нового учения о языке акад. Н. Я. Марра; всюду, где есть для этого данные, значение слова или соотношение между отдельными его значениями должны быть показаны в их историческом развитии в классовом обществе» [7]; что фундаментальная перестройка в лексикографии производится «по мере того как удается на деле провести в словарной работе принципы нового учения о языке» [8]. Живой материал языка подвергался насильственному антинаучному препарированию и антиисторической интерпретации. Отрицалась общенародность языка и выдвигалось положение о наличии нескольких классовых русских языков. Так, согласно проекту словаря современного русского литературного языка, слова *вотчина*, *помещик* и т. п. должны были отмечаться как слова феодальной формации, а *жандарм* и *министр* — буржуазной формации. Древнерусский язык должен был подвергнуться полному расчленению. В нем, кроме «общеупотребительных» слов и слов с неустановленной «социальной принадлежностью», должны были быть выделены, согласно проекту, слова посадского языка, крестьянского языка, языка рабочих плотников, сапожного ремесленного диалекта и т. п. Выдвигалась теория диффузной семантики древнерусской лексики. Иногда производилось подкрашивание под «новое учение» тех приемов и методов, которые и раньше, но на других основаниях, практиковались в русской лексикографии. Так, гнездование слов, обратный порядок расположения значений и многое другое было искусственно поставлено на службу глоттогоническим и стадиальным «теориям».

Руководствуясь учением И. В. Сталина о языке, необходимо разоблачить не только явные отражения, но и скрытые пережитки марровских установок, еще бытующие иногда в той или иной форме в теории и практике лексикографии, особенно в плане антимарксистской теории о «классовости» языка и лексики в частности.

Поэтому, как справедливо утверждает акад. В. В. Виноградов, «разработка теории лексикографии на основе трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания становится одной из актуальных задач советской линг-

---

[6] «Проект словаря современного русского литературного языка», Изд-во АН СССР, М.—Л., 1938, стр. 4.

[7] Там же, стр. 26.

[8] Б. А. Ларин, Проект древнерусского словаря, Изд-во АН СССР, М.—Л. 1936, стр. 6.

вистики»[9]. Учение И. В. Сталина об основном словарном фонде и словарном составе и об их историческом развитии в неразрывной связи с историей народа, положенное в основу теории лексикографии, явится твердой базой усовершенствования, углубления и расширения всех отраслей лексикографической практики.

***

Великая Октябрьская социалистическая революция не сразу оказала свое влияние на развитие лексикографической мысли. В первые годы революции еще только закладывались основы нового общества, новые языковые стихии еще только осваивали себе место в составе литературного языка; границы самого литературного языка, становившегося достоянием широких народных масс, обнаруживали необычайную подвижность и зыбкость. Широко пополнялся словарный состав, отражая новые идеи, отношения и быт. Со всей остротой вставал вопрос о культуре речи.

В 1920 г. В. И. Ленин, предвосхищая дальнейшее развитие лингвистической мысли, со всей решительностью ставит вопрос о необходимости создания нового словаря русского языка. Характеризуя словарь Даля, В. И. Ленин 18 января 1920 г. писал А. В. Луначарскому: «Великолепная вещь, но ведь это *областнический* словарь и устарел. Не пора ли создать словарь *настоящего* русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых *теперь* и *классиками*, от Пушкина до Горького. Что, если посадить за сие 30 ученых, дав им красноармейский паек? Как бы Вы отнеслись к этой мысли? Словарь классического русского языка?»[10] Так возникает идея словаря советской эпохи, получившая осуществление спустя несколько лет. Одновременно В. И. Ленин выдвигает другую, практическую задачу — создать «краткий (*малый* «Ларусс» образец) словарь русского языка (от Пушкина до Горького). Образцового, современного. По новому правописанию»[11]. Для реализации указания В. И. Ленина при Главнауке Наркомпроса вскоре был образован редакционный комитет, и работа началась при большом количестве сотрудников. В. И. Ленин до конца дней интересовался ходом составления словаря. Но осенью 1923 г. Наркомпрос, не удовлетворенный работой комитета в том виде, в котором она велась, счел целесообразным работу по словарю временно прекратить. Печальный конец этой работы имел глубокие внутренние причины. В сущности, не были ясны задачи словаря: его будущая структура была очень расплывчата — еще не были осознаны процессы развития литературного языка и изменения, которые не просто ложились инородным пластом на старый строй языка, но входили в него живым компонентом, создающим новые взаимоотношения всех — и старых и новых — элементов литературного языка. Трудно еще было учесть и новый характер связей литературного языка с диалектами, городским просторечием. Сущность новой, становящейся нормы была неясна, между тем как цели словаря были нормативные. В качестве «новых» привлекались материалы из художественной литературы, главным образом предреволюционной поры. Рядом с Маяковским широко использовались материалы из символистов и дореволюционной лирики; наряду с выписками из М. Горького широко были представлены второстепенные произведения предреволюционной буржуазной прозы.

---

[9] В. В. Виноградов, Труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и развитие советской науки о языке, Изд-во «Правда», М., 1951, стр. 21.

[10] В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 369.

[11] Там же, стр. 421.

Понятно, что на этом разнородном материале, который по замыслу должен был быть собран с большой полнотой, трудно было обосновать и документировать семантику современного русского языка в революционную пору. Всем ходом вещей эта первая попытка была обречена на неудачу.

К исходу 20-х годов выявляются предпосылки для развертывания лексикографической работы. Уже созданы были основы нового, социалистического общества. Обозначился характер новых явлений в словарном составе, яснее сложилось представление о тенденциях развития литературного языка наступавшей социалистической эпохи. Глубокий общественный интерес к вопросам нормы литературного языка немало содействовал уяснению языковых процессов современности.

В 1929 г. происходит перестройка словарной работы Академии Наук. По новому плану «Словарь русского языка»— теперь «Толковый словарь современного русского языка, взятый в историческом развитии»[12]. Привлекавшийся ранее материал диалектных и письменных источников от середины XVIII в. до наших дней значительно пополняется лексическими материалами из энциклопедических словарей, справочников, специальных изданий и учебников, вышедших во время революции, из произведений советской литературы, из газет и журналов, из общественно-политических сочинений. Но принципы и структура словаря не изменились: это был тот же шахматовский thesaurus (словарь — «сокровищница»), но пополненный свежими материалами. Принцип включения любого зарегистрированного слова, при интенсивном росте картотеки за счет ничем не ограниченного репертуара источников, привел к гипертрофии шахматовского принципа, к отрицанию здоровых начал шахматовского плана. Понятие русского слова в словаре начинает расплываться и стираться. Словарь не только некритично относится к далевским образованиям вроде *алкач*, *даровщик*, *маивать*, *макаронщичий*, но и помещает причудливые образования индивидуального писательского творчества, вроде *акмеистик*, *жертвогадатель*, *дамство*, *акростиший*, французские слова, написанные писателем по-русски, вроде *ажан*, *аливрувер*, *аларм*, случайно встретившиеся в новых или старых газетах сокращенные слова и образования вроде *академбой*, *активистовский*, *аламанщик*, или узко специальную научно-техническую, медицинскую и прочую терминологию, независимо от того, современная она или принадлежит к младенческой поре развития науки, как, например, *дамасси́н*, *майзе́на*, *медри́ль*, *дальнописец*, *магазино-офицер*, *аллантиа́з*, *аллиа́нция*. Применявшиеся без особой систематичности стилистические указания не сообщали словарю нормативного характера.

Назревал вопрос о создании нового, нормативного словаря русского языка советской эпохи. В 1928 г. группой филологов выдвигается его проект. Задачи словаря, его структура, принципы установления лексических границ литературного языка и стилистической дифференциации лексики в основном были разработаны В. В. Виноградовым, а вопросы нормализации произносительной и морфологической стороны принадлежали главным образом Д. Н. Ушакову. Двенадцатилетний труд завершился выходом «Толкового словаря русского языка» (1935—1940 гг.), первого словаря русского языка советской эпохи.

После «Словаря Академии Российской» и словаря акад. Я. К. Грота проблема нормативности поставлена «Толковым словарем» в более широком масштабе, на почве более широких научных представлений и в более сложной социально-языковой обстановке. Самым трудным в построении нормативного словаря является определение конкретных форм совершен-

[12] «Словарь русского языка», т. I, вып. 2, Л., 1933, Предисловие.

ствования общенародного языка, пополнения словарного состава и отмирания отживающих элементов. Необходим был анализ словоупотребления формирующегося советского общества, советской интеллигенции. Живые лексические процессы, в которых отражались и новые общественные идеологические отношения, создавали новое взаимоотношение активного и пассивного лексического запаса в литературном языке, новые стилистические и эмоциональные оценки. Эти процессы в языке и должен был представить «Толковый словарь». Акад. Л. В. Щерба в статье «Опыт общей теории лексикографии» [13] в своей классификации типов словарей назвал «Толковый словарь» «более или менее компромиссным словарем», стоящим между идеальным нормативным и словарем-справочником типа словаря Даля. Действительно, наличие в «Толковом словаре» слоев лексики пассивного запаса (в широком понимании этого слова) сближает его с типом словаря-справочника по терминологии Л. В. Щербы. Но в этом, между прочим, заключается то понятие нормативности, которое свойственно нашей эпохе, особенно 30-м годам, времени больших изменений в словарном составе литературного языка. Стремлением отразить живые процессы в современном языке определялась структура словаря. Это отразилось прежде всего на принципах определения лексических границ литературного языка. Отпадала устарелая лексика, связанная со старым бытом и понятиями, но удерживались архаизмы, стилистически оправданные в современном языке. Широко включались новые образования, отражавшие новые социальные явления и воплощавшие прогрессивные тенденции литературного языка. Не находили себе места диалектизмы или просторечные элементы, лишенные экспрессивной ценности в составе стилей литературной речи. Получили известное ограничение специальная терминология узкого употребления (научная, техническая, ремесленная и т. п.) и заимствованная лексика. Достаточно полно, по сравнению со многими предшествующими словарями, представлена фразеология. Получили нормативную регламентацию формы слов, ударение и произношение, представленные в традиционном духе «московской нормы». Проблема нормализации употребления лексики литературного языка и периферийных сфер, включенных в словарь, разрешалась детально разработанной системой классификации слов по сферам употребления. Слова или отдельные значения характеризовались принадлежностью их к той или иной стилистической разновидности устной или письменной речи, к тому или иному историческому пласту, к лексике определенной экспрессивно-эмоциональной оценки. Наличие в словаре широко проведенной нормализации более всего отмечалось критикой. «Правильному употреблению со стороны стилистической,— писал член-корр. АН СССР Л. А. Булаховский,— данное пособие учит впервые, и работа, проделанная его авторами для разграничения разновидностей устной и письменной речи, исторической перспективы языка, эмоциональных оттенков и под., представляет в русской лексикологии новый важный этап» [14].

Создание нормативного словаря — дело лингвистически ответственное; принципы его построения несовместимы с принципами генетических изучений. Недаром А. А. Шахматов - историк нормализацию языка не считал делом науки. Но ведь лингвисту не только ведомы пути развития языка, он сам— носитель языка коллектива. Поэтому он не только регистрирует и объясняет факты языка, но, как проницательный участник языкового творчества коллектива, сам становится законодателем норм. Поэтому так важно лингвисту, создателю нормативного словаря, проникнуть в языковой

[13] «Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и языка», 1940, вып. 3, стр. 96.
[14] «Курс русского литературного языка», изд. 2-е, Харьков, 1937, стр. 96.

дух эпохи. «Толковый словарь русского языка» под редакцией Ушакова посильно выполнил эту задачу. Поэтому так неоднороден состав его томов: он создавался на всем протяжении 30-х годов и отразил в себе все колебания в лексике, свойственные той эпохе.

«Толковый Словарь русского языка», как справедливо говорит в статье «Толковые словари русского языка» акад. В. В. Виноградов, «подводит итоги предшествующей работе над составлением словаря литературного языка» и «пускает в широкий общественный оборот достижения академической традиции в области лексикографии» [15].

В 1949 г. вышел однотомный «Словарь русского языка», который по принципам составления тесно примыкает к четырехтомному «Толковому словарю». Он создавался в то время, когда нормы русского литературного языка в эпоху уже сложившегося социалистического общества определились с бо́льшей четкостью, нежели это было в 30-е годы. Словарь ставил своей задачей отразить эти нормы. Это коснулось многих сторон словаря: состава слов, иллюстративных примеров, фразеологии, отбора значений в многозначных словах, унификации произносительной и акцентологической стороны и т. д. Многие стороны словаря, в том числе вопросы стилистической классификации, отбора слов, вопросы омонимики, требуют дальнейшей разработки [16]. Этот словарь — попытка создания массового словаря, преследующего цели повышения культуры речи.

В конце 30-х годов произошла реорганизация академического словаря, приведшая к выходу в 1948—1950 гг. первого и второго томов из пятнадцатитомного «Словаря современного русского литературного языка». На его составе, как говорилось об этом вначале, отразились идейные воздействия «нового учения» о языке, что во многом исказило облик словаря, внесло противоречия в его содержание. Однако по типу своему этот словарь, продолжая и несколько видоизменяя старые академические традиции, содержит здоровые начала, которые не могли быть уничтожены псевдонаучной фантастикой «нового учения» о языке. В этом издании словаря идея создания thesaurus'а окончательно оставлена. Основной костяк словаря составляет лексика литературного (в широком смысле) русского языка, в том виде, как он сложился с начала XIX в., с пушкинской поры. Словарь строится как толково-исторический, иначе — как словарь современного языка с широкой исторической перспективой [17]. Эта установка сближает новый словарь с первоначальным замыслом акад. А. А. Шахматова [18], так как историческая перспектива создается именно благодаря включению обильного языкового материала из произведений писателей прошлого века.

Подводя итоги, следует признать, что в области общих словарей языка русская советская лексикография, используя богатый опыт дореволюционной лексикографии, достигла известных положительных результатов. Практически созданы и теоретически намечены три основных типа нормативных общих словарей русского языка: б о л ь ш о й, представляющий современный литературный язык в широкой исторической перспективе; с р е д н и й, с детальной разработкой исторически оправданного стилистического

---

[15] Сб. «Язык газеты», М.—Л., 1941, стр. 390.

[16] См. рец. Н. Ю. Ш в е д о в о й в журн. «Советская книга», 1949, № 10.

[17] Ср. статью В. И. Ч е р н ы ш е в а «Принципы построения академического словаря современного русского литературного языка» в журнале «Русский язык в школе», 1939, № 2.

[18] См. статью чл.-корр. АН СССР Е. С. И с т р и н о й «А. А. Шахматов как редактор словаря русского языка» в «Известиях АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», 1946, вып. 5.

многообразия современного литературного языка, и, наконец, к р а т к и й, популярного типа, стремящийся к активной нормализации современной литературной речи.

***

К разграничению трех типов общих словарей русского языка советская лексикография пришла в процессе практической работы, в процессе выполнения насущных требований советской общественности. Советские лексикографы творчески использовали классическое наследие русской лексикографии в новых общественных условиях, когда лексикография стала одной из форм пропаганды культуры речи, пропаганды норм общерусского литературного языка. Жизнь показала практическую рациональность этих типов словарей, удовлетворяющих различным запросам. Однако несомненно, что полезный эффект словарей неизмеримо возрастет, если они будут построены на правильных методологических основаниях марксистского языкознания. Особенно это относится к тем словарям, которые, стремясь к нормализации языка, как бы узаконивают тем самым будущие пути его развития. Поэтому теперь, после появления гениальных трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания, первоочередной задачей советской лексикографии является проверка методологических основ обозначившихся типов словарей, перестройка, усовершенствование их структуры в свете сталинского учения о языке и разработка новых, более совершенных типов толковых словарей. Это особенно важно потому, что теперь лексикография должна стать тем разделом языкознания, который в форме общедоступных практических пособий по языку будет содействовать внедрению в народные массы конкретных знаний о языке в свете гениального учения И. В. Сталина.

Основным вопросом при методологическом обосновании типов словарей современного языка и тесно связанных с этим принципов лексического отбора является вопрос о границах современного литературного русского языка. Что следует понимать под «современным» языком? Вопрос этот до появления трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания не получил удовлетворительного для лексикографии разрешения. Практика нашей лексикографии связывала границы современного языка с именем Пушкина, но обычно легко переступала эти границы, если находила за их пределами явления, встречающиеся доныне. Большинство работ, относящихся к исследованию или описанию норм современного языка, весьма показательно по отсутствию надежных методологических установок. Явления русского языка от Пушкина до наших дней рассматривались как бы существующими в одной плоскости, без учета своеобразия исторического развития. Так, современные колебания в произношении оценивались в сопоставлении с чистотой идеальных норм так называемого московского произношения, хотя последнее являлось исторической категорией, развивавшейся и изменявшейся на всем протяжении XIX в. вплоть до наших дней. Характерна в этом отношении статья Д. Н. Ушакова «Русская орфоэпия и ее задачи» [19], впервые давшая произносительный кодекс старой «московской нормы» и ставшая знаменем борьбы со всеми, даже закономерно возникавшими и развивавшимися колебаниями и изменениями в произношении. Для подтверждения колебаний в современном языке в области морфологии привлекались языковые явления из произведений писателей начала XIX в., хотя эти явления давно исчезли из общенародного языка современности и были характерны для

[19] Сб. «Русская речь», под ред. Л. В. Щ е р б ы, новая серия, вып. III, Л., 1928.

раннего времени нового периода развития русского литературного языка. Так, например, Е. С. Истрина, рассматривая колебания в устно-разговорной разновидности современного литературного языка, пишет: «Влиянием народных говоров объясняется употребление мягких форм именительного падежа множественного числа некоторых прилагательных кратких (в сказуемом: *ради, сыти, пьяни, голодни*), что довольно обычно в устной речи, в частности в московской; ср. слова Чацкого: *«Вы ради? В добрый час»* («Горе от ума», д. I, явл. 7)[20]. Ясно, что эта форма не есть факт колебания в современном языке. Для него это устарелая, отжившая форма. Эти общие, по сути дела неисторические представления о границах современного русского литературного языка с отсутствием исторического расчленения явлений развития языка на разных этапах, от Пушкина до наших дней, отражались и на трактовке лексического состава в наших словарях (например, в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова), главным образом в переоценке роли архаизмов в составе языка, роли некоторых слоев терминологии, в недостаточной характеристике развития значений в словах, претерпевших семантические изменения на протяжении XIX — первой четверти XX в.

Только сталинское учение о языке внесло полную ясность в этот вопрос. В самом деле, общенародный русский язык, являющийся продуктом ряда эпох, оформляясь и развиваясь, в пушкинскую эпоху пришел в отношении структуры языка — его основного словарного фонда и грамматического строя,— а также в отношении многих пластов словарного состава к такому качеству, которое делает его близким к языку наших дней. Структура пушкинского языка, учит И. В. Сталин, сохранилась во всем существенном, как основа современного русского языка, и современный русский язык по своей структуре мало чем отличается от языка Пушкина.

Положения И. В. Сталина предохраняют нас от механистического понимания современного языка. Действительно, пушкинский язык — основа современного языка, основа, продолжавшая в течение XIX и XX вв. совершенствоваться, обогащаться, шлифоваться. Каждый новый этап в развитии общественности накладывал свой отпечаток на словарный состав языка. И. В. Сталин учит, что словарный состав языка «...находится в состоянии почти непрерывного изменения. Непрерывный рост промышленности и сельского хозяйства, торговли и транспорта, техники и науки требует от языка пополнения его словаря новыми словами и выражениями, необходимыми для их работы. И язык, непосредственно отражая эти нужды, пополняет свой словарь новыми словами, совершенствует свой грамматический строй»[21]. С каждым новым этапом развития появлялись новые слова и выражения, изменялись значения, выпадали из словарного состава устаревающие слова. Следовательно, на каждом новом этапе развития общественности происходили изменения в соотношении лексических элементов, нарождались новые черты лексической системы. Поворот в развитии общественности, связанный с ростом революционно-демократического движения, принес, как известно, новые, своеобразные черты в развитие словарного состава русского литературного языка не только в отношении роста лексики, но и в отношении семантических изменений. Наблюдательные современники отмечали эти процессы. Н. В. Шелгунов писал, что нигилизм «взялся

---

[20] «Нормы русского литературного языка и культуры речи», Изд-во АН СССР, М.,—Л., 1948, стр. 16.

[21] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 11.

за критику слов и понятий», что он был «первой попыткой реального мышления сделать смотр и дать им (словам.—*С.О.*) более жизненный смысл»[22]. На всем протяжении своего развития словарный состав прошел ряд этапов, и трудно отрицать, что словарный состав советской эпохи также отличается такими чертами своеобразия, которые выделяют его как новый этап в развитии лексики. Сопутствующие изменения в стилистической системе языка, а также протекающие крайне медленно процессы неравномерного совершенствования отдельных элементов грамматического строя, акцентологической и произносительной системы еще отчетливее подчеркивают своеобразие этапов развития русского литературного языка от Пушкина до наших дней.

Так, например, развитие словарного состава литературного русского языка, отражавшее становление буржуазных отношений и рост революционно-демократического движения во второй половине XIX в., значительно обогатившее словарный состав и знаменовавшее новый этап в развитии языка, сопровождалось такими процессами в области произношения, которые укрепили московское произношение как единую национальную литературную произносительную норму. Высказывания А. К. Толстого по вопросу о новых принципах стиховой рифмы отражали именно эти процессы.

Правильное разрешение вопроса о границах современного русского литературного языка и об этапах развития русского литературного языка от Пушкина до современности обуславливает правильное решение проблемы языковой нормы. Действительно, что такое объективное развитие языка как становление его норм? Если язык развивается в обществе, обслуживает нужды общества, если люди, социальные группы, классы не безразличны к языку, не безразличны в оценке явлений языка, то это значит, что норма есть система наиболее пригодных («правильных», «предпочитаемых») для обслуживания общества средств языка, система, складывающаяся как результат отбора языковых элементов (лексических, произносительных, морфологических, синтаксических) из числа сосуществующих, наличествующих, образуемых или извлекаемых из пассивного запаса прошлого в процессе социальной, в широком смысле, оценки этих элементов.

В свете такого понимания норм современного языка яснее очерчивается внутреннее содержание и состав разных типов словарей современного языка, а сама классификация словарей может получить методологическое оправдание.

Действительно, с этой точки зрения четко определяется состав большого словаря современного русского языка. Это должен быть словарь современного языка с исторической перспективой, раскрывающей динамику исторического развития современного языка от пушкинской эпохи до наших дней. В связи с таким пониманием задач большого словаря уточняются задачи наметившихся в советское время типов среднего и краткого словарей: они раскрывают с большей или меньшей полнотой актуальный словарный состав нашей эпохи в его стилистическом многообразии.

Задачи, которые стоят перед словарями разных типов, определяют их структурные различия. Прежде всего это касается принципов отбора слов Большой словарь с возможной полнотой включает лексику художественных и общественно-публицистических произведений XIX— XX вв., широко отраженную (систематически употребляемую) в художественной и отчасти в публицистической литературе областную речь и просторечие

---

[22] Н. В. Шелгунов, Соч., т. I, СПб., 1895, стр. 722.

разных типов, как выразительные средства литературного языка, терминологию и разговорную речь с ее типичными фразеологическими штампами, характерными для разных периодов развития литературного языка. Средний, а тем более краткий словари включают из этих разрядов в свой состав только актуальную для современности лексику, практически возможную в тех или иных стилях современного употребления, необходимую для языкового обслуживания многообразных нужд современной общественности.

Основой для всех типов словарей должна являться богатая, разносторонняя картотека произведений художественной и не художественной литературы. Только хорошо продуманная картотека, учитывающая всех безусловно значительных по своему общественному влиянию авторов, может служить прочной базой для отбора слов в разные типы словарей. Действительно, такая картотека, отражающая характер движения словарного состава, может служить надежным критерием для определения употребительности или изолированности слов, общности или единичности значения. С другой стороны, индивидуальное лексическое словоупотребление и словотворчество, если оно отвечает тем или иным лексическим потребностям общества и в особенности, если оно исходит от авторитетного или популярного мастера слова, может переходить в широкую обиходную речь. Не только общественная терминология, как, например, слова *нигилизм*, *нигилист*, испытывает эту судьбу. Любые лексические средства, отвечающие общим потребностям выразительной речи, могут попадать в общее употребление. Характерно в этом отношении свидетельство С. В. Максимова в его воспоминаниях об А. Н. Островском: «подхваченные на сцене слова и выражения уже разносились по Гостиному двору, ...уходили в деревни, прямо в народ» [23]. «Много слов,— пишет С. Максимов в другом месте,— взятых из его (Островского.—*С. О.*) произведений, прошло в обиход, и досужливому наблюдателю не трудно будет выделить их и занести как новость и особенность в словарь, подобно словам „метеорское звание“, „доказать“, „патриот своего отечества“, „черты из жизни“ (на красных носах невоздержных гуляк) и проч., за которыми скрываются целые представления и картины, обрисовываются оригинальные характеры и живые типы»[24]. К числу подсобных, но важных источников для изучения движения словарного состава относятся (для времени с 40-х гг. XIX до начала XX в.) разного рода справочные и терминологические словари, энциклопедии, словари иностранных слов, словари неправильностей и орфографические, недостаточно оцененные в нашей лексикографической практике. Как правило, наша лексикографическая практика для определения наличия слова следует по таким вехам, как Словарь Даля в первом и втором изданиях и в издании под редакцией И. В. Бодуэна-де-Куртенэ и «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, пропуская промежуточные звенья. И потому, вследствие плохой изученности лексикографических и справочных источников, в новейших словарных работах оказываются пропущенными, незафиксированными словарные явления, существенные и важные для понимания движения словарного состава. Так, слово *листва*, давно вошедшее в состав общенародого языка, впервые было зафиксировано только «Толковым словарем» Д. Н. Ушакова, а слово *государственность* не попало даже в последний по времени однотомный «Словарь русского языка» 1949 года.

Богатство и разносторонность словарного состава русского языка общепризнаны. Тем труднее и сложнее проблема отбора слов для словарей

---

[23] А. Н. Островский, Соч., т. XI, Изд-во «Просвещение», стр. 169.
[24] Там же, стр. 144—145.

разных типов. Особенно это касается некоторых разрядов производных слов. Богатейшие словообразовательные возможности русского языка, о которых так верно говорил Н. Г. Чернышевский, создали необыкновенную выразительность и вместе с тем пестроту в обозначении одинаковых, однородных или сходных понятий. Если для среднего и краткого словарей (чисто нормативных), отражающих сравнительно ограниченный этап развития словарного состава, дело отбора словообразовательно параллельной лексики представляется более или менее ясным, то для отбора в словарь, рисующий историческую перспективу развития лексики, лексикографическая практика встречается с рядом трудностей.

Еще в конце XVIII — начале XIX вв. люди старшего поколения становились втупик перед лавиной новых образуемых слов. «Зараза выдумывать и ковать новые слова,— писал акад. Румовский,— ныне так распространилась, что в сем едином многие полагают свое достоинство и красоту языка российского, и стремлению сему положить преграду толь трудно, как реке, из берегов своих выступающей» [25].

На разных этапах развития литературного языка по-разному складывались продуктивные и непродуктивные типы суффиксации. Многие из них лишь позднее установились как продуктивные или непродуктивные и легко использовались в параллельных образованиях, из которых одни выживали, иные впоследствии отпадали, хотя для своего времени могли быть в разряде активных. Для некоторых разрядов слов, как, например, для существительных со значением действующего лица, пестрота усиливалась заимствованными словами. Так, например, в XIX в. рядом со словом *прозаик* существовало *прозаист* [26], *пропагандист* (Даль) и *пропагатор* [27], *фотограф* и *фотографист* [28], *гипнотизёр* и *гипнотизатор* [29]. у Ф. М. Достоевского для обозначения писателя или художника, изображающих типичные явления жизни, употребляются слова *типичник* и *типист* [30]. В наше время, наряду со словом *дипломник* (студент, готовящий дипломный проект), употребляется *дипломант*, *проектировщик* и *проектант*. В области прилагательных в XIX в.: *порывчатый* [31] и *порывистый*, *отрывчатый* («отрывчатое восклицание») [32] и *отрывистый*, *отчетистый* [33] и *отчетливый*, *волосистый* («Ну, брат, погоди еще, — перебил *волосистый* художник»)[34] и *волосатый*. Рядом с *комфортабельный* — *комфортный*: «мёбель... мягкая, *комфортная*» [35]. Рядом с *эластичный* — *эластический*: «...опустившись на *эластический* шелковый диван» [36]. Не менее богато параллельное глагольное словообразование (и образование отглагольных существительных) с суффиксальными элементами *ировать-овать* и *ывать-ать*. Например, при современном *корректировать* у М. П. Погодина: «статья *прокорректована* дважды» [37]; при существовавшем *оправляться* у И. И. Дмитриева «начал было *оправливаться* после долговременной болезни» [38]; при

---

[25] Письмо П. И. Соколову 16 октября 1803 г. в кн. М. И. Сухомлинова, «История Российской Академии», т. VII.
[26] И. И. Дмитриев, Взгляд на мою жизнь, Соч., т. II, стр. 38.
[27] Ф. М. Достоевский, Полн. собр. худож. произв., т. IV, стр. 79.
[28] Н. Языков, журн. «Дело», 1875, № 2.
[29] Л. Н. Толстой, «Плоды просвещения», д. III, явл. 4.
[30] Ф. М. Достоевский, т. XI, стр. 90 и 92.
[31] Ф. М. Достоевский, т. II, стр. 12.
[32] Д. М. Григорович, Повести и рассказы, т. V, стр. 143.
[33] Н. А. Некрасов, Полн. собр. сочинений и писем, т. IX, стр. 455.
[34] Д. М. Григорович, т. V, стр. 144.
[35] Ф. М. Достоевский, т. VIII, стр. 163.
[36] Д. М. Григорович, т. III, стр. 198.
[37] Письмо к М. А. Максимовичу 11 дек. 1870 г., сб. ОРЯС XXXI, стр. 118.
[38] И. И. Дмитриев, Письмо А. И. Тургеневу, Соч., II, стр. 271.

существовавшем *оцениваться* у Н. А. Некрасова: «в коловратный наш век таланты не *оценяются*» [39]. Не менее массовы параллели в глагольном словообразовании, связанном с образованием вторичного несовершенного вида от приставочного совершенного на всем протяжении XIX в. и до наших дней, типа *брошюровать — сброшюровать — сброшюровывать, фасовать — расфасовать — расфасовывать*. Ср., например, у Н. Лескова: «Я *оробеваю* и пужаюсь при всяком знаке недоверия» [40]. Явления параллельности в глагольном словообразовании вообще очень многообразны. Так в «Словаре церковно-славянского и русского языка» 1847 г. приведены как однозначные слова *соперничать* и *соперничествовать*, *совершенствовать — усовершать* с совершенным видом *усовершенствовать — усовершить*. Все формы подтверждаются тогдашним употреблением. «*Соперничествуя* с Ломоносовым он (Сумароков) не сознавал в нем гениального человека» [41],— пишет П. А. Плетнев. «Этот талант *усовершил* он сам собою, чтением теорий и опытом»,— пишет акад. М. Лобанов [42]. У А. Е. Измайлова: «*Усовершила* все, что начато Петром» [43]. Лексическая пестрота усугубляется обилием образованных по продуктивным в данный период словообразовательным моделям новых слов, появляющихся в связи с многообразными потребностями, в том числе и стилистическими, и не всегда четко дифференцированных по значению. Их своеобразие в том, что они обычно не закрепляются в языке, не лексикализуются, не входят прочно в словарный состав, а существуют как живая потенция. Ср. у П. А. Плетнева: «Карамзин и Жуковский, *одушевители* молодого поколения писателей» [44]. У А. А. Потебни: «Сочинитель или *применитель* басни сам ясно видит обобщения» [45], у Л. Н. Толстого: «когда я выходил, то меня учтиво провожал *показыватель*» [46]. Внутри словообразовательно параллельных разрядов лексики с недифференцированным значением не все одинаково зыбко, подвижно, неустойчиво. Одни из параллелей на всех этапах развития языка могут представляться лексически равноценными, иные равноценны лишь в известные периоды, иные становятся архаизмами или «неправильностями», иные получают ту или иную стилистическую оценку (ср. *скидывать* и *скидать* в значении несовершенного вида).

Подход к отбору этих разрядов лексики в разных типах словарей не может быть одинаков. Ясно, что краткий словарь нормативного типа включает только одну, активную форму параллели, сообразуясь вообще с лексической значимостью параллельных образований. Нормативный словарь среднего типа может расширить круг параллелей включением стилистически отличающихся форм. Большой словарь с исторической перспективой не может пройти мимо лексики этих разрядов без тщательной оценки исторической роли параллельных форм на разных этапах развития языка. Основным критерием оценки являются прочное наличие тех или иных параллелей в письменных источниках и сравнительная устойчивость той или иной словообразовательной параллели в зависимости от характера основы и суффиксации.

Ясно, конечно, что при наличии семантической дифференциации в параллельных словообразовательных разрядах, углубленной и стилистическими различиями, как, например, *принесение — принос — прино-*

---

[39] Н. А. Некрасов, Три страны света, стр. 217.
[40] Письмо к Аксакову в кн. В. Гебель, Н. С. Лесков, ГИХЛ, 1945, стр. 33.
[41] П. А. Плетнев, Соч. и переписка, т. II, стр. 35.
[42] М. Лобанов, Жизнь и соч. И. А. Крылова, СПб., 1847, стр. 65.
[43] А. Е. Измайлов, Полн. собр. соч., т. I, стр. 379.
[44] П. А. Плетнев, Соч. и переписка, т. II, стр. 80.
[45] А. А. Потебня, Из лекций по теории словесности, Харьков, 1894, стр. 50
[46] Л. Н. Толстой, Крейцерова соната, гл. XI.

шение или *убийство — убиение — убивание — убой — убивка — убитие*, вопросы отбора для всех типов словарей разрешаются по общему принципу лексической значимости.

Отбор словообразовательно параллельных разрядов лексики облегчается тем, что он тесно связан с грамматическим критерием оценки. Значительно труднее и обычно субъективнее бывает отбор тех слов, употребление которых связано с лингвистическими вкусами общества на разных этапах его развития, с обозначением преходящих явлений общественной жизни, с необходимостью подчеркнуть индивидуальную, своеобразную суть явления. Слои эти чрезвычайно многообразны и требуют специального изучения.

К ним можно отнести прежде всего разряд слов-подёнок, возникающих обычно в разговорной или публицистической речи для обозначения случайных, несущественных явлений быта. Они могут быть очень активны в течение короткого времени; но, представляя собой обычно название по случайному признаку, понятному только в обстановке данного времени, они быстро уходят со сцены. Среди них выделяются, например, названия предметов обихода: *румынки* (название высоких дамских ботинок, существовавшее в первые годы революции), *татьянка* (название дамской шляпы с широкими полями особого фасона, существовавшее в предреволюционные годы и в первые годы революции), *профитка* (род экономичной свечи; название, существовавшее в середине XIX в.) [47]. Сюда можно отнести и замененные названия явлений, продолжающих существовать, например, *американка* (закусочная с высокими столами, за которыми едят стоя, а также небольшая мастерская по ремонту и чистке одежды; название, вышедшее из употребления после войны). К словам-подёнкам можно отнести и многие шутливо-иронические образования вроде *разбайрониться* [48], *нувеллист* в том значении, о котором пишет С. П. Жихарев: «Со времени войны с французами появился в Москве особый разряд людей под названием «нувеллистов», которых все занятие состоит только в том, что собирать разные новости, развозить их по городу и рассуждать о делах политических» [49]. В середине XIX в. таких людей уже называли *газетчиками*[50]. Ясно, конечно, что элементы лексики, характеризуемые как слова-подёнки, не могут иметь места в составе даже словаря большого типа, ибо они — далекая периферия словарного состава. Однако это не значит, что они должны остаться вне лексикологического изучения. Они дают интересный материал для изучения закономерностей развития словарного состава. Собирание их может войти в задачу особого словаря с историко-бытовыми комментариями.

К словам-подёнкам примыкают слова, возникающие в узких общественных кругах и представляющие собой специфические обозначения тех или иных явлений жизни. Это слова жаргонного типа. Но они могут выходить за пределы узкого круга и на известное время становиться достоянием более широкого употребления. И если они по своим словообразовательным основам имеют тесные и понятные связи с основами словарного состава общенародного языка, то относительная устойчивость их увеличивается. Сюда относятся такие слова дворянско-интеллигентского употребления как *сластун* (ср. у Д. В. Григоровича: «Боткин взял роль сластуна, брюзгливого и ворчливого статского советника» [51]), *клубничник* (ср. у Ф. М. До-

---

[47] Михельсон, 30 000 иностранных слов..., М., 1874.
[48] Журн. «Вестник Европы», 1830, № 7, стр. 200.
[49] С. П. Жихарев, Записки современника, II, стр. 195.
[50] Бурдон и Михельсон, Полн. словарь иностр. слов, Спб.— М., 1885.
[51] Д. В. Григорович, Литературные воспоминания, журн. «Русская Мысль», 1893, ч. II, стр. 62.

стоевского: «ненавижу клубничку и клубничников» [52]). К этой группе жаргонных по происхождению слов принадлежат и многие заимствованные слова, как, например, *пшют, вояж, фраппировать, антураж* и т. п. Словарь большого типа должен с особой внимательностью отнестись к отбору этих слов. Свидетельства современников и правильная оценка общественной значимости слова могут служить критерием отбора. Поэтому понятно, что такие узкие жаргонные слова, как *шикар* в значении фат человек, обладающий шиком [53], не могут быть допускаемы и в словарь большого типа. С другой стороны, заслуживают внимания для включения в большой словарь такие слова, которые в последующем развитии словарного состава отпали, но которые, возникнув вне жаргонных условий, были достоянием разговорной речи как меткие обозначения характерных явлений. Таково слово *павлиниться*, включенное в Словарь 1847 г. и в Словарь Даля и естественно не зафиксированное «Толковым словарем» под редакцией Д. Н. Ушакова. Оно прозрачно по своему образованию: обозначение действия или состояния от названия животного, которому приписываются какие-нибудь признаки, свойства (ср. *петушиться, собачиться, лисить* и т. п.). В языке жив образ — сравнение хвастуна с павлином, кичливо распускающим хвост [54]. Его без специфической стилистической установки применяет В. Г. Белинский: «по понятию его быть генералом — значит чваниться и павлиниться перед низшими» [55].

Такого же внимания в большом словаре заслуживают слова или отдельные значения, которые в последующем развитии словарного состава были по разным причинам вытеснены синонимами. Ср., например, такие пары: *скрепился — сдержался*: «Почти все рассмеялись. Я кое-как *скрепился*» [56]; *накидка — набросок*: «Любил делать первые *накидки* своих басен на лоскутках» [57]; *усилился — усовершенствовался*: «Первого (французского языка) он не любил, а в последнем (в немецком языке) *усилился* чтением» [58]; «язык *усилился*, уразнообразился» [59].

Одним из сложных вопросов лексического состава словарей является вопрос о месте специальной терминологии в общих словарях языка. Речь идет главным образом о терминах-отдельных словах, так как составные термины (словосочетания), за исключением вошедших в общее употребление (типа *железная дорога, политическая экономия* и т. п.), обычно относятся к сфере узко специального употребления и, как правило, не принимаются в расчет при обсуждении терминологических вопросов в словарях [60]. Ясно, конечно, что словарь большого типа должен с возможной полнотой отражать терминологическую лексику. Однако отсюда не следует, что он должен без разбора включать в себя любую терминологию энциклопедических словарей XIX и XX вв., словарей иностранных слов, часто насчитывавших свыше сотни тысяч заимствованных слов в русском языке [61]. Из терминологии, бытовавшей в словарном составе

---

[52] Ф. М. Достоевский, Полн. собр. худож. произв., т. IV, стр. 159.

[53] Михельсон, 30 000 иностранных слов, М., 1874.

[54] Ср., например, использование этого сравнения у Н. Г. Чернышевского в письме к И. С. Тургеневу (Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 332).

[55] В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. XIII, М., 1948, стр. 177.

[56] Ф. М. Достоевский, Полн. собр. худож. произв., т. VIII, стр. 314.

[57] М. Лобанов, Жизнь и сочинения И. А. Крылова, Спб., 1847, стр. 48.

[58] Там же, стр. 68.

[59] К. Зеленецкий, Исследование значения, построения и развития слова человеческого, М., 1837, стр. 61.

[60] Впрочем, это является особой проблемой, заслуживающей специального обсуждения.

[61] Словарь Бурдона и Михельсона в издании 1865 г. содержал 30 000 слов, а через 20 лет, в издании 1885 г., уже 115 000 слов! Ясно, что в подавляющем большинстве это были слова-подёнки.

русского языка с XIX в. и затем отпавшей, и в большой словарь должна включаться только та, которая отражала существенные явления в развитии науки, техники, искусств. Таковы, например, старые физические термины *теплород*, *магнетизм*, военные *люнет*, *флеши* или еще памятные, но теперь отпавшие общественно-политические термины *дауэсизация*, *оптант* и т. п. Вряд ли необходим подобный разряд терминологии в общих словарях среднего и краткого типов.

При отборе терминов одного круга понятий обычно стремятся представить в исчерпывающей полноте видовую терминологию данного рода, считая это наиболее обоснованным решением вопроса. Так, если даются слова *квадрат*, *конус*, то должны быть даны все названия геометрических фигур; если есть *сталактит*, то должен быть дан *сталагмит*; то же относится, скажем, к названиям геологических эр, семейств растений или животных и т. п. Однако вряд ли это можно считать правильным. В действительности не наблюдается совпадения по значимости круга терминов основных и частных понятий науки и техники и круга терминов общего, общенародного употребления, которые только и могут иметь место в общих словарях языка, являясь средством общения вне данной научной или технической сферы. Так, для химии одинаково важна вся терминология периодической системы элементов. Однако, с точки зрения лексического обихода общенародного языка, не следует включать даже в большой словарь такие названия элементов как *актиний*, *радон*, *ксенон*, *гафний*, *индий* и т. п. Вместе с тем мы знаем, что состав общеизвестных названий элементов расширяется, и при этом расширяется тогда, когда термин выходит за пределы только химической терминологии и становится достоянием таких отраслей техники, знание которых необходимо всем говорящим. Такова судьба таких терминов как *висмут* и *радий* (применение в медицине), *уран* (в связи с открытием атомной энергии), *неон* (ср. особые осветительные неоновые лампы). Для краткого и даже среднего типа словаря вряд ли необходимо включение термина *недокись* и даже *закись* при наличии *перекиси* и *окиси*. Следовательно, решающим моментом для отбора терминов должна быть не важность термина в системе понятий данной науки или отрасли техники, а его общественная роль.

Таков далеко не исчерпывающий круг вопросов, связанных с отбором лексики в разные типы словарей. В общем задачи формирования словника разных типов ныне существующих словарей сводятся к следующему. Большой словарь включает в себя активный и пассивный запас лексики современного общенародного литературного языка и вышедшую из употребления, но характерную для развития словарного состава лексику. Средний словарь включает в себя активный и пассивный запас лексики современного языка. Краткий словарь обнимает активный запас современной лексики с привлечением той лексики пассивного запаса, которая необходима с той или иной точки зрения для характеристики современного языка.

Один из серьезных и сложных вопросов словарной практики — это вопрос об омонимах. Как бы ни подходить к определению омонима, ясно, что за исключением традиционных омонимов (*ключ*, *печь*, *коса*, *брак* и т. п.) выделение омонимов не может быть одинаковым в разных типах словарей. Словарь, раскрывающий исторические перспективы развития слова, к проблеме омонимов должен подойти иначе, чем словарь живой структуры современного языка. С ростом производных слов, с дифференциацией словоупотребления происходит нарушение былых грамматико-семантических связей, облегчается вычленение омонимов. Для современного языка слово *жалованье* явно распалось на омонимы: с одной стороны,

это действие по глаголу *жаловать* (слово устарелое), с другой — это синоним слова *зарплата*. Разделение этого слова на омонимы в большом словаре было бы известного рода модернизацией, разрушающей живые семантические связи, ибо в XIX в., судя по употреблению этого слова, в нем сохранялись отпавшие теперь звенья семантического развития слова: от значения действия по глаголу через значение вообще результата действия к узкому значению предметности (деньги за работу). Аналогична судьба отглагольного существительного *образование*, у которого в современном языке нарушились былые грамматико-семантические связи с глаголом и которое уже в новом, омонимическом значении обросло производными. Слова *бега*, *скачки*, образовавшиеся в результате развития омонимии с обозначающими действие по глаголу существительными *бег*, *скачка*, для XIX в. в большом словаре вряд ли могут быть выделены как омонимы, так как они, употребляясь и в единственном числе, были тесно связаны семантически с отглагольными существительными. Ср., например, у Д. В. Григоровича: «представь себе, в последний раз *на бегу* такой случай вышел»,[62] или «да что же это наконец такое? и вы не *на скачке?*» [63].

Особый случай представляют слова, образованные от одной основы, но в разное время и независимо друг от друга и лишенные внутренних семантических связей: *ночник* — ночной извозчик в середине XIX в. и новое — *ночник* — летчик, специалист по ночным полетам; *ударник* — солдат ударных батальонов времен Февральской революции и *ударник* — член ударной бригады на предприятии; *западники* — название представителей одного из общественных направлений XIX в. и *западники* — недавно появившееся слово для обозначения представителей западных империалистических стран на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций. Подобного рода слова в любых типах словарей, повидимому, должны быть представлены как омонимы.

Классификация и определения значений в словарях разных типов также не могут не иметь серьезных различий. Они достаточно ясны на примере только одной стороны семантической структуры словарей. Основной словарный фонд, как известно, не остается неподвижным. Он изменяется, развивается. В словах основного словарного фонда могут утрачиваться некоторые значения, иногда, может быть, и основные, и на месте основного значения могут выступать новые, образовавшиеся в порядке так называемого сужения значений. Так, в слове *спица* отпало общее значение — заостренная короткая палочка, тычинка и сохранились как основные только значения спицы у колеса и спицы вязальной. Только словарь большого типа должен включить отпавшее ныне значение, тем более, что именно с ним связано уменьшительное *спичка*, из которого в процессе распадения сочетания *зажигательная* (*серная*, *фосфорная*) *спичка* образовался впоследствии омоним.

Вопрос о порядке значений — один из важных в словарной практике. Тенденция приблизить словарь к современности путем выдвижения более актуальных значений на первое место проводится иногда механически. Между тем разные типы значений слов и особенно из основного словарного фонда требуют дифференцированного подхода. В словах, значения которых развились в процессе сужения или расширения значений, легко допустимо выдвижение более актуальных значений. Так, в слове *вера* значение «убежденность» и в XIX в., несмотря на показания словарей того времени, выдвигалось как общее, а значение «религия» как специализированное, суженное. Иное дело в словах, новые значения которых

---

[62] Д. В. Григорович, Повести и рассказы, т. I, стр. 207.
[63] Там же, стр. 208.

возникали в процессе метафорического, переносного применения основного значения. Нарушение исторического порядка значений в таких словах, как, например, *жертва* ведет к искажению семантической перспективы и разрушает очевидные семантические связи с фразеологическими выражениями и производными словами. Эти соображения особенно существенны в словаре большого типа.

Новые в системе литературного языка слова, с XIX в. входившие в основной словарный фонд, имеют свою семантическую историю. Следует ли в большом словаре давать в исторической последовательности значения таких слов, как *быт, класс, пролетариат, нация?* Ведь современное значение слова *быт* оформилось в первой четверти XIX в., современные значения слов *класс, пролетариат* оформились окончательно в марксистской литературе, хотя и применялись значительно раньше в русском языке. Современное значение слов *нация, народность* оформилось только в трудах И. В. Сталина в процессе разработки большевистской партией национального вопроса. А для времени Даля, да и позднее, слово *нация* лишь входило в общий синонимический ряд со словами *народ, народность, национальность*. В период своей «предистории» слова этого типа не имели четких семантических границ. Поэтому наиболее целесообразным было бы в качестве основного значения выдвигать то, которое оформилось как значение общенародного языка, а те оттенки или значения, которые предшествовали этому, должны оговариваться особо.

Требуют дальнейшего уточнения и исследования вопросы стилистической классификации слов. Повидимому, в большом словаре, отражающем историческое развитие современной лексики, следует отказаться от оценочной стилистической характеристики. Она очень изменчива и неоднородна для разных этапов исторической действительности, и существующая стилистическая номенклатура, приноровленная к живой структуре языка нашего времени, приводит нередко к искажению в перспективе стилистического развития.

Уточнения требуют и вопросы грамматической, произносительной и акцентологической характеристики слова. Ведь «...словарный состав, взятый сам по себе,— учит И. В. Сталин,— не составляет еще языка,— он скорее всего является строительным материалом для языка» [64]. Он «получает величайшее значение, когда он поступает в распоряжение грамматики языка...»[65]. Поэтому показ грамматического и звукового оформления слова и синтаксических возможностей его приобретает огромное значение для словаря. Чем точнее указания словаря в этом отношении, тем лучше он выполняет свою роль. Особенно важен для словаря показ лексических и фразеологических единиц, представляющих собой материал для несвободных, принудительных лексических связей. Сюда относятся, например, слова с ограниченной сочетаемостью или лексически застывшие синтаксические связки (*с тем, чтобы*; *так что* и т. п.), слова с индивидуальной морфологической и акцентной характеристикой, не учитываемой грамматиками (например, *прошел одну версту́* и *прошел с вёрсту, сёстрам*, но *всем сестра́м по серьгам, су́дьбы народа*, но *какими судьба́ми* и т. д.). Словарь, рисующий историческую перспективу, должен с возможной полнотой показать развитие лексики в этом отношении, тем более, что в процессе роста несвободных или «индивидуальных» сочетаний в последующие эпохи выкристаллизовываются новые значения слов. Для характеристики оформления разных типов словарей в акцентологическом

---

[64] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 23.

[65] Там же

отношении можно указать такой пример. В большом словаре для форм настоящего времени от глагола *варѝть* (*варѝшь* — *ва́ришь*) должна быть отмечена историческая последовательность в произношении их от Пушкина до наших дней. В словаре, учитывающем стилистическое многообразие литературной речи, должна быть указана форма *варѝшь* как устарелая. В строго нормативном кратком словаре эта устарелая форма может отсутствовать.

Лексикографическая кодификация словарного состава современного русского языка, осуществленная в разных типах словарей с различными структурами, основанными на изучении исторической динамики развития современного литературного языка, открывает широкие перспективы. Подобные словари, прежде всего, явятся мощным средством распространения углубленных знаний о русском языке, о его богатстве и выразительности, средством, облегчающим непосредственное общение между братскими народами Советского Союза, мощным средством для повышения культуры речи. С другой стороны, словари современного языка, построенные на правильных методологических основах, создадут надежную материальную базу для исследования закономерностей развития словарного состава. Доведение до конца словаря древнерусского языка и создание словаря литературного языка XVIII в. позволят поставить на твердую почву историческое изучение русской лексики в свете сталинского учения о языке.

***

Далеко не полный перечень вопросов, связанных со структурой разных типов словарей, показывает насущную необходимость пересмотра существующих словарных планов в свете сталинского определения современного русского литературного языка. Необходима дальнейшая детальная теоретическая разработка многих лексикографических проблем с тем, чтобы практика советской лексикографии полностью основывалась на гениальном сталинском учении о языке.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 2 1952

Н. Ю. ШВЕДОВА

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕНАРОДНОМ И ИНДИВИДУАЛЬНОМ В ЯЗЫКЕ ПИСАТЕЛЯ

I

Задачи, поставленные в работах И. В. Сталина по вопросам языкознания перед советскими историками литературного языка, велики и ответственны. Изучение языка писателя является одной из наименее разработанных областей современного языкознания. Не выработаны не только самые методы изучения, не только нет образцов полностью опирающегося на марксистско-ленинскую методологию целостного научного описания языка писателя, но не очерчен самый круг вопросов, составляющих ядро, стержень этого изучения. Эта отрасль науки, еще молодая, неопределившаяся и лишь ищущая путей своего развития, должна сейчас коренным образом изменить и свою проблематику и свои методы. Перестройка эта, пути для которой указаны в работах И. В. Сталина, даст толчок новым исследованиям, основанным на новых, подлинно научных началах и принципах.

В последнее время иногда приходится слышать вопрос: правомерна ли сейчас, после появления работ И. В. Сталина по вопросам языкознания, сама постановка проблемы: «язык писателя»? Ведь несомненно, что каждый подлинно народный писатель, вошедший в историю литературы и языка и оставивший след в этой истории, писал на общенародном языке и никакого своего собственного, отличного от общенародного, языка не имел и иметь не мог. Может быть, правильнее рассматривать язык писателя только как отражение системы общелитературного языка соответствующей эпохи, только как материал для изучения языка этой эпохи? Для таких сомнений, однако, нет никаких оснований. Необходимость углубленного, всестороннего изучения языка писателя, необходимость разработки правильных методов этого изучения ощущается сейчас острее, чем когда-либо прежде.

Язык художественной литературы как в лексическом, так и в грамматическом отношении представляет собой очень сложное образование: *в нем в той или иной степени и в разных формах находят свое отражение* самые разнообразные стороны общенародного языка, преломленные сквозь призму мировоззрения и мастерства писателя и выступающие в разных соотношениях в авторском повествовании, в речи рассказчика, в диалоге, в несобственно-прямой речи, в различных формах речевой характеристики героев, в их внутренних монологах.

Язык писателя открывает широкие возможности для изучения взаимодействия различных стилей общенародного языка, закономерностей их соединения, их взаимопроникновения и взаимообогащения; он дает возможность изучить взаимодействие письменной и устной, разговорной

речи. Ни одна другая разновидность письменного языка — язык научный, публицистический, деловой — не дает таких возможностей этого изучения. Между тем взаимодействие устной и письменной речи в языке художественной литературы есть одна из форм закрепления в письменном языке отдельных сторон устной речи. Проследить пути закрепления в письменности многообразных явлений, ранее присущих только «живому разговору», нельзя без изучения языка писателя, языка художественного произведения [1]. Язык писателя содержит непосредственные свидетельства тех случаев слово- и формоупотребления, которые в определенный момент жизни языка были распространены в отдельных стилях речи, главным образом, устной, но по тем или другим причинам не закрепились, ушли из языка. В той или иной форме отражая недолговечное, иногда случайное, язык писателя сохраняет для потомков следы живого языкового движения; он является единственной областью письменной речи, в которой, в определенных стилистических целях, письменный литературный язык взаимодействует с территориальными диалектами и классовыми жаргонами. Наконец,— последнее по порядку, но не по значению,— без изучения языка писателя нельзя понять творческое лицо писателя, его мировоззрение. Все это делает изучение языка писателя проблемой чрезвычайно сложной и многосторонней.

В настоящей статье делается попытка поставить лишь один из многих вопросов данной области — вопрос о соотношении общенародного и индивидуального в языке писателя и о том, какое содержание следует вкладывать в данном случае в понятие «индивидуального». Материалом для статьи служат произведения некоторых советских писателей — наших современников.

* * *

Многие работы по изучению языка писателя, появлявшиеся у нас в последнее время, отразили ту теоретическую путаницу, которая царила в нашем языкознании. Их общим пороком было прежде всего то, что язык писателя понимался и изучался как отражение «классового языка» той социальной группы, к которой этот писатель принадлежал. «До появления трудов И. В. Сталина,— пишет акад. В. В. Виноградов,— советские филологи, считая как литературу, так и язык надстройкой, любили писать и говорить о дворянском языке Карамзина, Тургенева и даже Л. Толстого, о разночинско-городском, мелкобуржуазном языке Ф. Достоевского, о пролетарском языке Горького и т. п. Беспорядочно смешивались понятия языка и индивидуального стиля. В языке писателя случайно отыскивались иллюстрации его социально-классового отношения к явлениям изображаемой действительности или к идеологическому колориту ее изображения» [2].

«Перед советским языкознанием,— пишет акад В. В. Виноградов,— стоит важнейшая ответственная задача — раскрыть во всей глубине и определенности понятия языка, стиля языка и словесно-художественного стиля писателя (или литературного направления), точно определить, какими категориями следует руководствоваться при анализе стиля писателя

---

[1] Ср. приведенный акад. В. В. Виноградовым яркий пример отражения в языке писателя Б. Алмазова (70-е годы XIX в.) разговорной конструкции с прямым дополнением при безлично-предикативном слове (*голову больно*), еще не принятой в то время в качестве литературной нормы (см. акад. В. В. Виноградов, Значение работ товарища Сталина для развития советского языкознания. Доклад на Объединенной сессии Отделения литературы и языка АН СССР и Академии педагогических наук РСФСР, М., 1950, стр. 42—43).

[2] Акад. В. В. Виноградов, Значение работ товарища Сталина для развития советского языкознания, стр. 20—21.

как системы выражения мировоззрения, т. е. как надстроечного образования, и в чем, в каких средствах языка и их комбинациях выражаются эти идеологические устремления или замыслы художника» [3].

Что такое «язык писателя»? В определении этого термина прежде всего следует исходить из того, что языковой материал, которым пользуется писатель, неотделим от общенародного и общелитературного языка его эпохи. Ошибка многих работ по истории русского литературного языка заключалась в прямом или скрытом противопоставлении языка писателя языку «народному», «общенародному», «общему литературному», «общенациональному» и т. п.[4] Язык писателя часто рассматривался как замкнутая и изолированная система, так или иначе взаимодействующая с общим, «народным» языком, приближающаяся к нему или отдаляющаяся от него, черпающая из него те или другие «элементы», «особенности». Оценка языка писателя часто определялась степенью его «близости» к «народному» языку или «отдаленности» от него.

Между тем несомненно, что язык писателя нельзя искусственно отделять от общенародного языка, противопоставлять ему. Язык «...создан, как единый для общества и общий для всех членов общества общенародный язык» [5]. Общенародный язык, его структура, его словарный состав является достоянием всего народа. Используясь в многообразных сферах общественной жизни в своей основной, коммуникативной функции, этот язык образует сложную и разветвленную систему разновидностей — стилей общенародного языка. Сюда относятся все стили литературного языка — деловой, научный, публицистический, художественно-литературный, устно-разговорный,— сюда же относится просторечие и профессиональная речь. Чем богаче духовная, общественная жизнь народа, тем богаче система стилей общенародного языка, тем шире круг его стилистических разветвлений. Писатель располагает всей многообразной системой стилей общенародного языка, творчески отбирая и комбинируя общеязыковые средства, которые в разных стилях общенародного языка получают своеобразное функциональное использование и осмысление. В своей неопубликованной статье «Проблемы изучения языка писателя в Советскую эпоху», приведя слова Тургенева о том, что язык народа есть море, волны которого должны направляться писателем по определенному руслу, акад. В. В. Виноградов пишет: «Задача изучения языка писателя состоит в том, чтобы определить способы индивидуального использования этих народных языковых волн и законы стилистического построения или строя тех новых словесных произведений, которые с помощью этих волн создаются» [6]. В своей творческой работе над языком художественного произведения, в целях идейно-воспитательного и художественно-эстетического воздействия, в целях создания образа, писатель может выходить за пределы стилей общенародного языка: он может обращаться к террито-

---

[3] Акад. В. В. Виноградов, Значение работ товарища Сталина для развития советского языкознания, стр. 20.

[4] Так, например, в глубоко ошибочной по своим общим методологическим установкам статье Ю. Белаша «Слово — полководец человечьей силы» («Знамя», 1950, № 10) история русского литературного языка изображается как история периодического сближения или отдаления этого языка от языка общенародного. Отсюда формулировки вроде следующих: «В. Маяковский боролся за внедрение в поэзию общенационального языка, языка народа» (стр. 163); у Некрасова Ю. Белаш отмечает «народность его поэтического словаря, расширение этого словаря с целью приближения языка поэзии к общенациональному языку» (стр. 164) и т. п. (разрядка везде наша.— *Н. Ш.*)

[5] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 7.

[6] Акад. В. В. Виноградов, Проблемы изучения языка писателя в Советскую эпоху, стр. 75.

риальным диалектам, к жаргонам, к отдельным приемам индивидуального речетворчества.

Всякий подлинно народный писатель именно потому и входит в историю литературного языка, что он пишет на языке своего народа, совершенствуя, шлифуя и обрабатывая этот язык. Опираясь на систему общенародного языка в ее «обработанной мастерами» форме, т. е. в форме литературного языка, писатель в то же время производит постоянный и целенаправленный отбор языковых средств. Из всего многообразия стилей общенародного языка (а иногда и за его пределами — в диалектах), писатель отбирает такие слова, формы, конструкции, которые с наибольшей яркостью и полнотой способны передать мысль, образ, идею его произведения. С другой стороны, из всего многообразия устойчивого языкового богатства своего народа писатель отбирает также и то, что, возможно, ушло из современного употребления, но может быть использовано как выразительное средство, понятное носителям данного языка. Писатель пишет на общенародном языке своей эпохи в его наиболее обработанной форме — в форме литературного языка, и в этом смысле у писателя нет своего, особого языка, противопоставленного системе общенародного языка. Но писатель подходит к языку своего времени творчески: он производит тщательный отбор, отсеивание языковых средств из разных стилей общенародного языка. Этот отбор целиком обусловлен идейно-воспитательной и эстетически-изобразительной функцией языка художественной литературы. Язык есть тот материал, средствами которого писатель воплощает в образы свои идеи, свое мировоззрение. Поэтому чем выше мастерство писателя, чем удачнее отобраны им выразительные средства общенародного языка, тем ярче его образы, тем понятнее его идеи. Общая коммуникативная функция языка в художественной литературе осложнена воспитательной и изобразительной функциями, и в этом — специфика и своеобразие языка художественной литературы[7].

Язык писателя, таким образом, есть своеобразная творческая концентрация выразительных средств общенародного языка, подвергшихся специальной литературной обработке; это есть отражение общенародного языка эпохи, но такое отражение, в котором общие языковые средства отобраны и соединены индивидуально, соотношение их преломлено сквозь призму мировоззрения, мастерства, авторской задачи данного писателя. Язык писателя отражает общенародный язык в отдельном, частном его проявлении. Это отражение имеет специфические особенности. Во-первых, оно никогда не может быть исчерпывающе полным: в отдельном произведении художественной литературы не может отразиться, как в зеркале, вся сложная система общенародного языка во всем многообразии его устных и письменных разновидностей. Во-вторых, это отражение является индивидуализированным: общеязыковые средства здесь отобраны и использованы своеобразно, в соответствии с художественной задачей, содержанием произведения, общим мировоззрением автора, его индивидуальным вкусом.

Все сказанное выше подтверждает, что изучение языка писателя является научной проблемой первостепенной важности. Изучение языка писателя есть, по существу, изучение литературного языка его эпохи в одном из наиболее ярких и сложных его проявлений.

Когда И. В. Сталин называет язык крупнейшего русского писателя-классика как веху в истории развития русского языка, он непосредственно определяет этим отношение языка писателя к общенациональному и общелитературному языку его эпохи.

---

[7] См. В. В. Виноградов, Насущные задачи советского литературоведения, «Знамя», 1951, № 7.

«Со времени смерти Пушкина прошло свыше ста лет. За это время были ликвидированы в России феодальный строй, капиталистический строй и возник третий, социалистический строй. Стало быть, были ликвидированы два базиса с их надстройками и возник новый, социалистический базис с его новой надстройкой. Однако, если взять, например, русский язык, то он за этот большой промежуток времени не претерпел какой-либо ломки, и современный русский язык по своей структуре мало чем отличается от языка Пушкина» [8]. Язык Пушкина, следовательно, отразил в себе общее состояние, общий уровень развития русского языка его эпохи как результат многовекового развития языка русского народа. Язык Пушкина может служить материалом, источником для изучения норм литературного языка этого периода. Но язык Пушкина в то же время бесконечно своеобразен и неповторим. Это своеобразие и неповторимость достигается индивидуально-художественным использованием общеязыковых средств, их творческим переосмыслением, их новым поэтическим синтезом.

Как же определить понятие «индивидуального» в языке писателя? Это индивидуальное может быть двояко. Его характер определяется отношением языка писателя к системе стилей общенародного языка и к языковым средствам, находящимся за пределами этих стилей.

С одной стороны, индивидуальным в языке писателя может быть создание новых средств выражения — слов, их значений, реже — их форм. Опираясь на систему общенародного формо- и словообразования, художник слова может создавать, придумывать свои, новые, до него неизвестные слова и образовывать те или другие формы от слов, которые в общем употреблении этих форм не имеют; отталкиваясь от существующей системы значений слов, он может создавать новые значения, расширять уже имеющийся в языке круг семантических связей и отношений слов. Это — первый вид индивидуального. Он возможен по преимуществу в области словообразования, лексики, фразеологии и семантики.

Мы не говорим сейчас о речетворцах типа Хлебникова, у которых язык был почти сплошь искусственным, придуманным, совершенно непонятным, т. е. фактически был своеобразным «индивидуальным жаргоном». Значение их речетворчества хорошо определил А. И. Белецкий: «Бенедиктов, обращаясь к поэту, писал:

Чтоб выразить отчаянные муки,
Чтоб весь твой огонь в словах твоих изник,
Изобретай неслыханные звуки,
Выдумывай неведомый язык!

И выдумывал. Но его языковое новаторство, после критики Белинского, стало посмешищем, и термин «бенедиктовщина» долго оставался в литературном обиходе для обозначения дурного вкуса. Бенедиктовщина была и ушла, как позднее ушли в небытие изысканности Бальмонта, «парфюмерный блуд» и «чириканье» эгофутуристов и Игоря Северянина, словотворчество Хлебникова, глоссолалии Андрея Белого и всевозможные «деструкции» искусства украинских панфутуристов, русских и украинских конструктивистов, пропагандистов «литературы факта» и т. п. Все это оказалось преходящими жаргонами, кружковыми диалектами, накипью» [9].

Однако творческое создание новых средств языкового выражения характерно и для многих писателей-реалистов, язык которых близок

---

[8] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 9.

[9] А. И. Белецкий, Значение труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» для советского литературоведения, АН УССР, Киев, 1950, стр. 29—30.

и понятен народу. Именно их речетворчество должно стать предметом изучения. Между тем у нас сделано еще очень мало в области изучения языка писателя со стороны того нового, созданного самим писателем, что вошло в систему литературного языка. Известны слова, придуманные и внесенные в литературный язык Карамзиным, Достоевским, Салтыковым-Щедриным и рядом других писателей, а также отдельными деятелями русской литературы и просвещения XIX—XX вв. Однако область наших знаний ограничивается здесь, главным образом, словами, заново созданными по существующим словообразовательным образцам (*промышленность, общеполезный, достижимый, будущность, стушеваться, головотяп, пенкосниматель* и т. п.). Гораздо шире другая — и еще менее изученная — область словотворчества, связанная с расширением круга значений уже существующего слова (ср., например, словотворчество Радищева, наполнявшего новым, общественно-политическим содержанием слова бытовой речи и церковно-книжные архаизмы).

Несомненно, что слов и выражений, придуманных и пущенных в оборот отдельными писателями, в словарном составе русского литературного языка не мало[10]. Предстоит изучить общие внутренние закономерности и пути закрепления в системе литературной лексики таких слов и значений, которые представляют собой произведения индивидуального речетворчества. Эти неологизмы неоднородны. С одной стороны это слова, созданные как ответ писателя на назревшую в общелитературном языке потребность обозначения новых понятий. Именно такова была роль многих слов, придуманных Карамзиным; такие неологизмы могут остаться в словарном составе языка и даже войти в его основной словарный фонд. С другой стороны, индивидуальные неологизмы могут быть созданы писателем для передачи образа, с эстетической, художественной задачей. Созданные по живым законам словообразования, эти слова могут быть яркими, образными, запоминающимися; но в общую систему литературной лексики они входят с большими ограничениями. Так, например, неологизмы В. Маяковского, в большинстве своем очень удачные и созданные по общенародным словообразовательным моделям, не вошли в общий словарный состав нашего языка; слова вроде *прозаседавшиеся* вошли не в свободном употреблении, а как образы, как цитаты.

Когда крупный мастер придумывает новые слова и новые формы в соответствии с внутренними законами общенародного словообразования, то эти слова или входят в живую систему словоупотребления, или остаются в арсенале языка как непосредственное и яркое свидетельство творческих возможностей этого языка. Когда же тот или другой писатель начинает заниматься словотворчеством просто «для оригинальности», в противоречии с нормами общенародного словообразования, то такое словотворчество, не оправданное художественной задачей и внутренними законами языка, придумывание ради придумывания, превращается не в обогащение языка, а в его порчу, ломку.

Писатель, работающий над языком своих произведений, неизбежно приходит к отказу от такого искусственного словотворчества, засоряющего язык и делающего его непонятным. В этом отношении представляет интерес работа Ф. Гладкова над языком романа «Цемент». Сопоставляя издания этого романа 1927 и 1950 гг.[11], мы видим полное обновление его языка,

---

[10] См. по этому вопросу многочисленные статьи и заметки акад. В. В. Виноградова по истории русской литературной лексики.

[11] Ф. Гладков, Цемент, Собр. соч., т. II, «Земля и Фабрика», 1927 и Соч. в пяти томах, т. 1, ГИХЛ, М., 1950.

последовательное исключение искусственных новообразований, не существующих в литературном языке слов. Ср.:

1927 г.	1950 г.
Глеб прошел в секретариат. Там банная буторь: опять *толпёжная* очередь (VI, 1, 96).	Глеб прошел в секретариат. Там — опять очередь (VI, 1, 188).
Опять *скользом* через сознание шоркнула веревка, и опять — тяжелая рука мертвым телом навалилась на плечо (VIII, 2, 134)	Опять где-то рядом шоркнула веревка, и опять — тяжелая рука навалилась на плечо (VIII, 2, 220).
Увидел ли муку в ее глазах, горящих насквозь, или в нюркиных криках услышал невнятный укор, — *рваком* встал со стула (X, 2, 165).	Увидел ли он муку в ее глазах или в нюркиных криках услышал укор, — быстро встал со стула (X, 2, 242).

Другой — и важнейший вид «индивидуального» — это методы и приемы отбора языкового материала, его творческой обработки. Изучение «индивидуального» в этом плане представляет наибольшие трудности и наибольший интерес. Отбором, преимущественным использованием тех или других общенародных языковых средств определяется индивидуальное лицо писателя — мастера языка. «Деление языка на литературный и народный значит только то, что мы имеем, так сказать, сырой язык и обработанный мастерами» [12]. Это глубокое и верное определение соотношения языка общенародного и литературного заставляет особенно внимательно подойти к вопросу о том, что же понимать под этой обработкой, производимой мастерами.

Как результат многовековой коллективной работы мастеров слова над языковыми богатствами народа создавался и совершенствовался наш литературный язык. Сотни этих мастеров — больших и малых — вложили долю своего труда в общее дело его формирования, развития, обогащения. И литературный язык в целом, во всем многообразии и сложности своей структуры, вобрал в себя всю сумму индивидуальных умений своих создателей и сложился в единую и цельную систему. Но ведь каждый мастер, именно потому что он мастер, творец, художник, а не простой ремесленник, — имеет свой «стиль работы», свое лицо, свою творческую манеру. И характерная особенность всей системы литературного языка заключается в том, что в своих частных проявлениях, в отдельных своих ячейках и клеточках эта система сохраняет черты индивидуальной манеры мастера, его творческую «марку». Это особенно относится к языку писателей, творцов художественного слова.

Откуда черпает писатель свои языковые средства, из чего он отбирает? Он может отбирать выразительное, яркое из устаревшего, забытого языкового материала, из территориальных диалектов, редко — из жаргонов. Но основной его источник, его материал — это многообразные стили общенародного языка его эпохи. В выборе и обработке языковых средств из этого источника и проявляется индивидуальная языковая манера писателя. Сам этот выбор неоднороден, неоднородны и его результаты. С одной стороны, этот выбор может быть новаторским, определяющим

---

[12] М. Горький, О том, как я учился писать, сб. «О литературе», М., 1933, стр. 189.

собою дальнейшее развитие литературного языка на более или менее длительный период времени. Идя по этому пути, писатель относится к языку активно, «творит в языке». В чем заключается это творчество? Оно заключается в развитии и обогащении скрытых возможностей языка в соответствии с живыми тенденциями его развития, в привлечении в язык литературы ранее не использованных им общенародных языковых средств. Правильно определив пути развития общелитературного языка, поняв его нарождающиеся, может быть еще не обнаружившиеся для других возможности, писатель освобождает новое из-под спуда старого, иногда из-под спуда традиций письменного языка, развивает и разрабатывает это новое, активизирует его, показывает своим современникам заложенные в разных стилях языка возможности нового выражения. Сначала эти новые, уходящие своими корнями в общенародный язык средства выступают как «индивидуальное» в языке «нашедшего» их писателя. Но в дальнейшем они могут войти в литературную норму. Активное, творческое отношение писателя к живым процессам общенародного языка может обусловить закрепление «найденных» им языковых средств в литературном языке его эпохи; «открытые» и разработанные писателем слова, формы, конструкции могут надолго войти в нормы письменной речи и даже определить процессы ее дальнейшего стилистического развития. Именно такова была роль Пушкина в истории русского литературного языка. Гениально постигнув законы развития литературного языка своего народа, верно угадав пути его обновления в использовании богатейших средств живых стилей общенародного языка, Пушкин «творил в языке» не в противоречии, а в полном соответствии с его живыми тенденциями и внутренними законами. То новое, что ввел Пушкин в синтаксис, в лексику, в словоупотребление, было заложено в тех стилях общенародного языка, которые до этого или совсем не допускались в литературу, или допускались с большими органичениями. Пушкин открыл творческие возможности языка, развил и обработал их, сделал их общей литературной нормой и тем самым надолго предопределил пути дальнейшего развития литературного языка своего народа.

Но творческое обновление литературного языка может быть осуществлено только гениальным писателем, в соответствующий момент исторического развития этого языка. Обычно же художник слова производит отбор языковых средств из того, что уже вошло, закрепилось в системе литературной речи. Чем богаче язык, тем шире поле деятельности писателя, тем больше открывается перед ним возможностей творческого отбора. Многообразные средства словаря, способы синтаксических построений, вариации порядка слов используются разными писателями по-разному, по-разному служат для выражения мировоззрения писателя, его отношения к тому, что он описывает, его мастерства, умения, вкуса.

Писатель не механически сортирует языковой материал; отбирая, отсеивая, он в то же время обрабатывает, совершенствует, шлифует общелитературные средства языкового выражения. Его работа имеет две стороны: это и индивидуальное творчество и одновременно коллективное дело дальнейшего развития и обогащения общелитературного языка. Поэтому все мастера художественного слова своей коллективной работой постепенно и неуклонно обогащают и обновляют систему литературного языка в целом и, воздействуя на нее каждый по-своему, все вместе служат общему делу ее совершенствования.

Метод изучения второго вида индивидуального в языке писателя может быть только сравнительным: при сопоставлении сходных явлений в языке нескольких писателей выявляются способы и приемы индивидуально-творческого отбора и использования общеязыковых средств.

С изучением языка писателя неразрывно связано изучение его стиля. Вопрос о стиле писателя очень сложный, и разрешение его не может входить в задачу настоящей статьи. Общее указание на пути разрешения этого вопроса дано в статье акад. В. В. Виноградова «Проблемы изучения языка писателя в Советскую эпоху». Здесь развивается то понимание индивидуального стиля, которое в общих чертах было намечено автором еще в статье «О задачах стилистики» [13]. Под индивидуальным стилем писателя понимается «система эстетически-творческого подбора, осмысления и расположения разных речевых элементов», «индивидуальная система средств художественного выражения». Говоря об одном из возможных путей изучения индивидуального стиля писателя, акад. В. В. Виноградов пишет, что «стиль литературного произведения можно изучать, отправляясь от *понятий и категорий общей литературно-языковой системы, от ее элементов*, и вникая в приемы и методы их индивидуально-стилистического использования» [14].

Отбирая те или иные средства из сокровищницы общенародного языка или создавая новые слова и их значения, писатель одновременно производит комбинирование этих языковых средств, своеобразно сочетает их друг с другом. Отбирая, писатель в то же время подбирает, соединяет. Неповторимость индивидуальной манеры писателя-мастера заключается именно в творческом подборе, соединении избранных им слов, форм, конструкций т. е. в его стиле.

Выдвинутое акад. В. В. Виноградовым понимание индивидуального стиля как способов и приемов сочетаний разных языковых средств, как творческого метода их художественного использования и синтезирования является, несомненно, плодотворным. В связи с изучением стиля писателя в этом направлении встает целый ряд вопросов: какие языковые средства писатель соединяет в своем произведении; каким образом он их соединяет; каковы принципы подбора и соотношения этих языковых средств в системе авторского повествования; какие художественные задачи разрешаются путем этого соединения. Уже простой перечень этих вопросов говорит о том, что практически изучение языка писателя неотделимо от изучения его стиля. Было бы неправильно рассматривать работу писателя над языком и стилем как два изолированных процесса: сначала писатель отбирает то, из чего он будет строить здание своего произведения, а затем, отобрав, принимается сочетать и комбинировать отдельные языковые «куски». Выбор языковых средств и их подбор, соединение неотделимы друг от друга и представляют собой две стороны одного процесса. Поэтому, изучая язык писателя, т. е. описывая те средства общенародного языка, которые он избрал для своей творческой работы, мы сразу же ставим вопрос о том, как использовал писатель эти средства, как сочетал их друг с другом, воплощая свой художественно-идейный замысел, чего достиг он этим творческим, целенаправленным выбором и подбором. Какой бы вид индивидуального в языке писателя мы ни изучали, перед нами неизбежно встанут вопросы стиля. Но естественно, что с наибольшей широтой эти вопросы встают при изучении того, что мы назвали выше вторым видом индивидуального: ведь индивидуального речетворчества, «придумывания» в системе языка писателя очень часто нет совсем, а если и есть, то, как правило, оно занимает неизмеримо меньшее место по сравнению с творческим отбором и осмыслением общенародных языковых средств.

---

[13] В. В. Виноградов, О задачах стилистики (наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума), сб. «Русская речь», 1923, вып. 1.

[14] «Проблемы изучения языка писателя в Советскую эпоху», стр. 72.

II

Для иллюстрации такого творческого отбора и осмысления обратимся к анализу отдельных сторон языка и стиля некоторых современных прозаиков. Изучение различного использования некоторых сторон общелитературного языка на материале современной прозы облегчается тем, что в индивидуальном стиле передовых советских писателей не приходится искать отражения разных классовых мировоззрений, антагонистических идей. Их произведения объединены общим методом социалистического реализма, единым пафосом борьбы за построение коммунистического общества; у наших писателей общие друзья и общие враги. Однако этим не стираются индивидуальные особенности их языка и стиля: своеобразие художественной манеры писателя, индивидуальные приемы повествования, своя система образов, свой метод выявления авторского отношения и оценки обуславливают индивидуально-творческое использование многообразных сторон общенародного языка.

Не ставя перед собой задачи исчерпывающего описания языка и стиля какого-либо отдельного писателя, попытаемся дать сравнительную характеристику различного, своеобразного использования некоторых общелитературных языковых средств у разных авторов.

1) В современном литературном языке широко распространен идущий от начала XIX в. и впервые глубоко разработанный Пушкиным особый прием так называемой несобственно-прямой речи заключающийся в совмещении субъектных планов автора и героя. Речь ведется от лица автора, с соответствующим оформлением ее грамматической структуры; но общее содержание высказывания, его модальность, подбор лексики, словоупотребление, а также часто и временной план переносятся в субъектное «поле» речи и мышления героя. Несобственно-прямая речь есть явление, промежуточное между собственно языковыми категориями и стилистическим приемом. В общем плане повествования введение несобственно-прямой речи обязательно связано с изменением языковых средств: «перемещаясь» в субъектный план своего героя, автор приспосабливает всю совокупность синтаксических, лексических, иногда и собственно морфологических форм к речевой манере, к стилистическому «лицу» своего героя. Но в то же время несобственно-прямая речь потому и может быть выделена как особый прием, что она выявляется, обнаруживается лишь методом сочетания разных, иногда резко различных языковых средств, только в условиях «соседства». Здесь кончается отбор и начинается синтезирование, сочетание, подбор разных средств языка с определенной стилистической задачей.

Формы несобственно-прямой речи открывают широкие возможности сжатых «самохарактеристик», совмещения авторского повествования с субъективной, идущей от героя оценкой описываемых событий. Разные писатели по-разному, индивидуально используют существующие в языке формы несобственно-прямой речи, приемы ее сочетания с авторской речью и с прямой речью героев. Сопоставим употребление несобственно-прямой речи в некоторых произведениях К. Федина, В. Пановой, В. Некрасова и Б. Горбатова [15]. В языке В. Некрасова и В. Пановой несобственно-прямая речь представлена в ее простейших, наиболее типических и ясных формах. Автор максимально устраняется из субъективно-оце-

---

[15] К. Федин, Необыкновенное лето, Изд-во «Советский писатель», 1949. В. Панова, Спутники, Изд-во «Советский писатель», 1948. В. Некрасов, В окопах Сталинграда, ГИХЛ, 1948. Б. Горбатов, Непокоренные, «Библиотека „Огонька“», 1947. (В цитатах из художественных произведений курсив везде наш.— *Н. Ш*).

ночного плана повествования, уступая свое место герою; соответственно перемещается модальная окраска, формы времени, весь строй речи, лексика. Присутствие повествующего автора проявляется лишь в формах местоимений; стыки авторской и несобственно-прямой речи легко прощупываются, структура всего целого — ясная и несложная.

— Вот, знакомьтесь с вашим начальником поезда. Доктор Белов. Данилов взглянул на начальника: *плохонький. Росту невидного, личико худое. Начальник еще не успел переодеться в военное: брючки, ботиночки, ай-ай-ай! Что с ним, таким, делать?*

Вслух Данилов сказал, ободряя старичка: — Ничего, товарищ начальник, сработаемся. (В. Панова, Спутники, 1, I, 21).

Его мобилизовали. *Позвольте! У него слабое здоровье! Что ж, он будет служить в санитарном поезде. Но он не хирург. Он не умеет извлекать пули и накладывать гипс!... Это сделают другие; а он будет возить раненых и смотреть за ними в дороге, чтобы не болели, чтобы выздоравливали. И пусть не беспокоится — при надобности его научат и пули извлекать... Но он не хочет, чтобы его изувечили! Он боится бомб! Боится страданий!*

— Повоюй, Павлик, ничего; надо воевать,— бормотала мать, собирая его. (Там же, 1, III, 53).

Говорят еще несколько человек. Потом — я. За мной — Абросимов. Он краток. *Он считает, что баки можно было взять только массированной атакой. Вот и все. И он потребовал, чтобы эту атаку осуществили. Комбаты берегут людей, поэтому не любят атак. Баки можно было только атакой взять. И он не виноват, что люди недобросовестно к этому отнеслись, струсили...*

— Струсили?— раздается откуда-то из глубины трубы. (В. Некрасов, В окопах Сталинграда, II, 25, 242).

Такое построение несобственно-прямой речи связано с общей манерой повествования названных писателей — лаконичной, сжатой, избегающей развернутых описаний, авторских оценок, построенной на принципе максимальной «активности» героев.

Иной характер носит несобственно-прямая речь в повести Б. Горбатова «Непокоренные». Ее структура и формы здесь сложнее. Эта сложность преднамеренна; она обусловлена общим приподнятым, эпическим тоном повествования: оценивающий, выносящий общественный приговор автор неизменно сопровождает читателя. Поэтому в несобственно-прямой речи здесь резко сталкиваются субъектно-психологические и речевые планы автора и героя; соответственно имеет место намеренное, подчеркнутое совмещение стилистически противоположной лексики, словоупотребления, синтаксических конструкций. В несобственно-прямую речь вводятся ритмически организованные синтагмы, повторы, придающие всему построению торжественное, приподнятое звучание.

Семья и завод — вот чем была жизнь Тараса. Ничего больше не было. *Семья и завод. Что же осталось? Семья? Где они, сыны мои, мои подмастерья? Нет сынов. Одни бабы остались. «Сурьезный гарнизон». Завод? Где он, завод, цеха мои, мои ровесники? Нет завода. Развалины. Вороньи гнезда. Что же осталось? Одна вера осталась. Моими руками строилось, моими рушилось, моими и возродится. Немцы, как болезнь, как лихолетье, помучают и исчезнут. Это временное.* (Б. Горбатов, Непокоренные, 1, 2, 8).

Все можно залечить, восстановить, поправить,— думал он (Тарас), глядя на сведенное в больной гримаске лицо девочки. Война кончится, и *все раны зарубцуются, все заводы отстроятся, вся жизнь обновится.*

Но чем вылечить окровавленную, искалеченную, оскорбленную душу ребенка?

— Где же вы, сыновья мои? Где вы? (Там же, 1, 11, 29).

Характерно, что, преследуя ту же цель постоянного подчеркивания авторского отношения и общественной оценки, Б. Горбатов вносит черты своего авторского языка не только в несобственно-прямую речь, но и непосредственно во внутреннюю речь героя:

А сейчас впервые с ужасом подумал Тарас: «А что, как надолго?...» И тотчас же отбросил эту мысль. «Того быть не может!» Но она назойливо лезла в душу: «А что, как это навсегда? И завод задымит, как прежде? И, может, еще Гартман объявится или его наследники? И словно ничего не было, ни Клима, ни Пархоменко, ни Острой Могилы, *ни эшелонной войны восемнадцатого, ни голодной ярости двадцать первого, ни штурмовых ночей тридцать первого*». Он ходил по комнате, думая все об одном и том же. (Там же, 1, 2, 8).

Так создается своеобразное, «индивидуальное» соединение различных языковых средств, отличающее несобственно-прямую речь в произведениях Горбатова от аналогичных построений в языке В. Пановой и В. Некрасова.

В языке романа К. Федина «Необыкновенное лето» приемы построения несобственно-прямой речи еще более осложнены и индивидуализированы. Описывая того или другого героя,— главным образом это относится к героям отрицательным, но не только к ним,— Федин вводит в язык своего авторского повествования отдельные слова, обороты, реже — синтаксические конструкции, характерные для речи данного героя. Этим создается особый колорит повествования. Описываемые события, явления как бы преломляются сквозь призму восприятия героя, который выступает рядом с автором, как бы вместе с ним наблюдает и описывает. Применяемый Фединым метод введения лексики, специфической для языка героя, почти стирает грани между несобственно-прямой и авторской речью. Получается тонкое сплетение разных языковых средств — своеобразный и эффективный стилистический прием характеристики героя, его мышления, умственного кругозора, отношения к действительности. Это особенно ярко проявляется при описании одного из центральных отрицательных героев дилогии — Мешкова.

Дома его ожидала новость. Впрочем, он тоже ждал ее, и она, вдобавок ускоряла освобождение, которое отныне становилось его целью. Новость эта *восторгла* Мешкова *до просветления* именно потому, что освобождала его. (18, 310).

Вошел Меркурий Авдеевич в скит *при всей кротости духа*, с одним решением, давно и серьезно обдуманным, но теперь созревшим *до неколебимой твердости*. (18, 304).

На что ни взглянешь, все напоминает Валерию Ивановну. Кажется, она занимала *не великое место во многосуетном повседневье* Мешкова, а умерла — словно взяла с собой все. (5, 51).

Книга, которую он сейчас усердно штудировал, была самому ему несколько странной, как бы *соблазнительной*, потому что принадлежала перу *нерусского сочинителя*... Но, несмотря на *чужеземность* источника, он убеждал Меркурия Авдеевича не только тем, что был дозволен цензурою еще в *роковой* девятьсот пятый год (*понимала же цензура, что делала*), но и неоспоримым родством с тем духом православия, который, *повергая* Мешкова *в умиление, питал его ум пищею наидуховнейшей*. (5, 53—54).

Меркурий Авдеевич закрыл тетрадь и книгу. Утро начиналось для всех. Слышалось, как закашлял *табакур*-старик, как *взыграли* и начали кидаться сапогами студенты, потянуло керосинкой из комнаты Лизы, прогрохотал вниз по лестнице убежавший в пекарню за хлебом Витя, зазвенькало на улице ведро, подвешенное к бочке водовоза. *Из тьмы времен и неисповедимости господних путей* день трезво возвращал мысли к *заботам житейским*. (5, 56).

О Шубникове:

Виктор Семенович понял, что *попал, как мышь в таз*, и нельзя ждать, чтобы кто-нибудь *пособил выкарабкаться*. Наоборот, *под горячую руку* начальство не посчитается ни с чем. (24, 410).

О Парабукине:

Он. . трезво задумался над своим положением. Со смертью Ольги Ивановны его завод еще больше укоротился. Окажись сейчас Тихон Платонович без службы, *просто нечего будет положить на зуб*. То он был на руках у Ольги Ивановны, а то вдруг у него самого на руках осталось двое детей. (13, 201).

Об эпизодическом герое — священнике:

Когда с покойницей прощались, батюшка, глядя на ее расшитый гладью убор, спросил *горестно* и *сожалительно*:

— Платочек с ней пойдет? (13, 194).

Прием этот обычен в языке романа и употребляется в нем очень тонко и мастерски.

Таким образом, существующий в литературном языке особый прием несобственно-прямой речи разными писателями используется по-разному, в разных формах и проявлениях. Это своеобразие в употреблении создает одну из индивидуальных особенностей языка и стиля этих писателей.

2) В области построения предложения как простого, так и сложного в самых формах и преимущественном выборе конструкций также проявляются индивидуальные особенности языка писателя, его стилистических приемов. Из всего многообразия существующих типов предложений каждый писатель отбирает такие, которые наиболее соответствуют содержанию и общей направленности его произведения

В современном русском литературном языке, главным образом, в его устной форме, широко распространены так называемые присоединительные конструкции. Это — отражающие живое интонационное членение сложные построения, состоящие из нескольких «неполных» предложений, непосредственно примыкающих к первому, стержневому предложению, грамматически зависящих от него и представляющих собой как бы вынесенные в отдельные предложения, максимально обособленные синтагмы — главные или второстепенные члены первого предложения. Разные писатели по-разному используют эти конструкции и разрешают этим использованием разные стилистические задачи.

Язык романа В. Некрасова «В окопах Сталинграда» опирается на устную речь. Авторское повествование в значительной степени построено на конструктивных формах диалога; в нем звучат живые разговорные интонации. Поэтому основной массив синтаксических конструкций в языке романа — это конструкции устной речи. Мы почти не находим здесь грамматически сложных целых, периодов. Зато «присочинение», присоединение представлено здесь очень широко. Вот несколько характерных примеров:

Где-то высоко-высоко в небе тарахтит «кукурузник», ночной дозор. Над «Баррикадами» зажигаются «фонари». *Наши «фонари», не немецкие*. Некому уж у немцев зажигать их. *Да и незачем*. (II, 30, 264).

Приходят раненые. *Поодиночке, по-двое. Серые, запыленные, с безразличными, усталыми лицами.* (1, 17, 91).

На улицах люди с тюками, с тележками. *Бегут, спотыкаются.* С тележек все валится. Останавливаются, перекладывают. *Молча, без ругани, с расширенными, остановившимися глазами.* (1, 13, 69).

Ползу. *Все выше и выше.* Стараюсь не дышать. *Зачем — не знаю. Как будто кто-нибудь услышит мое дыхание.* (II, 10, 162) [16].

Постоянным употреблением таких построений, состоящих из структурно основного предложения и из нескольких «неполных», дополняющих друг друга и вместе создающих единое сложное целое, достигается большая напряженность и динамичность речи. Отдельные синтагмы, обособляясь интонационно, оформляясь на письме как самостоятельные предложения, подчеркиваются, сосредоточивают на себе внимание. Членя предложение на интонационно изолированные отрезки, автор заставляет читателя останавливаться на всех деталях событий и фиксировать их в своем сознании; употребление таких построений в наиболее напряженных местах повествования создает особый языковой стиль, характерную, «индивидуальную» особенность авторской речи, специфическую манеру описания: краткие, лаконичные, предельно сжатые построения хорошо подходят для правдивого, неприкрашенного, порой приближающегося к протокольному описания героических будней войны, для изобразительной передачи динамики явлений.

Если мы сопоставим употребление присоединительных конструкций у В. Некрасова с употреблением этих же конструкций у К. Федина, язык произведений которого сложными и многообразными нитями связан с традициями и стилистическими нормами классической литературы и опирается в основном на нормы письменной речи, то мы увидим, что К. Федин употребляет присоединительные конструкции преимущественно в прямой и несобственно-прямой речи героев, причем в речи экспрессивно окрашенной, напряженной, взволнованной:

Бросившись к двери, он (Извеков) отворил ее осторожно и сказал стриженой барышне очень тихо: — Доктора. *Сейчас же. Ко мне в кабинет.* (К. Федин, Необыкн. лето, 8, 108).

Меркурий Авдеевич зажмурился. Внезапный жар ожег его лицо. Он медленно перекрестился и все стоял, боясь разжать веки. Неужели он мог убить человека. *Любимого, может быть, человека дочери. Да все равно — какого человека. На улице. Ночью. Как вор.* С нами крестная сила! (Там же, 6, 70) [17].

3) Индивидуальные приемы отбора и комбинирования языковых средств ярко проявляются в построении и формах диалога. Диалог — одна из наиболее живых и эффективных форм непосредственной характеристики героя. В то же время в формах построения диалога обычно наглядно выявляется отношение писателя к нормам устной, звучащей речи: эта речь или может переноситься в диалог со всеми своими специфическими особен-

---

[16] Ср. один из примеров подобного членения в диалоге, свидетельствующий о непосредственной связи этих конструкций с разговорной речью: — Мины есть? — В одном только месте. *Против пушки с развороченным стволом. Чуть повыше..*— Много?— Не считал. Штук пять мы выкинули. *С усиками. Противотанковые, что ли, шрапнельные ...*— А фрицев много? — Черт их знает... Как будто не очень. В блиндажах сидят. *Патефон крутят. «Катюшу».* (II, 9, 159).

[17] Подобная разбивка предложения на максимально обособленные синтагмы имеет в языке и другую функцию: она применяется для придания речи «высокости», торжественной размеренности. Ср. в языке романа Б. Горбатова «Непокоренные»: Это не усталый больной солдат шел с фронта,— это шел строитель. *Жадный. Нетерпеливый.* II, 11, 85).

ностями и формами, или, подвергаясь соответствующей обработке, частично подчиняется нормам письменной литературной речи. Интересные материалы дает сравнительное изучение приемов построения диалогов в романах В. Некрасова и К. Федина.

У К. Федина основные диалоги часто построены по строгим и сложным законам сочетания самостоятельных частей и состоят из целого ряда развернутых и замкнутых реплик, снабженных авторскими ремарками. Синтаксическая структура этих реплик обычно является сложной. Ср., например, диалог Кирилла и Аночки во время их последней встречи перед отъездом Кирилла на фронт:

> —Я ведь ничего не требую, кроме того, чтобы не было так внезапно,— горько сказала она. Он протянул ей руки, она будто не заметила его немного виноватого движения.— Почему, почему всякий раз — в последнюю минуту? — Я думаю — так лучше.— Чтобы избежать лишнего часа, который можно пробыть вместе? — Чтобы не говорить о том, что понятно без слов.— Чтобы было больнее? — Чтобы боль была короче.— И тебе не кажется, что это жестоко? — Слишком часто жестокостью называют мужество. Зачем ты это повторяешь? Единственно, что сейчас нужно для твоего и моего счастья,— это мужество. (К. Федин, Необыкн. лето, 37, 683).

У В. Некрасова диалог всегда как бы перенесен в книгу в своем непосредственном, живом звучании, со всеми законами устной речи. Одной из характерных черт такого диалога является повторение в следующей реплике — утверждении или вопросе — последних слов собеседника. Этим создаются своеобразные скрепы, превращающие вопрос и ответ в единое целое:

> — *Красиво*, правда? — спрашивает Люся.— *Красиво*,— отвечаю я.— Вы *любите* так сидеть и смотреть? — *Люблю*.— Вы в Киеве тоже, вероятно, *сидели* с кем-нибудь на берегу Днепра вечером и *смотрели*?— *Сидели и смотрели*.— У вас там жена, в Киеве?— Нет, я не женат.— А с кем же вы *сидели*?— *С Люсей сидел*.— *С Люсей*? Как смешно — *тоже Люся*.— *Тоже Люся*. И она так же, как и вы, коротко подстригала волосы. На рояле, правда, не играла. (I, 11, 59).
>
> ...Газету, и то, вероятно, прочесть *не успевает*. Ты как *думаешь*, Керженцев, *успевает* или нет?— Не знаю. *Думаю*, все-таки *успевает*.— *Успевает, думаешь*? Ой, *думаю, не успевает*. (II, 19, 202, 203) [18].

Принятые писателем формы построения диалога обычно переносятся и в монологи героев. В романе В. Некрасова монолог строится как живое отражение звучащей речи, организованной по своим, отличным от письменных, литературным нормам. В качестве наиболее яркого образца рассмотрим обвинительную речь майора Бородина на суде чести (II, 25, 240—242). Монолог этот распадается на несколько частей, объединенных тема-

---

[18] Чрезвычайно характерно, что такая форма диалога, когда повторением последних слов предшествующей реплики создается непрерывающаяся связь частей, присуща речи непринужденной, дружественной, неофициальной. В официальной или эмоционально напряженной речи таких скреп нет, реплики собеседников как бы отталкиваются друг от друга, диалог складывается из синтаксически и лексически замкнутых, самостоятельных единиц. Это живое различие в построении диалогической речи В. Некрасов непосредственно переносит в язык своего романа. Ср. разговор Керженцева с Чумаком, настроенным по отношению к нему враждебно:

— Маскхалаты возьмете? — Нет.— Почему? У меня как раз четыре.— Не надо.— Водки дать? — Свою пьем. Чужую не любим.— Ну, как знаете.— Можете за наше здоровье выпить.— Спасибо.— Не стоит.

И они уходят к Карнаухову. (II, 9, 153).

тически, лексически и синтаксически. Каждая часть представляет собой грамматически организованное целое. Эта грамматическая и смысловая цельность создается, во-первых, упоминавшимся выше вычленением синтагм в самостоятельное предложение, во-вторых — сложными приемами повтора, отражающими постепенное развитие и осложнение мысли.

Первая часть монолога (условно назовем ее «О доверии»):

> *Нельзя* на войне *без доверия*, — говорит он, — *мало одной храбрости. И знаний мало.* Нужна еще и *вера. Вера в людей*, с которыми ты вместе воюешь. Без этого никак *нельзя.*

Эта первая, замкнутая часть монолога (характерно лексически и синтаксически общее начало и конец ее) вся построена на живом интонационном членении и на повторах, причем имеет место характерное повторение слова с дальнейшим раскрытием его содержания, отражающее постепенное развитие мысли: *вера... вера в людей...* и т. д.

Вторая часть монолога является конкретизацией, раскрытием первой части и тематически примыкает к ней. Перенесенные из устной речи методы связи — те же, что и в первой части:

> *С Абросимовым* мы прошли *большой путь. Большой боевой путь* — Орел, Касторная, Воронеж... Здесь вот уже сколько сидим... И я *верил* ему. Знал, что он молод, неопытен, может быть, на войне только учится, знал, что может ошибки делать, — кто из нас не ошибался, — *но верить — я ему верил. Нельзя не верить своему начальнику штаба...*

Так же, как и первая часть, этот отрезок с двух сторон замкнут словами одного общего значения (*Абросимов... начальник штаба*) и заключается безличной конструкцией с *нельзя*, начинающей весь монолог.

Третья часть монолога («Об ответственности и власти на войне»):

> — Я знаю, что сам виноват. За людей *отвечаю я*, а не начальник штаба. *И за эту операцию отвечаю я.* И когда комдив кричал сегодня на Абросимова, я знал, что это он и на меня кричит. *И* он прав. Не бывает *войны* без жертв. На это и *война.* Но то, что произошло во втором батальоне вчера, — *это уж не война. Это* истребление. Абросимов превысил свою власть. Он *отменил* мой приказ. *И отменил дважды.* Утром — по телефону, и потом сам, погнав людей в атаку.

Опускаем четвертую часть монолога, посвященную краткому описанию атаки и событий, с ней связанных, и приведем последнюю, заключительную часть («О приказе на войне»):

> — *Приказ* на войне свят. *Невыполнение приказа* — преступление. *И выполняется* всегда последнее *приказание. И люди его выполнили* и лежат сейчас перед нашими окопами. А Абросимов сидит здесь. Он *обманул* своего командира. Он превысил власть. *А люди погибли...* Всё. По-моему, достаточно.

Форме монолога, опирающейся на нормы устной речи, противостоит монолог, построенный по нормам речи ораторской, сближающейся с письменной. Вот, в качестве примера, обращенная к красноармейцам речь Извекова, сообщающего о победе под Воронежем. Несмотря на то, что эта речь несколько раз прерывается слушателями, она сохраняет общую структуру ораторского монолога, интонационную и синтаксическую цельность.

> — Товарищи! Только что получено по телеграфу известие о нашей огромной победе на Южном фронте. Под Воронежем красной

конницей товарища Буденного наголову разбиты два кавалерийских корпуса белых — Мамонтова и Шкуро! Воронеж освобожден! В руки наших войск попала масса трофеев. Белые бегут! Подробностей мы ждем с часу на час. В телеграмме сказано, что преследование продолжается. Мы бьем казаков Мамонтова, бьем добровольцев Шкуро. Это, товарищи, начало их конца. Деникин будет разбит. Деникинщина будет погребена навеки. Красная Армия выкопает ей бездонную могилу. Да здравствует славная советская конница рабочих и крестьян! (К. Федин, Необыкн. лето, 34, 621—622).

4) Те или другие средства отбираются писателем из общего языкового богатства в зависимости о тех задач, которые он ставит перед собой, в зависимости от общей направленности его произведения. И В. Некрасов и Б. Горбатов описывают события военных лет, но описывают их по-разному. В. Некрасов, хотя и ведет повествование от первого лица, избегает авторских оценок, развернутых описаний. В самых напряженных местах его повествования язык так же прост и неукрашен, как и в описании повседневных деталей военного быта. Искусство языка В. Некрасова — в его безыскусственности. Мы уже видели, что в области синтаксиса это проявляется в сжатости и лаконичности отбираемых автором конструкций; ему неизвестны развернутые периоды, построенные по законам высокой риторической речи. Б. Горбатов ведет все повествование в эпических, приподнятых, эмоционально окрашенных тонах. Негодующий, страдающий вместе с героями, оценивающий события автор постоянно сопровождает и направляет читателя. Приподнятым, ораторски-торжественным, эпическим тоном всего произведения объясняется излюбленный Б. Горбатовым прием бессоюзного построения сложных синтаксических единств, периодов, объединенных единоначатием, повторами слов и параллелизмом конструкций. Эти сложные целые обычно состоят из двух частей, разделенных интонационно-логическим переломом: нарастающее напряжение, которое передается конструктивно и лексически связанными друг с другом предложениями, прерывается резким противопоставлением, за которым следует новый подъем — вторая часть сложного целого, в свою очередь строго и стройно организованная.

Только немцы умеют мирные слова наполнить ужасом. *Только немцы умеют* все превратить в *застенок*. *Застенком, где пытали ребячьи души, была школа. Застенком, где немецкие врачи на русских раненых пробовали свои яды, была больница. Застенком был лагерь для военнопленных. Застенком были театр, церковь, улица.* ***Но*** в рабочем городе, где жил Тарас, *самым ужасным застенком* была биржа труда — первый этап невольничьего пути. *Сюда* никто не приходил по доброй воле. *Сюда* волокли схваченных в облаве, изловленных на улице, вытащенных из погребов и подвалов. *Еще час назад* у этих людей были *имя, семья, дом, надежды. Еще час назад* этот мальчик играл с товарищами, эта девочка прижималась к теплым коленям матери. Сейчас все будет кончено для них. *Вместо имени — бирка, вместо дома — вагон с решетками, вместо семьи — чужбина.* Только *надежда* остается у раба. *Надежда* и ненависть. (Б. Горбатов, Непокоренные, I, 9, 23).

Для них не было ни высокого неба, ни крылатых облаков в нем, ни зеленых верхушек деревьев. Клочок пыльной *дороги* впереди — вот и все. *И они проклинали дорогу.* Они ощущали *солнце* только затылком, немилосердное, *злое солнце,— и они проклинали солнце.* Их плечи дрожали и ежились под внезапными *дождями,— и они проклинали дожди.* Их окровавленные, стертые *руки* уже не могли

толкать тачку,— *и они проклинали руки.* ***Но*** того, кто был единственным виновником их горя, нельзя было *проклинать* вслух. *И они,* измученные дорогой и тачкой, *проклинали немцев каждым вздохом* усталой груди, *каждым плевком* обметанного зноем и пылью рта, *каждым стоном* ребенка. (II, 4, 43).

Редкая страница в романе Б. Горбатова не дает примеров подобных сложных построений, ритмически организованных, основанных на сочетании сходных по строению и связанных общей лексикой частей.

Как уже упоминалось, в языке романа В. Некрасова таких построений нет совсем. Сложные целые встречаются у него очень редко, имеют своеобразную форму и выполняют особую задачу. Со стороны своей формы и приемов сочетания частей сложное целое у В. Некрасова целиком опирается на устную речь. В нем нет ритмической организованности, сложного сцепления частей, параллелизма конструкций. Небольшое по объему, сложное целое объединяется средствами, почерпнутыми из диалогической речи. Это, во-первых, упоминавшееся выше вычленение интонационно обособленных синтагм в относительно самостоятельное «неполное» предложение и, во-вторых, также рассмотренный выше прием повтора, создающий лексическую и грамматическую спаянность частей. Эти построения являются у В. Некрасова своеобразным средством выражения скрытой, тяжело и напряженно работающей мысли. За таким сложным единством для читателя всегда возникает «второй план» мысли, не высказанное автором заключение, вытекающее из сжатого, «объективного» описания. Такова, например, роль сложного единства в описании отступления наших войск в первые дни войны:

У ворот *стоят* женщины — молчаливые, с вытянутыми вдоль тела грубыми тяжелыми руками. У каждого дома *стоят. Смотрят,* как мы проходим мимо. И дети *смотрят.* Никто не бежит за нами. Все *стоят и смотрят.* (В. Некрасов, В окопах Сталинграда, I, 4, 24).

Ср. также сложное целое, заключающее собой мысли автора о глубоком патриотизме, внутренней душевной силе и непоколебимости русского солдата:

Все зашевелились, загремели котелками. *И пошли. Пошли* медленным, тяжелым солдатским шагом. *Пошли* к тому неизвестному месту, которое на карте их командира отмечено, должно быть, красным крестиком. (I, 16, 85).

В языке романа К. Федина сложные синтаксические единства представлены чрезвычайно широко, но имеют совсем другой характер. Они являются прекрасной формой для сложного авторского анализа, многостороннего и детализированного описания психологического состояния героя. Поэтому периоды здесь построены по сложным нормам логизированной речи. Основным средством связи являются союзы и союзные слова и значения форм времени. Формы предложений внутри такого единства разнообразны и не повторяются; внешняя ритмическая организованность и лексико-синтаксические повторы отсутствуют.

В эту минуту он (Извеков) *отдавал себе ясный отчет, что* в охватившей Россию гражданской войне *событие где-то под Хвалынском обречено на безвестность* и затеряется в общей памяти, как затерялась Репьевка на карте земного шара. *Но* он так *отчетливо понимал, что это событие, обреченное на безвестность,* составляет неотъем-

лемую тысячную часть из той тысячи частей, из которой слагается история. И, рассуждая так, он одновременно *чувствовал, что ничтожное для подавляющего большинства людей событие в Репьевке* для него выражает сейчас неизмеримо много, как бы заменяя собою ход истории, и он не в силах во всей глубине уразуметь это событие, как не может сразу охватить взором все пространство, перед ним раскрывшееся с холма. (К. Федин, Необыкн. лето, 27, 456—457).

Роль лексики в таком сложном построении особая. Здесь нет повторений одних и тех же слов — ни с целью риторического единоначатия, ни с целью приближения всего построения к нормам устной речи. Автор, напротив, стремится разнообразить словарь. Однако связанность частей сложного построения часто создается средствами синонимии; близкие по значению слова появляются в начале каждой части (*отдавал себе ясный отчет..., отчетливо понимал..., чувствовал*) или внутри частей, осуществляя цельность и неделимость всего построения; вокруг общего слова часто выстраивается ряд однозначных определений (*событие где-то под Хвалынском обречено на безвестность..., это событие, обреченное на безвестность..., ничтожное для подавляющего большинства людей событие в Репьевке...*).

Такие сложные построения широко распространены в языке романа К. Федина. Там, где другой писатель, ориентирующийся на нормы устной речи и стремящийся к максимальной «активизации» героя, употребил бы несобственно-прямую речь, К. Федин дает развернутое, построенное по нормам книжной речи сложное целое. Ср. передачу «стремительно, с непонятной скоростью оборачивающихся» мыслей Ознобишина по поводу предстоящих ему хлопот за арестованного Мешкова:

«Ознобишин сам, не переставая, *думал* о Рагозине с того момента, как понял, с чем явился нежданный вестник. *Он понял* в тот момент, что немедленно должны начаться *хлопоты за Мешкова*, что эти *хлопоты* целиком падут на него, что они *опасны и, наверно, безнадежны*, что, однако, он не может уклониться от них, как бы они ни были *опасны и бессмысленны*, и обязан их взять на себя. *Он был испуган*, что событие отзовется на здоровье Лизы, еще совсем не окрепшем, и что тем более он должен будет действовать, чтобы поддерживать в ней надежду на хороший исход дела. *Но он был испуган* не меньше тем, что *хлопоты за Мешкова* могут получить в глазах властей вид хлопот за Полотенцева, если Мешков повинен в сообществе с Полотенцевым. *Он чувствовал* в то же время, что наступил час, когда он должен отплатить добром за добро, отблагодарить делом за ту заботу о нем, которую проявила Лиза и проявил Мешков, когда он попал в тюрьму. *Он чувствовал*, что благородство его призвано на проверку. Но он *отдавал себе ясный отчет* в своей беспомощности. *Он был уверен*, что в положении бывшего чиновника, заподозренного однажды в скрытии своего прошлого, немыслимо рассчитывать на снисходительность или внимание властей к его просьбам. И он заранее *убеждал себя*, что ничего хорошего из его *хлопот* получиться не может... (31, 557—558).

Казалось бы, что для передачи «стремительно проносящихся» мыслей форма несобственно-прямой речи была бы удобнее и легче, чем форма сложного синтаксического построения от лица автора. Однако такое построение помогает писателю глубже погрузиться в анализ переживаний и мыслей героя, дать не только их детальное описание, но и оценку.

* * *

Язык романов К. Федина, В. Некрасова, Б. Горбатова, В. Пановой — один, общий — русский литературный язык Советской эпохи. Но из этого языка каждый писатель отбирает то, что соответствует его теме, его авторским задачам, его художественным вкусам. Отобранные средства сочетаются, комбинируются также в соответствии с этими общими задачами произведения. Так создается «индивидуальное» в языке и стиле писателя. Мы привели отдельные примеры этого «индивидуального» из области несобственно-прямой речи, синтаксиса. Богатые и интересные материалы может дать изучение лексики писателя, его словоупотребления. По-разному отбираются, по-разному используются многообразные средства общенародного словаря. Так, например, словарь романа К. Федина отличается тем, что в нем значительно шире, чем у других, представлены разные стилистические пласты русской литературной лексики; словарь его насыщен, разнообразен. В области словоупотребления К. Федин дает интересные образцы новых сочетаний слов в новые, «индивидуальные» фразеологические единицы; слово расширяет возможности своего употребления, наполняется новым оттенком значения. В этом отношении особенный интерес представляет «разложение» устойчивого сочетания — использование внутри несвободного или обычно употребляемого сочетания редких слов на месте более распространенных, обычных слов—синонимов. Например: звоны *размолоченного пианино* (К. Федин, Необыкн. лето, 10, 131); ...все вокруг было *упитано солнцем* (16, 263); *разожженный воздух* (16, 263) и др. (Ср. в обычном употреблении: *разбитое пианино*, *раскаленный воздух*, *пронизано солнцем*).

В ряде случаев необычное, метафорическое употребление придает слову новый оттенок, расширяет область его собственно лексического и стилистического использования, раскрывает заложенные в слове скрытые возможности: «...конечно, он должен был думать о деньгах, особенно когда в избе *заворковал* их однозвучный *льстивый звон*» (28, 481); «медленно наполнял ни с чем несравнимый звук бездонные *мешки и карманы лесной чащи*» (27, 463); «...земля *каменела в сухотке*» (18, 302); «... он постоянно слышал *горклость* скучновато сложившейся *жизни*» (14, 209); «...в воздухе таяла *капель* падавших через отворенные окна *звуков*» (10, 130); «обломок молодого ствола вышиной по грудь нес на себе большую ветвь, простертую, точно человеческая рука, вбок и кверху и *страстно засыпанную листом*» (25, 435); «Он опять оглядел засыпанную *сытым листом* ветвь» (25, 436).

В языке романов Б. Горбатова, В. Некрасова, В. Пановой мы не находим примеров подобного словоупотребления. В уменье отобрать из общенародного яркое, красочное, выразительное, новое по своему употреблению и сочетанию друг с другом проявляется «индивидуальное» в языке писателя, в частности в его лексике и словоупотреблении.

Отбор языковых средств в отдельных случаях может производиться писателем не только из живой системы современного языка, но и из устаревшего, сейчас неупотребительного. Это имеет место главным образом в области лексики. Возможность «воскрешения» старого слова, ушедшего из словарного состава современного языка, знаменательна. Она свидетельствует об устойчивости общенародного словаря, об органической преемственной связи словарного состава современного литературного языка со словарным составом предшествующей эпохи. Это не значит, что народный язык представляет собой безбрежный «океан», единый на протяжении всех исторических эпох и периодов. Системы лексики постепенно меняются и сменяются; но устойчивость словаря обеспечивает понятность устарев-

шего, ушедшего из употребления слова и возможность использования его в определенных стилистических целях. Обычно, если устаревшие слова не привлекаются писателем для создания «колорита эпохи» (в этом случае роль их особая), они создают высокий стиль повествования. Так, например, описывая смотр Первой конной армии, К. Федин употребляет сложные, сейчас совершенно неупотребительные прилагательные *громокипящий*, *белокипенный*:

> Народ, в первый миг оглушенный низвергшимся обвалом лавины, вдруг ответил встречной волной криков, и все слилось в нераздельный *громокипящий стон*. (К. Федин, Необыкн. лето, 38, 699). ...Едва все это взгляд Кирилла выхватил из *белокипенной* клубящейся тучи, как уже эскадрон умелькнул далеко вправо. (Там же).

В общем широком контексте, изобилующем книжной и архаизированной лексикой, эти слова выполняют определенную стилистическую задачу, появление их не случайно.

Если устаревшие слова вводятся писателем в языковую ткань повествования безо всякого стилистического обоснования, в явном противоречии с общими языковыми средствами этого повествования, то такое употребление превращается в претенциозную игру архаизмами. Ср., например, стилистически неоправданное употребление устаревших союзов и союзных слов в языке романа А. Югова «Бессмертие» [19]:

> Андрей бережно положил забинтованную руку поверх одеяла и поднялся с колен, *дабы* проверить зрачки больного (II, 13, 98). Он жил здесь уже третьи сутки, высланный из тайги навстречу дражным машинам, *кои* со дня на день должны были прибыть на Стрелку и которых все еще не было. (1,6, 15).

Кроме устаревших слов, писатель может отбирать из общенародного языка и включать в язык своего произведения слова из профессиональной речи, из жаргонов, из территориальных диалектов.

На протяжении XVIII—XX вв. многие писатели — и крупные, и второстепенные — в большей или меньшей степени вносили в язык своих произведений слова и выражения из своих родных говоров. Очень многие из этих слов вошли в систему литературной лексики. В первые годы революции тенденция внесения диалектизмов в литературную речь особенно активизировалась. Ф. Панферов, Л. Сейфулина, Вс. Иванов, М. Колосов и многие другие писатели открыли диалектизмам широкий доступ в язык художественной литературы. Это вызвало резкое и справедливое осуждение со стороны М. Горького, боровшегося за чистоту и общепонятность литературного языка.

Общеизвестно, что под пером большого писателя-мастера прошедшие тщательный отбор диалектизмы делают язык художественного произведения ярким и красочным, придают ему ту «индивидуальность», о которой говорилось выше. Достаточно вспомнить в этой связи «Казаков» Л. Толстого, «Записки охотника» Тургенева, романы М. Шолохова. Если же местные диалектизмы внесены «без надобности» и без отбора, то они засоряют язык художественного произведения, делают его непонятным. Здесь следует вернуться к работе Ф. Гладкова над языком романа «Цемент». В первых изданиях романа диалектизмы часто «забивали» общелитературную лексику, мешали пониманию. В позднейшем переиздании автор освобождает язык своего романа от местных «речений». Вот некоторые характерные сопоставления:

---

[19] Изд. «Советский писатель», М., 1944.

Издание 1927 г.	Издание 1950 г.
У Глеба заскрежетало в *салазках* (II, 2, 43).	У Глеба заскрежетало в *челюстях* (II, 2, 145).
Всколыхнулись в очереди люди, *зашебутили* на Глеба (VI, 1, 96).	Люди заволновались и *заворчали* на Глеба (VI, 1, 188).
И когда подошел к нему Глеб, не *забулькотил*, как всегда, а твердо держал винтовку между носками *обуток* (XI, 1, 123).	Когда Глеб подошел к нему, он твердо держал винтовку (XI, 1, 253).
...Голова ее, отброшенная назад, развинченно *мотылялась* на плечах, как у слепой. Он робко позвал ее, и голос его глухо *бумкнул* в ночной пустоте коридора (XVI, 2, 281).	...голова ее, отброшенная назад, *моталась* на плечах, как у слепой. Он робко позвал ее, и голос его глухо *охнул* в ночной пустоте коридора (XVI, 2, 339).

* * *

Вопрос об общенародном и индивидуальном в языке писателя — вопрос сложный, интересный и малоизученный. Он ждет новых исследований в свете учения И. В. Сталина об общенародном характере языка. Эти исследования будут новыми и по своей методологии, и по своим материалам. Они покажут бесконечно разнообразные приемы и методы использования общенародного речевого богатства в языке каждого отдельного писателя и отдельного художественного произведения. Советским историкам литературного языка предстоит проделать большую работу по изучению и определению разных видов «индивидуального» в языке писателя, отношения этого «индивидуального» к общенародному и к общелитературному. По-новому встает сама проблема «язык писателя». Язык этот следует изучать не как изолированную, замкнутую систему, а как одно из проявлений общелитературного языка эпохи, отражающее современное состояние и пути развития этого языка в его индивидуально-творческом преломлении.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 2 1952

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Проф. А. Ф. Ефремов, **Язык Н. Г. Чернышевского,** Ученые записки Саратовского государственного педагогического института, вып. XIV, Саратов, 1951, стр. 380.

Изучение языка великих русских писателей — одна из актуальных задач советского языкознания. В статье «Нужен ли обязательный государственный язык?» В. И. Ленин, давая отповедь буржуазным либералам, пытавшимся прикрыть реакционное требование обязательного государственного языка фарисейскими похвалами русскому языку, писал: «Мы лучше вас знаем, что язык Тургенева, Толстого, Добролюбова, Чернышевского — велик и могуч»[1]. Таким образом, в общий ряд крупнейших мастеров слова, замечательно использовавших богатство и выразительную силу русского национального языка в своей борьбе за развитие передовой культуры русского народа и много сделавших для совершенствования русского языка, В. И. Ленин ставит и великого революционного демократа Н. Г. Чернышевского.

Революционная деятельность Чернышевского, его глубокий и оригинальный вклад в развитие материалистической философии и самых разнообразных областей научного знания, его философские, экономические, общественно-политические, этические, эстетические воззрения, идеи и образы его художественных произведений явились предметом серьезного изучения в советские годы. Наши представления о Чернышевском как о великом революционере-демократе и гениальном русском ученом значительно обогатились и углубились в ходе этого исследования, опирающегося на основополагающие высказывания Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Но в области изучения языка и стиля произведений Чернышевского сделано еще очень мало. В имеющихся работах отразилась теоретическая путаница, царившая в нашей науке до появления трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания, неразработанность многих коренных вопросов истории русского литературного языка, неумение многих наших языковедов и литературоведов правильно поставить и осветить вопросы словесно-художественного мастерства писателей, вообще недостаток в недавнем прошлом серьезного внимания к этим вопросам. Вот почему и в литературе о Чернышевском до сих пор отсутствовали работы, в которых было бы показано его стилистическое мастерство, особенности яркой и страстной его речи, были бы очерчены языковые средства, с помощью которых он всегда умел довести до сознания читателей свои передовые идеи, несмотря на многочисленные рогатки и препоны царской цензуры. Советская наука разоблачила попытки реакционной критики игнорировать языковое мастерство Чернышевского, представить его стиль как якобы небрежный, тяжеловесный, вялый, «семинарский». Но советский читатель до сих пор ожидает положительного описания и анализа достоинств словесно-художественного стиля Чернышевского, содержательной и разносторонней оценки его языковой манеры, его приемов использования и обработки речевого материала русского общенародного языка. В таких работах остро нуждается наша школа; они имеют существенное значение и при переводах работ Чернышевского на языки различных народов Советского Союза и стран народной демократии; это важно, наконец, для углубления и расширения наших общих представлений о Чернышевском — одном из величайших представителей русского народа, которыми по праву гордится наша страна.

Вполне понятен поэтому тот интерес, который вызвало к себе недавно появившееся большое исследование проф. А. Ф. Ефремова о языке Чернышевского. Но знакомство с этой книгой принесет читателю большое разочарование: в ней нет цельной и отчетливой характеристики языкового мастерства Чернышевского, определения типичных особенностей его художественной и публицистической речи.

В чем источник неудачи проф. Ефремова? Книга представляет собой издание его докторской диссертации, защищенной в 1945 г. Уже тогда, на диспуте, отмечались недостатки работы, которые требовалось устранить. С тех пор прошло более пяти лет.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 55.

Состояние кризиса и застоя в советском языкознании, вызванное господством марровского «учения» и аракчеевским режимом, установленным последователями и «учениками» Н. Я. Марра, сменилось небывалым оживлением и подъемом языковедческой работы в нашей стране в результате появления гениального труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». С большой энергией советские языковеды взялись за разработку многих важных научных вопросов в свете великих идей сталинского учения о языке. Что же сделал проф. Ефремов? Он поспешил издать свою работу, законченную пять лет назад, без сколько-нибудь серьезной переделки и переработки, с теми же существенными недостатками, которые сейчас, в новой обстановке, в условиях подъема теоретической работы по языкознанию, выступают особенно резко.

В настоящей рецензии мы постараемся ответить на вопрос, почему книгу проф. Ефремова нельзя, к сожалению, считать тем исследованием о языке Чернышевского, которого давно ожидает советский читатель.

Проблема языка писателя, вопросы соотношения языка и стиля художественной литературы и публицистики, места и методов их изучения в общем комплексе различных языковедческих и литературоведческих дисциплин являются сейчас наиболее острыми и актуальными [2]. До появления трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания в этой области изучения часто наблюдалось отожествление идейного содержания литературы с ее материалом, языком, «беспорядочное смешение, — по выражению акад. В. В. Виноградова,— языка и стиля». На этой почве легко прививалось немарксистское положение о языке как надстройке и о классовом характере языка. Следовательно, одной из важнейших задач советского языкознания является сейчас четкое разграничение языка и стиля литературных произведений. Выражения «язык Пушкина», «язык Тургенева», «язык Чернышевского» в известной степени условны. При этом имеются в виду прежде всего различные речевые проявления единого, общенародного русского языка. В языке наших великих писателей мы видим образцы применения структурных особенностей и свойств национального языка на определенном этапе его исторического развития, во всем их многообразии и внутренней целостности. Труды И. В. Сталина показали всю несостоятельность противопоставления языка Тургенева или Толстого языку Чернышевского как особых систем, отражающих во всех своих элементах различия классовой природы их творчества.

При исследовании языка писателя особенно важно показать, насколько глубоко, широко и разносторонне использовал он богатства общенародного языка, насколько чуток он был к его внутренним законам и свойствам, что́ внес он в общую сокровищницу родного языка. Понятно, что такое исследование должно носить исторический характер. Необходимо учитывать особенности общенародного языка эпохи, его отношения к литературной речи того времени.

Но это лишь один из методов изучения языка писателя. С ним переплетается, хотя и не вполне совпадает, другой важный план этого изучения. Писатель использует общенародный язык для того, чтобы с помощью его выразить свои идеи, свои художественные замыслы. Он не может быть безразличен к языку, он отбирает и выбирает из обилия форм языка те, которые нужны ему в данный момент, в данной ситуации для его целей. Понятно, что принципы отбора и выбора языковых средств у данного писателя могут зависеть от разных обстоятельств. Они определяются прежде всего определенной суммой идей, выражаемых в произведении, определенным строем и характером образов. В отборе и выборе писателем языковых средств находят отражение его общие эстетические и общественно-политические взгляды, его воззрения на роль и назначение его литературной деятельности. Поэтому нельзя правильно оценить отношение писателя к общенародному языку, к его различным формам и проявлениям, принципы выбора писателем выразительных средств языка без учета его мировоззрения и общего направления его творчества, нельзя не учитывать общей позиции писателя в классовой борьбе его времени, общественной роли его творчества. Вместе с тем нужно учитывать, что словесно-художественный стиль связан не только с определенными общественно-политическими, философскими и литературными направлениями, но и с личными склонностями и вкусами писателя, формирующимися под влиянием различных факторов, общих и частных, под влиянием определенных направлений в общественной мысли, среды, окружающей писателя, начиная с детских лет, непосредственных наблюдений над жизнью и раздумий над языком народа, определенного круга чтения и т. д. В этом смысле в стиле Чернышевского мы могли бы найти и общие черты, сближающие его с речевой манерой других революционных демократов 60-х гг.— Добролюбова, Салтыкова-Щедрина, Некрасова, Писарева,— и черты, характерные именно для *его* стиля, для *его* способа выражать

---

[2] См. доклад акад. В. В. Виноградова «Значение работ И. В. Сталина для развития советского языкознания». Сб. «Материалы Объединенной научной сессии Отд. лит. и яз. АН СССР и АПН РСФСР, посвященный трудам И. В. Сталина по языкознанию», М., 1951, стр. 57—59.

мысли. Важно отчетливо выделить то и другое в характеристике его публицистического и художественного стиля.

Стиль словесного выражения, тесно связанный с определенным использованием общего языка, вместе с тем представляет явление определенной эпохи в развитии литературы и литературной речи, он у всякого выдающегося писателя опирается и на достижения прошлого и на лучший опыт настоящего. Неправильным явилось бы абсолютное противопоставление стиля Чернышевского, при всей его индивидуальной специфике и характерности для революционно-демократической литературы, стилю других корифеев русской литературы, его современников.

Наконец, степень свободы выбора писателем форм общенародного языка может быть очень различна и зависит от возможностей самой системы языка. Она зависит от наличия синонимически разветвленных и сближенных средств выражения в языке, от языковых норм соответствующей эпохи. Широкие возможности для этого выбора открываются в словарном составе. Напротив, они ограничены в применении к основным структурным особенностям языка, к формам грамматического строя языка. В пределах самой грамматической структуры языка эти стилистические возможности, определяемые наличием синонимически соотносительных форм, гораздо более значительны в отношении синтаксиса, чем в отношении морфологии. Ясно, что исследование языка писателя в стилистическом плане может прежде всего опереться на наблюдения над словоупотреблением в его произведениях и отчасти на изучение синтаксических принципов построения его речи, конкретных особенностей строения и соотношения разных типов синтагм, предложений, периодов в общем контексте его речи. Напротив, при изучении роли писателя в общем движении и развитии языка существенным оказывается не только наблюдение над тем, какой вклад внесло его творчество в словарный состав языка и в какой мере оно способствовало выявлению и определению новых значений и стилистических функций отдельных слов, выражений, но и выяснение того, какое влияние имел его языковой опыт на закрепление, уточнение и дальнейшую шлифовку в литературной речи основных структурных особенностей общенародного языка.

В книге проф. Ефремова не определены отчетливо основные принципы его исследования языка Чернышевского. Отдельные общие выводы часто фигурируют в разных местах его работы, но они не собраны воедино, не сформулированы с необходимой ясностью и определенностью, а нередко и противоречат один другому.

Кроме краткого введения, книга содержит четыре главы (о синтаксических особенностях языка Чернышевского, о его морфологических особенностях, об основных характерных чертах фразеологии Чернышевского и о характерных чертах его лексики). Трудно понять причины именно такого расположения материала. Ставил ли автор перед собою цель дать стилистический анализ языка произведений Чернышевского или хотел определить отношение его речи к общенародному языку, охарактеризовать состояние русского литературного языка в 60-е гг. XIX в. на материале произведений Чернышевского и определить роль Чернышевского в развитии нашего литературного языка? Во всяком случае показательнее было бы начать с анализа словарного состава, как наиболее подвижного элемента в языке, с анализа словоупотребления писателя, в котором проявляются его стилистические устремления и особенности. Ведь различия между языком отдельных писателей в отношении словаря часто оказываются значительными. Употребляя одни и те же элементы основного словарного фонда, писатели отличаются один от другого широтой привлечения отдельных слоев словарного состава языка. Эти особенности мы можем наблюдать в использовании разнообразных элементов экспрессивной синонимики, в привлечении некоторых слов, не являющихся обычными в общем употреблении в литературе их времени, в создании некоторых новых слов на базе слов основного словарного фонда, наконец, в придании новых значений известным словам и в специфическом их осмыслении. Правда, автор заявляет, что «большим своеобразием в языке Чернышевского отличается синтаксис и морфология. Речь, конечно, идет не обо всей синтаксической и морфологической системе языка, тут же оговаривается он, т. е. не обо всем его грамматическом строе, а только о тех моментах, которые наиболее своеобразны и могут быть включены в его «лингвистический спектр» (10)[3]. Но такое впечатление создалось у автора работы скорее всего потому, что он с гораздо меньшей тщательностью проанализировал словарь Чернышевского, чем отдельные грамматические особенности, отраженные в языке его произведений. Во всяком случае, сам материал, приводимый в разделе морфологии, а отчасти и в разделе синтаксиса, свидетельствует о другом: здесь сравнительно немного таких черт, которые характерны только для Чернышевского и которые не являются общими для грамматики литературного языка того времени. Не так много здесь отличий и от норм языка нашего времени,— гораздо меньше, чем в словаре и фразеологии. Это и понятно, так как вытекает из учения И. В. Сталина о разных темпах изменения словарного состава и грамматического строя.

---

[3] Здесь и далее при цитатах из книги проф. Ефремова цифры в скобках указывают страницы рецензируемого издания.

В кратком введении автор не сделал какой-либо попытки определить методы своего исследования, учесть и критически пересмотреть опыт подобного рода исследований в русской лингвистике и в литературной критике в свете основополагающих трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания.

Мы не можем требовать от автора полного обзора всей истории изучения языка литературы и отдельных писателей, характеристики различных достижений и столь частых ошибок, заблуждений и исканий в этой области до недавнего времени,— это могло бы стать предметом специальной работы. Но наметить основные пути этой разработки, вскрыть наиболее типичные ошибки и заблуждения, имевшие место в прошлом, было крайне необходимо, это придало бы исследованию ясную целеустремленность. Кроме общих ссылок на работы акад. В. В. Виноградова и С. П. Обнорского, а также на давно устаревшую статью Л. П. Лобова, посвященную языку 50—60-х годов, мы не находим в этом введении ничего, что показало бы, как автор учитывает опыт предшествующей работы в данной области и каким путем намеревается идти сам. Правда, к этим вопросам автор вновь возвращается в начале четвертой главы. Но и здесь дана лишь беглая характеристика давно устаревших по своему методу и принципам работ В. Истомина о языке различных писателей XVIII и XIX вв. Автор считает необходимым полемизировать здесь с методом «сплошного статистического обследования словарного состава» (стр. 252 и сл.), выдвигавшимся отдельными учеными несколько лет назад. Но вряд ли подобная полемика актуальна, если учесть, что этот «метод», никогда не имевший под собой серьезной теоретической базы, не получил применения в нашей науке.

Во введении автор пытается кое-что сказать о целях своего исследования. Однако все это звучит очень неопределенно. «Изучение произведений Чернышевского в данной работе ограничено его языковыми особенностями, „лингвистическим спектром", чем определяются и вопросы связи(чего?— *Ю. С.*) с системой русского литературного языка той эпохи» (5). Что же подводится здесь под понятие «языковых особенностей» Чернышевского? Как далеко может простираться круг этих особенностей? Можно ли на основании их противопоставлять язык Чернышевского общему языку эпохи или речь идет лишь о различии стилистического употребления элементов общего языка Чернышевским и другими его современниками? Как связать и как разграничить стилистический анализ с собственно языковым? Как объединить исследование стиля Чернышевского, писателя определенного направления, с анализом общих черт и тенденций языка его эпохи? Что понимает автор под термином «лингвистический спектр», позаимствованным у Н. А. Морозова? Совокупность ли это форм языка, в такой комбинации, как у Чернышевского, не встречающихся (и не могущих составить такую комбинацию) у других писателей или это некоторые приемы характерной для писателя стилистической обработки языкового материала? По каким признакам устанавливается *характерное* для языка Чернышевского? На все эти законные вопросы мы не находим ясных ответов в работе проф. Ефремова. «Для более глубокого и детального изучения... привлекается не случайно бросившееся в глаза, а только характерное для него (Чернышевского.— *Ю. С.*), отобранное в результате предварительного «сплошного» обследования всего богатого наследия, и сопоставленное с языком его современников и предшественников» (5). Но читатель хочет заранее знать, надежны ли критерии отбора, однородны ли они, насколько удачен выбор современников и предшественников Чернышевского для данного сопоставления. Автор, однако, не раскрывает тех приемов, которыми он пользуется при определении «характерного» для Чернышевского. На стр. 253 автор возвращается к этому вопросу, но и тут его разъяснения не вносят ничего нового. Вот что он пишет по поводу выявления характерных черт лексики писателя: «не основная масса слов является характерной для данного произведения и для данного писателя, не она именно показывает специфику языка этого произведения, делает более ощутимой связь лексики с близкими и отдаленными традициями, с эпохой, когда жил и творил писатель, указывает на его языковую борьбу, на его языковое новаторство или консерватизм, на место писателя в истории развития литературного языка и его отношение к языковому окружению. Дело, конечно, не в «измах», а в характерном.

Вполне возможно, что в том или ином конкретном случае характерное будет обнаружено в общеупотребительной лексике русского литературного языка, а в «измах» его не будет. Характерное надо найти»[4].

Опять та же неопределенность. Но тут уже выступают и явные противоречия и несообразности. Было бы очень удобно, если бы представление о языке писателя можно было составить не по всей массе привлекаемых им слов, а по отдельным характерным, т. е. встречающимся только у него словам. Но ведь в таком случае «характерность» понимается скорее в бытовом, чем в строго научном смысле. Строго говоря, каждое слово, использованное писателем-мастером в его произведении, должно быть *характерно*, ибо оно привлечено и играет определенную роль в выражении именно данной

[4] Разрядка наша.— *Ю. С.*

мысли автора, его особых замыслов, идей и образов. «Проходные», пустые, бесцветные слова в выдающемся произведении подлинного художника отсутствуют.

Лишено логики утверждение автора, что именно особое, индивидуальное в лексике писателя «делает более ощутимой связь лексики с близкими и отдаленными традициями, с эпохой, когда жил и творил писатель». Писателя связывает с эпохой прежде всего та основная часть словаря, которой пользуется не только он, но и все общество его времени. А с близкими и отдаленными традициями связывает писателя не то, что случайно, индивидуально и преходяще, но то, что устойчиво и общенародно. Что касается места писателя в истории развития литературного языка, то оно, конечно, определяется не только ограниченным кругом излюбленных автором слов и выражений, но и общим отношением его к словарному составу родного языка, его общими успехами в литературной обработке отечественного слова.

Не определив точно ни основных методов исследования, ни связи и соотношения различных целей, которые он ставит перед собой при изучении языка Чернышевского, проф. Ефремов не смог выдержать единого плана в своем исследовании, он постоянно колеблется между различными целями и задачами. Отсутствие же теоретической ясности в вопросе о соотношении общенародного языка и стиля писателя приводит его подчас к ошибкам.

Эти ошибки ясно выступают уже в конце небольшого введения. «Можно утверждать,— пишет проф. Ефремов,— что вся его (Чернышевского.— *Ю. С.*) языковая система (разрядка наша.— *Ю. С.*) была враждебна тургеневскому стилю. Его позиция может быть квалифицирована как, прежде всего, антитургеневская» (6). Как объяснить появление после сталинских трудов по языкознанию утверждений, будто бы вся «языковая система» Чернышевского ставит его во враждебные отношения к Тургеневу? Автор работы механистически переносит известную полемику революционных демократов круга Чернышевского против либерализма Тургенева и других дворянских писателей в область языковых вопросов, он вольно или невольно отожествляет здесь мировоззрение писателя с его «языковой системой». Можно говорить о различиях в стиле произведений Тургенева и Чернышевского, определяемых в конечном счете разницей в их мировоззрении и определяющих различие в выборе и приемах использования ими отдельных языковых средств. Но даже и противопоставление стилистических приемов Тургенева и Чернышевского не может быть абсолютным. Разве можно утверждать, что стиль Тургенева-реалиста отражает его либерально-дворянские взгляды? Это было бы вульгарным социологизмом. Вот как упрощенно проф. Ефремов характеризует соотношение стиля и языка Тургенева и Чернышевского: «Тургенев отличался гладкостью слога; у него была, пожалуй, даже некоторая „гипертрофия литературности", а Чернышевский не был сторонником гладкости в языке... Тургенев был чуток ко всякого рода „неровностям" и „шероховатостям" в языке и почти не допускал отклонений от норм литературного языка... У Чернышевского же эти „неровности" и „шероховатости" не редкое явление» (8) [5]. Можно ли по этим, лишенным всякой конкретности, характеристикам внешних особенностей слога представить себе стиль двух великих русских писателей?

Насколько соответствуют действительности такие определения стиля Тургенева, показывает следующая фраза: «В его стиле нет ни одного резкого, грубого „социально-обидного" слова или сравнения» (7). Здесь можно было бы напомнить хотя бы беспощадную словесную характеристику Ратмирова в «Дыме», резкую, социально-обостренную речевую манеру Базарова и пр.[6]

Вместо того чтобы повторять слова о «грубости», «шероховатости», «нарочитой небрежности» стиля Чернышевского (хотя бы и ставя их в кавычки), автор должен был полнее и рельефнее, на живых, выразительных примерах, показать основные достоинства стиля Чернышевского, его умение найти простые, острые, точные, прямые, суровые и конкретные слова и выражения, чтобы довести до своих читателей революционные и материалистические идеи, его умение, которое так высоко ценил Ленин, проводить любую мысль через рогатки цензуры в формах его «эзопова языка».

---

[5] На стр. 46 также находим утверждение о «двух противоречивых языковых тенденциях» Тургенева и «антитургеневца» Чернышевского — к литературной гладкости и к шероховатости.

[6] Проф. Ефремов пишет: «Не только либералы Тургенев и Кавелин, с их плавной фразой и изысканным, гладким стилем были враждебны стилю Чернышевского, но и далекий от либерализма Л. Толстой с его шероховатым и грубоватым стилем, но и представитель официально-официозной публицистики Б. Чичерин с его корректным и сухо-деловым стилем» (374). Это уже не выдерживает никакой критики ни с историко-литературной, ни с языковедческой точки зрения. Автор ставит имена великих писателей в один ряд с именами ограниченных публицистов 60-х гг., смешивает внешние особенности слога с понятием художественного стиля, выдает поверхностно схваченные и субъективно поданные особенности слога за характеристику стиля писателей и на этом основании противопоставляет «языковую систему» Чернышевского языку Тургенева и Л. Толстого.

Первая глава книги наиболее обстоятельна и богата отдельными наблюдениями. Но и в ней резко обнаруживается разноплановость исследования и неопределенность методологических установок автора. В главе располагаются рядом совершенно различные синтаксические явления. Бегло говорится о том, что может быть отнесено к сфере стилистического синтаксиса (например, соотношение простых и сложных предложений в контексте речи Чернышевского, приемы употребления номинативных предложений, прием дробления, «парцелляции», по выражению проф. Ефремова, сложного предложения, различные виды сочетаний прямой речи с косвенной, авторской речи с речью диалогической, различные, часто очень своеобразные формы несобственно прямой речи, соотношение прямого и обратного порядка слов и т. д.),— т. е. затрагиваются вопросы использования различных синонимических возможностей синтаксиса в строении предложения и периода. Мимоходом затрагивается в этой главе и вопрос о семантико-стилистическом соотношении различных лексико-грамматических категорий в составе предложения (например, о месте и стилистическом назначении определительных слов). Значительная часть главы посвящена вместе с тем чисто грамматическому описанию различных видов словосочетаний (например, отдельных типов управления, предложного и беспредложного).

Все это придает главе характер явной пестроты. Для читателя остается непонятным, в каком отношении находятся эти разнородные факты, с одной стороны, к стилю Чернышевского, с другой — к русскому литературному языку его времени. Стремление охватить возможно большее количество явлений из различных разделов синтаксиса в рамках сравнительно небольшой главы приводит к тому, что ни одно из них не охарактеризовано сколько-нибудь исчерпывающим образом. И в этом разделе наблюдается смешение языковых и мировоззренческих категорий. Так, автор утверждает, будто грамматики того времени составлялись «применительно» к «дворянским лингвистическим вкусам» (11). Совершенно неправомерно автор толкует известное противопоставление Чернышевским своего романа «Что делать» и произведений Помяловского и Н. Успенского — «сочинениям прославленных наших писателей» (стр. 11—12) как противопоставление его по особенностям слога, языка. На самом деле, речь идет о противопоставлении мировоззренческом, о противопоставлении различных эстетических принципов, различных понятий о художественности. Заключая свои рассуждения о тенденции Чернышевского к усложнению синтаксических конструкций, проф. Ефремов полагает, что в этом «можно видеть, с одной стороны, проявление его „неподелимой склонности подробно анализировать и не менее подробно объяснять... почему так, а не иначе“, что вело к обстоятельно мотивированной фразе, к логизированию синтаксиса и отяжелению фразы, а с другой — отражение его сознательных стилистических вкусов» (16). Думаем, что первое достаточно объясняет указанную синтаксическую особенность произведений Чернышевского. Нет никаких оснований предполагать, что «сознательные стилистические вкусы» Чернышевского почему-то односторонне склонялись к сложным конструкциям. Тем более нет никаких оснований считать, что предпочтение сложных конструкций является одним из устоев демократической стилистики с ее антидворянской направленностью. Это противоречит очевидным фактам (ср., с одной стороны, склонность к отяжелению конструкции у Л. Толстого, а с другой стороны, «уравновешенную», легкую, ясно расчлененную структуру предложения и периода у Писарева и т. д.). Стиль писателя нельзя понять на основе отдельных выхваченных особенностей языка, вне связи с конкретным содержанием его произведений, вне соотношения различных избираемых им языковых средств в общем контексте произведения.

Касаясь применения Чернышевским «гиперболизирующих определителей», по терминологии проф. Ефремова, т. е. эмоционально-напряженных определений, автор не находит ничего лучшего, как ограничиться одной общей фразой: «У Чернышевского была страсть обо всем говорить в тоне высшего напряжения» (61) [7]. Здесь ярко выступает характерный для данной книги недостаток. Стилистический анализ предполагает не простое выделение той или иной языковой особенности, а определение ее функций в конкретных речевых контекстах, определение ее места и назначения в связи с выражением определенного содержания, в связи с другими языковыми элементами, составляющими данную речь. Между тем, именно к о н к р е т н о г о определения условий, в которых то или иное языковое явление становится с т и л и с т и ч е с к и необходимым, мы и не находим обычно в работе проф. Ефремова. Во всяком случае, попытка представить стиль Чернышевского как по преимуществу эмфатический, склонный к высшему напряжению, явно схематична.

В разделе о номинативных конструкциях автор дает интересные примеры довольно частого употребления разнообразных их типов в языке художественной прозы Чернышевского. Он указывает, что эти предложения не являются новостью в русской литературе, но что они особенно разнообразны и многочисленны именно в романах и

[7] Но ср. на стр. 375: «Конечно, нельзя утверждать, что у Чернышевского всегда проявлялась манера ведения речи в тоне высшего напряжения».

повестях Чернышевского. Однако, вместо того чтобы показать конкретные стилистические мотивы введения таких конструкций у Чернышевского, автор находит нужным противопоставить здесь язык Чернышевского языку дворянской литературы: «Большой бедностью или даже полным отсутствием номинативных конструкций и в авторской речи, и в речи персонажей отличаются сочинения всех дворянских писателей. А у Чернышевского в одном романе «Что делать» имеется до 60 номинативных конструкций в авторской речи, с разнообразием функций, а некоторые— с синтаксическим усложнением» (74). Что же делало эти конструкции, обычные для общенародного языка, неприемлемыми для дворянской литературы? Что же могло обусловить их «классовую» стилистическую направленность? Что скрывает за собой сам термин «дворянская литература» в этом случае? Покрывает ли он не только реакционно-дворянскую, но и передовую дворянскую литературу? Не только Греча, Сенковского, Клюшникова, Е. Маркова, но и Пушкина, Гоголя, Тургенева, Л. Толстого? Автор нам не разъясняет своих общих определений. Его сопоставления строятся на очень ограниченном материале, без учета конкретных стилистических условий, определяющих появление у того или иного писателя указанных конструкций. К небольшому списку подобных конструкций из произведений писателей 20—50-х гг. (при этом — дворянских писателей!), который дает проф. Ефремов, можно было бы еще прибавить не один пример из Пушкина, Грибоедова, Фета и других, самых различных по своему направлению писателей. Упрощенческий характер подобных противопоставлений и объяснений очевиден.

Переходя к обзору различных особенностей грамматической структуры словосочетания (стр. 79—118), автор переводит свое исследование в новую плоскость. До этого речь шла преимущественно об употреблении тех или других синтаксических конструкций в соответствии с определенными стилистическими замыслами Чернышевского. Теперь, говоря об общих структурных типах словосочетания, автор часто имеет в виду колебания Чернышевского в выборе того или другого из наличных в языке того времени типов словосочетания, в связи с известными колебаниями норм в самом грамматическом строе литературного языка того времени и часто независимо от конкретных стилистических намерений Чернышевского (ср. замечание на стр. 89—90). Автор полагает, что по ряду таких особенностей можно отметить у Чернышевского «большие отклонения от норм литературного языка нашего времени, а частично и от языковых норм 50—60-х гг.» (79). Однако это мнение следует признать сильно преувеличенным. Увлекшись подбором особенного в языке Чернышевского, автор склонен преувеличивать значение и размеры этого особенного. Затененным при этом оказывается важнейшее положение учения И. В. Сталина о том, что грамматический строй является продуктом ряда эпох, что он развивается медленно,— и что, следовательно, в основном грамматические нормы языка Чернышевского те же, что и в наше время.

Преувеличен в работе проф. Ефремова и удельный вес отклонений языка Чернышевского от грамматических норм языка 50—60-х гг. В большинстве случаев, как показывает сам материал, мы имеем дело с использованием одной из двух возможностей, представленных в самой системе языка того времени, с отражением в языке писателя колебаний в отдельных грамматических нормах, типичных для его эпохи. Это можно сказать и в отношении употребления именительного предикативного вместо творительного, и в отношении различных особенностей управления, отличных от наших норм (например, беспредложное управление у глаголов *надеяться*, *избавиться*, *удаляться* и пр.; ср. также постановку винительного или родительного падежа при глаголах с отрицанием, или такие словосочетания, как *играть на театре*, *касатья до чего*, *симпатизировать с чем* или *с кем* и т. д.). Подобные колебания мы можем в достаточной мере обнаружить и у других писателей 50—60-х гг. Иногда можно, конечно, отметить некоторое предпочтение, отдаваемое Чернышевским нормам, менее употребительным у других писателей. Но отсюда нельзя делать вывод о том, что это «дань ослабевшей и отмиравшей традиции» (104), что, например, оборот с *на* вместо *в* (*во*) — «пережиточное явление, имевшее корни в старинном языке» (107). Во всяком случае, автор противоречит самому себе (ср. стр. 89—90), когда утверждает, что в «языке Чернышевского и языковая архаика (речь идет о стилистически безразличных, устаревавших вариантах форм словосочетания.— *Ю. С.*) несет службу революции, как это было у Радищева и декабристов» (119).

Следует отметить отсутствие полной ясности в понимании проф. Ефремовым соотношения старого и нового в грамматическом строе языка. И. В. Сталин обращает наше внимание на постепенное и длительное накопление элементов нового качества в языке и постепенное отмирание элементов старого качества. Учитывая возможность сосуществования в системе языка в ходе его развития элементов нового качества с элементами старого качества, старой структуры, было бы неправильно в каждый данный момент относить элементы старого качества лишь к языковому прошлому, сохраняющемуся по традиции, лишь к явлениям «пережиточного порядка». Они — не раритеты, не постороннее системе языка; они живы и вступают в определенные внутренние соотношения с иными, более новыми явлениями в языковой структуре. Неправильно, например, утверждать, что управление глагола *удовлетворить* дательным падежом существитель-

ного, достаточно представленное еще в языке различных писателей 50—60-х годов, объясняется тем, что «все они следовали традиции XVIII в. и первой половины XIX в.» (99), что обороты с творительным падежом типа *обидеться таким спором* нужно «признать устаревшими, уцелевшими в языке Чернышевского под влиянием традиции, идущей от древнего времени» (103). Наличие у Чернышевского (как и у других писателей его времени) творительного причины (*умирать тоскою о свободе*) также не позволяет заключить, что это только «дань ослабевшей и отмиравшей традиции» (104). Ведь все это, вместе с тем, черты грамматической системы, современной Чернышевскому. Вообще необходима осмотрительность в применении по отношению к языку термина «традиция». Ведь наиболее «традиционным» в языке оказывается самое живое, самое постоянное, самое устойчивое, то, что ни с какой стороны нельзя рассматривать как «пережиток».

Характерен и следующий общий вывод, к которому приходит автор, рассмотрев отмеченные синтаксические особенности в языке произведений Чернышевского: «Сопоставления указанных выше особенностей в языке Чернышевского с языковыми данными его современников и предшественников показывают, что автор в языковом отношении был связан *как* с современной эпохой, *так* и с традициями» (118; подчеркнуто нами.— *Ю. С.*). И далее: «Его язык во многих случаях указывает даже на более крепкую связь с языковыми традициями, чем язык Толстого и Тургенева, и не только с ближайшими, идущими от Крылова, Пушкина и Лермонтова, но и с отдаленными, восходящими к XVIII в. и даже к началу нашей письменности» (там же). Противопоставление прошлой «традиции» современному употреблению в этом случае неуместно и лишено реального содержания; автор книги не может утверждать, что эти грамматические формы были невозможны в современном Чернышевскому языке, что он их специально позаимствовал из более древнего состояния языка. Здесь у автора невольно проскальзывает отожествление языка с культурой, где действительно такое разграничение традиций и новых явлений имеет основание. Не случайно все это рассуждение заканчивается следующей недостаточно определенной фразой: «Один из самых образованных людей своего времени, Чернышевский критически усвоил культуру, созданную предшествующими поколениями, в том числе и языковую» (118).

Стремясь поправить дело, в конце главы автор заявляет: «во всяком случае нельзя утверждать, что основа языка дворянина Тургенева и Л. Толстого, с одной стороны, и основа языка разночинца-демократа Чернышевского не одинаковы» (119). Он пишет также: «Все его (Чернышевского) синтаксические отклонения, отражая уходящие из общенационального языка явления, свидетельствуют о том, что язык, хотя и медленно, „совершенствует свой грамматический строй", на что указывает И. В. Сталин» (120). Но предшествующие рассуждения автора часто шли в другом плане. И потому эти объяснения, совершенно правильные, вступают в противоречие с предшествующим изложением.

Во второй главе рассматриваются различные морфологические особенности языка Чернышевского. Давая интересный материал для иллюстрации известных колебаний в отношении употребления отдельных грамматических форм в литературном языке середины и второй половины XIX в., автор и здесь не разделяет достаточно отчетливо того, что отвечало общим нормам языка (и их колебаниям) в данную эпоху, и того, что связано у Чернышевского с сознательным, обусловленным стилистическими задачами выбором определенного варианта формы. И здесь иногда встречаются упрощенные объяснения. Например, автор книги говорит, что частое употребление у Чернышевского книжных форм превосходной и сравнительной степеней прилагательных на *-ший* характеризует «автора, трибуна революции, с его боевым темпераментом и стилистическими вкусами, в его отношении к действительности» (129). Почему же? Неужели Чернышевский продолжал смотреть на эти формы сравнительной и превосходной степени с позиций стилистики XVIII в., как на особые аттрибуты высокого слога? Во всяком случае, этот вывод следовало бы подкрепить внимательным стилистическим разбором подходящих примеров. Следовало бы показать, что употребление этих форм было невозможно в эпоху Чернышевского для людей с иным мировоззрением, с иным отношением к действительности, а также объяснить, почему у Добролюбова, например, указанные формы не встречаются столь часто, как у Чернышевского.

Наблюдения автора над употреблением у Чернышевского отдельных грамматических форм или словообразовательных разрядов не всегда точны, потому что не всегда опираются на достаточно широкие сопоставления с языковым употреблением эпохи, когда жил писатель. Так, например, проф. Ефремов выделяет язык Чернышевского по преобладающему употреблению в нем форм существительных с отвлеченным значением на *-ие* (*-ние*), а не на *-ье* (*-нье*). Но, перечисляя формы на *-ние*, он указывает преимущественно на такие из них, которые были и сейчас являются господствующими в языке прозы (ср. *содержание*, *изумление*, *желание*, *участие* и т. п.). Из всего приводимого им списка только слово *счастие* употребляется теперь в иной форме; однако во времена Чернышевского вариант *счастие* был обычным в книжной практике. Не представляет ничего особенного в языке Чернышевского и употребление таких слов, как *защищение*, *отменение*, *запущение* и т. п. Эти формы были ходовыми не только

в первой половине XIX в., как пишет автор (стр. 166), но и в книжной речи 60-х гг. (даже у Писарева, не любившего некоторые книжные формы). Не являются также характерным только для языка Чернышевского и Салтыкова-Щедрина и формы существительных, образованных от глаголов совершенного вида (*пересаживание*, *обеление* и т. п.). Необоснованно считает проф. Ефремов архаическими в языке Чернышевского такие формы именительного падежа множественного числа существительных мужского рода, как *томы*, *адресы* (форма *адреса* закрепилась в употреблении лишь к концу XIX в.). Архаическими в языке Чернышевского он неправомерно считает и формы *тоны*, *паспорты*, *служители* (неясно, в каком значении?), *директоры*. Ведь от всех этих слов в 60-е гг. возможны были формы именительного падежа множественного числа на *-ы* и на *-а*; ни та, ни другая форма не являлась безусловной нормой; первые формы (на *-ы*) в книжной речи были даже предпочтительнее.

Проф. Ефремов видит какую-то стилистическую преднамеренность в употреблении Чернышевским слов с приставкой *не-*, «значение которой осознается в них» (151). И рядом с формами типа *непитие*, *невыдача*, *несмение*, *нежитие* дает такие обычные и нейтральные, как *невыгода*, *нелюбовь*, *непривычка* и даже *ненависть*.

Автору часто недостает историзма в характеристике отдельных грамматических форм, употребляемых Чернышевским. Выводы автора об их особой характерности для Чернышевского в этих случаях повисают в воздухе из-за отсутствия широкого сопоставительного фона, а при проверке не подтверждаются фактами. Не всегда ясно, что из особенностей, отмеченных автором, является особенностью лишь сравнительно с нашим современным употреблением и что противостоит обычному или еще привычному употреблению 60-х гг.

Две последние главы работы являются самыми неудачными. Если в первых главах, при отсутствии в них единого, точного метода исследования и при неправильности или недоказанности многих конкретных выводов, автор все-таки дает обильный и разнообразный материал, то в последних главах ко всем другим недочетам прибавляется и явный недостаток материала. Словарно-фразеологический состав произведений Чернышевского представлен случайными и разрозненными примерами. Проф. Ефремов *пытается даже в известной степени теоретически оправдать это меньшее свое внимание* к словарю Чернышевского: «С точки зрения автора, в языке Чернышевского грамматический спектр отличается большей четкостью и определенностью и дает более ощутимые и, так сказать, более осязательные критерии для установления авторства в отношении его различных безымянных работ. По сравнению с ними менее говорящими и убедительными являются данные лексико-фразеологического спектра» (184). Мы не знакомы с теми неопубликованными работами проф. Ефремова, в которых он, на основе определенного им «лингвистического спектра», устанавливает в отношении некоторых анонимных произведений авторство Чернышевского. Мы полагаем, однако, что на основе тех грамматических особенностей, которые выдвигает проф. Ефремов как важнейший элемент этого «спектра», было бы трудно это установление авторства провести и доказать. Судить о принадлежности тому или иному писателю той или иной работы по языковым ее особенностям можно, но для этого нужно опираться на глубокие и разносторонние сведения о стиле этого писателя. А в стиле любого писателя выбор слов и выражений и принципы их группировки и объединения в речи имеют важное, часто определяющее значение.

Нет необходимости подробно останавливаться на главе, посвященной фразеологии Чернышевского. Она лишена какого-либо теоретического стержня и содержит довольно ограниченные сведения об использовании Чернышевским отдельных народных пословиц и поговорок, литературных цитат, выражений иностранных источников и т. д. Конечно, основные понятия фразеологии еще мало раскрыты в нашей лингвистической литературе. Тем более надо пожалеть, что автор, готовя книгу к печати, прошел мимо теории русской фразеологии, изложенной в работах акад. В. В. Виноградова. Не ясны в этой главе самые принципы классификации фразеологического материала. Необычайно емким и неопределенным, например, оказывается у автора понятие поговорки, включившее в себя и такие просторечно-разговорные устойчивые *словосочетания*, как *повесить нос*, *водить за нос* и т. п. Непонятно, зачем понадобилось автору специально уделять внимание игрецкой фразеологии (вообще очень слабо и бледно представленной у Чернышевского), объединив ее при этом в одном разделе с устойчивыми оборотами сказочно-песенного происхождения. В этой же главе говорится и о некоторых характерных приемах объединения слов, создающих в речи Чернышевского известные смысловые и стилистические группы. Без сомнения, приемы использования в стиле Чернышевского устойчивых выражений общенародного языка и принципы тесной семантико-стилистической спайки слов в контексте его речи — вещи не равновеликие и не однородные. Каждая из них достойна быть предметом специального анализа.

На недостатках лексикологической главы книги следует остановиться несколько подробнее. Понятно, что перед исследователем словаря Чернышевского стояли очень трудные задачи — и потому, что словарный состав у Чернышевского, по верному замечанию проф. Ефремова, «поражает широтой диапа-

зона», и вследствие наразработанности многих лексикологических проблем. Нельзя требовать от проф. Ефремова, в работе которого обзор и анализ лексики Чернышевского составляет лишь небольшую часть, чтобы он дал исчерпывающее ее описание. Но нужно было, во всяком случае, выделить наиболее существенные для понимания работ Чернышевского элементы лексики и исследовать их более обстоятельно. Несомненно, например, особый интерес представляет в данном случае лексика науччо-философская, общественно-политическая и социально-экономическая. Ограниченная по своему объему, эта лексика является показательной и важной для Чернышевского — великого революционера, критика, философа и экономиста. Между тем, раздел, посвященный проф. Ефремовым анализу указанной лексики, чрезвычайно скуден и мало содержателен. Его сведения из истории отдельных слов, на фоне которой нужно было раскрыть место Чернышевского в процессе формирования этой терминологии, не отличаются ни полнотой, ни точностью. Проф. Ефремов подвергает разбору употребление лишь шести слов: *патриотизм*, *публицист*, *пролетарий*, *справедливость*, *польза* и *добро* (последние три — в связи с теми философскими понятиями, которые связывает с этими словами Чернышевский). Здесь мы ожидали бы видеть разбор и других слов, в определении терминологических значений которых на русской почве Чернышевский сыграл значительную роль: *буржуазия*, *капитал*, *труд*, *либерал* и *либерализм*, *нация* и др. Чрезвычайно интересный материал дал бы анализ тех особых значений, которые приобретали в революционно-демократической публицистике 60-х гг. такие слова, как *авторитет*, *метафизика*, *охранитель*, *отрицание* и пр. Для понимания текстов Чернышевского очень важно также изучение особых скрытых, «эзоповских» смыслов, которые у него, так же как и у других революционно-демократических писателей, вкладывались в слова и словосочетания с самым общим значением, например, *дело*, *свежий*, *честный*, *мыслящий*, *реальный*, *новые люди*, *свистеть* и т. п. Но всего этого нет в работе проф. Ефремова. Не находим мы здесь и попытки установить в языке Чернышевского синонимические ряды слов, выражающих различные оттенки одних и тех же, важных для публицистики Чернышевского понятий.

Есть здесь и отдельные неточности и ошибки. Так, проф. Ефремов полагает, что слова *патриотизм* еще не было в XVIII в., что вместо него даже в первой половине XIX в. употребляли слово *отечестволюбие* или словосочетание *любовь к отечеству*. Но слово *патриотизм* встречается еще в статье Карамзина «О любви к отечеству»; в письмах Суворова за 1791 г. встречаем другой, устаревший вариант этого слова — *патриотство*.

Весьма неопределенны те семантические этюды, которые дает в этой главе проф. Ефремов. Особенно часто смешивает он значение слова с понятием, общее значение слова с его особым осмыслением у отдельных лиц или в отдельных направлениях. Смешение значений слов с понятиями находим в замечаниях по поводу слов *справедливость*, *польза* и *добро* (стр. 261—262). Автор смешивает значение слова с разными дополнительными оттенками, вносимыми контекстом (например, при анализе значений прилагательного *простой*).

Уделив мало места анализу лексики, имеющей существенное значение в публицистике Чернышевского и требующей своего исторического истолкования, автор довольно подробно говорит о славянизмах, об устаревших и иностранных словах у Чернышевского. У читателя опять может создаться впечатление, что славянизмы, иностранные и устаревшие слова занимают очень большое место в словаре Чернышевского. На самом деле, многие слова, которые автор считает архаическими раритетами, поддерживаемыми Чернышевским, еще имели распространение в книжном языке его времени (ср. *почитать* = считать или *худо* = плохо и др.). Нельзя согласиться и с выводом автора, о том, что у Чернышевского имеет место «обилие иностранных слов» (326). Это можно утверждать только в том случае, если подходить к данным словам с отвлеченно-этимологической точки зрения. Ведь бо́льшая часть этих «иностранных» слов относилась к числу слов, общеупотребительных в эпоху Чернышевского, а употребление значительной части их было вызвано самим содержанием статей Чернышевского, столь часто затрагивающих события истории и явления быта других народов, вопросы международной политики и т. п. Весь этот раздел об иностранных словах отличается противоречивыми формулировками и представляет собой своеобразное «оправдание» якобы очень частого употребления иностранных слов у Чернышевского. Сравнительно с описанием иностранных слов в языке Чернышевского (около 40 страниц) гораздо меньшее место занимает раздел, посвященный употреблению разговорной и просторечной лексики (22 страницы), хотя разнообразное использование этой экспрессивной лексики живого общенародного языка составляет важную черту стиля Чернышевского. Нельзя не отметить и устарелость принятой здесь автором терминологии. Так, например, говоря о «демократизации литературного языка», автор пишет: «в языке Чернышевского слой *народной* лексики невелик» (349). Это свидетельствует о том, насколько легкомысленно отнесся автор книги к ее содержанию и общим формулировкам, издавая ее в неисправленном виде после появления трудов И. В. Сталина по языкознанию. В этом разделе мы не находим никаких общих соображений автора о том, по каким признакам он относит то или иное

слово к разговорной или просторечной лексике. Так, к разговорному просторечию в современном нам употреблении, без всяких на то оснований, отнесены такие слова, как *поутру*, *занемочь*, *сухощавый* и т. д. (стр. 362—363).

Мы указали на важнейшие общие и некоторые частные ошибки проф. Ефремова в работе о языке Чернышевского. Конечно, нельзя не отметить и известных достоинств работы: она является результатом длительного труда и в ней (особенно в главах по синтаксису и морфологии) приведен большой материал из произведений Чернышевского, никем другим не собранный и не описанный. Имеются в работе верные и ценные замечания и наблюдения.

Однако в целом работа уже не может теперь удовлетворить читателя. Она далека от тех требований, которые поставлены перед советскими лингвистами трудами И. В. Сталина по вопросам языкознания. Она не дает ясной и полной картины того, что представляет собой стиль Чернышевского. Она не определяет той роли, которую Чернышевский сыграл в совершенствовании и обогащении нашего литературного языка, в развитии языка публицистики, в развитии и уточнении научно-философской и общественно-политической терминологии. Рассеяв свое внимание по разным направлениям, автор не смог дать правильной характеристики языкового мастерства и выдающихся особенностей языка произведений Чернышевского.

Мы не склонны винить автора за то, что он не смог в условиях теоретической неразберихи, порожденной засилием марровского «учения» о языке, самостоятельно найти правильный выход при решении трудной задачи и отразил в своей книге некоторые теоретические ошибки, характерные для недавнего прошлого. Мы только потому так строго судим об этой неудачной книге, что автор поспешил ее опубликовать, сохранив почти все старые недостатки, тогда как он должен был основательно ее переработать и улучшить. Автор не положил в основу своей работы руководящих идей сталинского учения о языке. В спешке он ограничился только формальным цитированием некоторых мест из труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». В результате появилась книга, которая устарела еще до своего выхода в свет и никак не может удовлетворить интереса советского читателя к языку и стилю Чернышевского[8]. Задачей автора является коренная переработка его книги в свете основных положений сталинского учения о языке. Использовав собранные им материалы, автор может дать советскому читателю интересное, полноценное и методологически правильное исследование о языке Чернышевского. В ходе этой переработки автор должен, по нашему мнению, не только исключить отдельные неточные, ошибочные или двусмысленные формулировки, отдельные неудачные или непоказательные примеры и т. д., но и существенно изменить общий план книги, порядок изложения отдельных тем, четко разграничить различные аспекты исследования и дополнить свое изложение необходимыми новыми материалами. Общая задача, которую автор должен поставить перед собой,— отчетливо и строго определить основные цели и направление своего исследования языка Чернышевского, разграничить сферы исследования и показать специфику историко-лингвистического и собственно стилистического его изучения. В ходе общего историко-лингвистического исследования автор должен дать более полный и разносторонний обзор особенностей языка Чернышевского на фоне состояния общенародного языка его эпохи, с точным учетом норм, характерных для литературной речи этого времени, и общего соотношения различных стилей литературной речи.

Важнейшим при этом является вопрос о том, что́ использовал писатель из всего разнообразия наличных форм общенародного языка; как отразилось в языке его произведений общее состояние литературного языка его времени, его устойчивые и колеблющиеся или недостаточно установившиеся нормы; что́ внес писатель нового в литературный язык, использовав структурные возможности общенародного языка и различные стилистические возможности литературный речи, и в каких отношениях его языковой опыт оказался поучительным и влиятельным в общем движении и развитии литературного языка; наконец, каковы были источники того нового, что внес писатель в общую систему литературного языка. В этом плане должны быть существенно расширены разделы лексики и фразеологии. Словарь Чернышевского весьма богат; нужно показать это его разнообразие и богатство, выделив то, что, будучи показательным для Чернышевского, вместе с тем оказалось важным и в ходе развития словарного состава литературного языка и его основных стилей. В этом смысле гораздо более обстоятельного исследования, чем это дано в книге проф. Ефремова, заслуживает использование в художественных и публицистических произведениях Чернышевского разнообразной экспрессивной синонимики, восходящей к бытовой разговорной речи. Надо на убедительных примерах показать, как Чернышевский, следуя по пути, проложенному Белинским, делает язык публицистики простым, доступным, энергичным и определенным, своеобразно и ярко применяет слова и выражения разговорно-просторечного характера. Еще более углубленного изучения заслуживает общественно-

---

[8] Нельзя не отметить и множества незамеченных опечаток в книге, особенно в ссылках на цитируемую литературу.

политическая и научно-философская терминология Чернышевского, характеристика его роли в развитии этой терминологии, в выработке точного «языка понятий». Скудные замечания, данные по этой части в работе А. Ф. Ефремова, должны быть углублены, дополнены и расширены. Современный читатель нуждается в точном филологическом комментарии к определенному кругу терминов, употребляемых Чернышевским не всегда в тех значениях, которые закрепились за ними в наше время. Нужно отчетливо показать, как отражаются у Чернышевского изменения в словарном составе, падающие на эпоху 50—80-х годов XIX в.: появление новых слов, вызванных к жизни развитием производства, общественно-политических отношений, культуры и науки (отчасти затем вошедших и в основной словарный фонд); развитие в связи с этим некоторых новых словообразовательных типов; закрепление за известными словами новых значений, часто очень существенных и в некоторых случаях оттеснивших на второй план их старые значения; развитие на основе прочных смысловых объединений слов в речи новых фразеологических единств и т. п. Показать характерные группы и типические примеры новой фразеологии, популярной в произведениях демократической литературы этого времени,— одна из существенных задач такого исследования.

В описании грамматических особенностей языка произведений Чернышевского и, в особенности, синтаксиса (вопросы соотношения различных типов словосочетаний, различных видов предложений и периодов, синтактических обособлений, порядка слов и т. д.) надо показать роль Чернышевского в совершенствовании грамматических правил русского литературного языка на фоне присущих тогда литературной речи отдельных колебаний и противоречий.

Как при изучении словарного состава, так и при изучении грамматики языка произведений Чернышевского, важнейшей задачей является точное определение соотношения старого и нового, устойчивого и подвижного или колеблющегося, отчетливое выделение, во-первых, того, что совпадает с основными структурными особенностями общенародного языка, является в нем устойчивым; во-вторых, того, что отделяет язык Чернышевского, как и вообще литературный язык его эпохи, от языковых норм нашего времени; в-третьих, того, что составляет особенность языка Чернышевского, его отношения к известным (не всегда достаточно единообразным и определенным) нормам языкового употребления его времени.

Понятно, что выполнение этой задачи предполагает привлечение более широкого материала для сопоставления, материала, извлеченного не только из грамматик и словарей того времени, но прежде всего из произведений различных жанров литературы, писателей различных направлений и с различными художественными индивидуальностями. Только идя по этому пути, давая подлинно историческую оценку фактов, можно избежать досадных ошибок, неточностей, пропусков или преувеличений.

При выборе, группировке и анализе языковых фактов в ходе исследования необходимо разграничить и выделить в языке писателя факты существенные и эпизодические, в известной степени случайные. Необходимо всегда иметь в виду особые условия контекста, обращения к определенным специальным темам, и специфические стилистические задачи, которые делают необходимым употребление тех или иных форм, слов и выражений.

Что касается изучения языка писателя в связи с характеристикой его стиля во всем его многообразии, то здесь основной задачей является установление конкретных принципов и условий выбора языковых средств, определение того, чем продиктовано применение в данном контексте тех или иных форм языка, какую функцию они несут в общем развитии повествования, выяснение приемов их объединения в контексте и их расположения в ходе раскрытия темы. Понятно, что задачи такого анализа более сложны и многообразны. Необходимым условием его является учет жанрового и тематического своеобразия произведения, его идейно-художественной основы, структуры его художественных образов, соотношения авторского изложения и диалога, приемов индивидуализации и типизации персонажей, композиционного соотношения отдельных частей произведения и т. д. Автор исследования о языке Чернышевского, повидимому, не ставил своей целью дать развернутую характеристику стиля Чернышевского. Этого мы и не вправе от него требовать, поскольку и задачи изучения роли писателя в общем развитии литературного языка достаточно сложны и значительны. Плохо лишь то, что разрозненные стилистические наблюдения (лишенные необходимой тонкости и обстоятельности) иногда вторгаются в область собственно языковых наблюдений, а это подчас приводит к смешению языковых и стилистических понятий, к неправильным выводам о языке Чернышевского в целом. Отсюда либо бездоказательное приписывание особых стилистических мотивировок нейтральным, обычным формам литературного языка, употребляемым Чернышевским, либо рассмотрение в качестве форм, характерных для общей «языковой тенденции эпохи», явлений, обусловленных в языке Чернышевского специфическими стилистическими мотивами. Эти ошибки и противоречия необходимо устранить.

Советская наука должна дать читателю разностороннее, точное и подлинно марксистское описание и характеристику языка и стиля великого революционного демократа.

Ю. С. Сорокин

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 2 1952

ХРОНИКА И ИНФОРМАЦИЯ

ЯЗЫКОВЕДЧЕСКАЯ РАБОТА В СОВЕТСКОЙ ГРУЗИИ

Многоязычен Кавказ. Здесь представлены языки индоевропейские (русский, армянский, осетинский, талышский), тюркские (азербайджанский, кумыкский) и иберийско-кавказские (грузинский, занский или мегрельско-чанский, сванский, абхазский, адыгейский, кабардинский, бацбийский, кистинский, аварский, даргинский, лакский, лезгинский, удинский и др.).

Основной задачей грузинских языковедов, естественно, является изучение иберийско-кавказских языков, что прежде всего необходимо в целях развития социалистической культуры народов, говорящих на этих языках. Помимо того, иберийско-кавказские языки представляют исключительный интерес с точки зрения культурно-исторической (поскольку ставится вопрос о взаимоотношении живых иберийско-кавказских языков с древними языками Передней Азии — об этом см. ниже) и с точки зрения общелингвистической (вопросы происхождения и развития грамматических категорий падежа, личного спряжения, залогов, грамматического рода, синтаксических конструкций и т. д. находят ценнейший материал для правильной постановки и надлежащего освещения в фактах данных языков).

* * *

Планомерная, систематическая работа в области языкознания началась лишь в Советской Грузии[1] в Тбилисском университете, основанном в 1918 г по инициативе проф. И. А. Джавахишвили, в советские годы ставшем одним из крупных государственных университетов Советского Союза.

Лингвистические кафедры Тбилисского государственного университета им. Сталина (кафедры новогрузинского языка, древнегрузинского языка, кавказских языков общего языкознания и фонетики, семитических языков и др.) и Институт языкознания Академии Наук Грузинской ССР руководят воспитанием новых языковедческих кадров.

Коллектив грузинских лингвистов ныне насчитывает 5 действительных членов Академии Наук Грузинской ССР (из общего числа — 40 действительных членов), 9 докторов филологических наук и 42 кандидата (из них в университете и Институте языкознания работают 9 докторов и 29 кандидатов филологических наук).

Центром научно-исследовательской работы по языку является Институт языкознания АН Груз. ССР, зародившийся в недрах Института языка, истории и материальной культуры, организованного в 1936 г. по инициативе Л. П. Берия (и возглавлявшегося акад. С. Н. Джанашиа до 1941 г., когда этот Институт разделился на Институт языка им. Н. Я. Марра — ныне Институт языкознания — и Институт истории им. И. А. Джавахишвили).

Институт языкознания работает в составе шести отделов: 1) картвельских языков (зав.— проф. В. Т. Топуриа), 2) горских кавказских языков (зав.— проф. А. С. Чикобава), 3) ближневосточных языков (зав.— проф. Г. В. Церетели), 4) общего языкознания и фонетики (зав.— проф. К. В. Ломтатидзе), 5) лексикологии (зав.— канд.

---

[1] В годы царизма языковедческая работа в Грузии велась спорадически, отдельными филологами, преданными делу, тружениками науки (М. А. Джанашвили, С. Горгадзе, П. Чарая и др.).

филол. наук С. Б. Ментешашвили), 6) научной терминологии (зав.— проф. В. М. Беридзе).

Работы в области языкознания, как было сказано выше, определялись тремя основными задачами, внутренне связанными между собою;

1) разработка основных вопросов советского общего языкознания;

2) разработка узловых проблем истории иберийско-кавказских языков в свете задач, выдвигаемых научным обоснованием места грузинского и родственных с ним языков среди языков хеттско-иберийского круга;

3) обслуживание практики культурного строительства в области языка.

* * *

Общее языкознание. Без ясно осознанных правильных теоретических установок невозможна плодотворная научно-исследовательская практика. Без историзма нет науки о языке — это положение было исходным в работе Института с самого начала его деятельности. Изучением истории языков, различных по происхождению и по грамматическому строю, установлен факт фундаментального значения: слова одного корня могут измениться до неузнаваемости (к примеру, сванское *дошдул* —«луна» и грузинское *тве* — «месяц» — одного и того же корня, хотя в их современной форме нет ни одного общего звука); и, наоборот, слова, не имеющие ничего общего между собою по происхождению, в результате фонетических изменений могут приобретать одинаковую звуковую форму. Не зная истории языкового факта, нельзя правильно судить о нем. Понятно поэтому, что все успехи в изучении языков связаны с должным применением принципа историзма; пренебрежение этим принципом (или ограниченная возможность его применения по обстоятельствам объективного порядка) неизбежно приводило к неудачам. Познавательная сила историзма проверена двояко: позитивно — исторический подход к фактам языка сделал возможным зарождение языкознания; *негативно — отход от историзма расшатывает самые основы науки о языке, изгоняя* закономерное и насаждая произвол (в расчленении слов и толковании расчлененного).

Такой подход к языку вовсе не снимает вопроса о необходимости описательного, статического, анализа системы языка. Этот анализ, служа отправным пунктом для истории языка, совершенно необходим; следовательно, ссылкой на важность истории никак нельзя отмахиваться от сложных вопросов статического анализа. Статический анализ — необходимый, но далеко не достаточный момент в изучении языкового факта.

Изучение истории языков привело к установлению родства языков по происхождению, к созданию генеалогической классификации языков и к выработке сравнительно-исторического метода, при помощи которого устанавливалась общность происхождения языков. Родство языков по происхождению, генеалогическая классификация языков и сравнительно-исторический метод внутренне связаны между собой и с исторической точкой зрения на язык. Нельзя защищать историзм, отказываясь от родства языков по происхождению и сравнительно-исторического метода. Советская лингвистика должна отстаивать принцип историзма в его диалектико-материалистическом истолковании. Таковы были установки Института.

Понятно, что из таких установок неизбежно вытекало отрицательное отношение к палеонтологическому элементному анализу акад. Н. Я. Марра и к положениям так называемого «нового учения» о языке Н. Я. Марра, добытым при помощи элементного анализа (каковы стадиальная классификация языков, единый глоттогонический процесс с единым, т. е. общим для всех языков земного шара, исходным материалом — четырьмя элементами). В элементной палеонтологии Н. Я. Марра налицо демонстративный отказ от историзма во имя доистории, палеонтологии речи, толкуемой неисторически, изучаемой ненаучно.

Еще в 1930 г. было сформулировано положение: пока «новое учение» о языке Н. Я. Марра орудует элементным анализом, ни о каком марксизме теории Марра речи быть не может. Никакая лингвистика,— тем более марксистская лингвистика,— несовместима с элементной палеонтологией Н. Я. Марра (А. С. Чикобава).

Отрицательное отношение к ненаучной элементной палеонтологии «нового учения» о языке «ученики» и последователи Н. Я. Марра пытались квалифицировать как борьбу против марксистских основ «нового учения» Марра. В действительности же именно интересы построения советского, материалистического языкознания требовали отрицания, а не признания элементной палеонтологии Марра, которая могла лишь дискредитировать советскую науку о языке. И, наоборот, интересы советского языкознания требуют не отрицания, а утверждения принципа историзма, понятого диалектико-материалистически. Советское языкознание должно строиться на принципах диалектического материализма, на положениях классиков марксизма-ленинизма по вопросам языка.

Так понимались задачи советского языкознания. Этим определялось критическое отношения и к теории Н. Я. Марра и к различным течениям зарубежной идеалистической лингвистики. Этим же определялось и направление научно-исследовательской работы по иберийско-кавказским языкам и попытки решения основных вопросов советского общего языкознания.

Эти принципы положены в основу работы А. С. Чикобава «Общее языкознание». Первая пропедевтическая часть опубликована в 1935 г. (третье издание — в 1946 г.) [2]; вторая часть («Основные проблемы») появилась в 1945 г.

Первая часть «Общего языкознания» состоит из «Введения» и двенадцати глав; в I главе (стр. 7—52) дается определение языка, излагаются вопросы происхождения языка и принципы его развития; главы II—VIII (стр. 52—176) посвящены отделам языкознания; в главах IX и X (стр. 176—234) изложены морфологическая и генеалогическая классификация языков; последние две главы (стр. 234—240) посвящены определению места языкознания в системе наук, а также выяснению прикладного значения языкознания.

В докладе А. С. Чикобава «Проблема языка как предмета лингвистики в свете основных задач советского языкознания» (читанном в мае 1949 г. в Отделении литературы и языка АН СССР[3]) дан критический анализ основных направлений зарубежной идеалистической лингвистики, с одной стороны, и «нового учения» о языке акад. Н. Я. Марра — с другой.

В параграфах 6 и 7 тезисов доклада говорится: «Палеонтологический элементный анализ яфетической теории, выдвигаемый в качестве антитезы сравнительно-исторического анализа языков, является становым хребтом нового учения о языке, определяя собой основные установки яфетической теории. В частности, отрицание генеалогической классификации и противопоставление ей стадиальной классификации непосредственно вытекают из противопоставления палеонтологического метода сравнительно-историческому... Палеонтологический анализ, опирающийся на недоказанное и недоказуемое учение о четырех лингвистических элементах, антиисторичен; он ведет к обезличению языков; он беспомощен в изучении живых языков и в обслуживании неотложных нужд культурного строительства страны социализма. Яфетическая теория с четырехэлементным палеонтологическим анализом не только не является марксистско-ленинским учением о языке, но и не может им стать, пока она орудует палеонтологическим методом: от четырехэлементного анализа нет пути к марксистско-ленинской теории».

Такая оценка «нового учения» о языке Н. Я. Марра разделялась рядом ведущих работников ИЯИМК и явилась впоследствии установкой Института языка. Печатное выражение это нашло, в частности, в «Кратком отчете о работе ИЯИМК 1936—1944 гг.» акад. С. Н. Джанашиа (Изв. ИЯИМК, т. XIV, стр. 384). Определенно отрицательная характеристика стадиальной теории Марра дана акад. С. Н. Джанашиа и в «Истории Грузии» (русск. перевод, 1946, стр. 17).

Во второй части «Общего языкознания», озаглавленной «Основные проблемы» (1945), рассмотрены проблемы предмета и специальных методов языкознания. В критической части (стр. 11—157) дан анализ натурализма (Шлейхер, М. Мюллер), индивидуалистического психологизма (Г. Пауль, младограмматики), психологистического социологизма (де Соссюр, Мейе), структурализма (Брендаль, Ельмслев), эстетизма (Фосслер) и механистического материализма (Н. Я. Марр.). В позитивной части (стр. 138—198) дана попытка обосновать основные положения о сущности языка на основе исследовательской практики исторического языкознания. В главе, посвященной специальным методам языкознания (стр. 199—356), дан подробный разбор палеонтологического элементного анализа Н. Я. Марра (стр. 231—273).

Эта вторая часть «Общего языкознания» подвергалась яростным нападкам «учеников» и последователей Н. Я. Марра.

Из конкретных проблем общего языкознания за отчетный период предметом систематического анализа служила проблема классификации языков. Генеалогической классификации языков была посвящена кандидатская диссертация Т. С. Шарадзенидзе (1942). Ею же монографически разработаны: морфологическая классификация языков, классификация Шмидта, классификация Сепира, стадиальная классификация акад. Н. Я. Марра и акад. И. И. Мещанинова. Результаты проведенной работы обобщены в монографии доц. Т. С. Шарадзенидзе «Классификация языков и их принципы».

Методологические вопросы описательного (статического) анализа языковой системы рассматриваются во вводной части (стр. 1—134) монографии А. С. Чикобава «Проблема простого предложения в грузинском языке» (1948), а также в статье того же

---

[2] Ныне подготовлено новое, переработанное издание.

[3] Опубликован в 1941 г. в Изв. ИЯИМК, т. X, стр. 355—405.

автора «Основные вопросы структуры грамматики» (Сообщения Грузинского филиала АН СССР, 1940, № 2).

Большое внимание уделялось вопросам фонетики, как общей, так и иберийско-кавказских языков. Кабинет экспериментальной фонетики, организованный при Университете проф. Г. С. Ахвледиани и руководимый им же, служил базой как научно-методической, так и научно-исследовательской работы. Соответствующая работа подытожена в университетском курсе фонетики проф. Г. С. Ахвледиани, первое издание которого («Вопросы грузинской и общей фонетики») вышло в свет в 1938 г., а второе, дополненное и частично переработанное, выпущено университетом в 1949 г. под заглавием «Основы общей фонетики». Первая часть этой работы (стр. 1—258) состоит из «Введения» и десяти глав, а именно: 1. Естественно-научные основы общей фонетики; 2. Классификация звуков; 3. Звукосочетание; 4. Количество или длительность звуков; 5. Ударение; 6. Слог; 7. Звуковой состав грузинского языка в сравнении с русским; 8. Речевой звук и письмо; 9. Фонетические изменения языка; 10. Закономерность звукоизменений и «фонетический закон».

Вторую часть (стр. 259—420) составляют статьи по разным вопросам фонетики («Несколько вопросов фонологии», «Некоторые вопросы чередования звуков в грузинском языке», «Две системы гармонических смычных в грузинском языке», «Шестая тройка грузинских смычных» и т. д.). Большая часть этих статей была опубликована раньше. Об этой, второй, части автор книги пишет в предисловии: «Вторая часть — «Некоторые проблемы общей фонетики» — содержит обсуждение ряда преимущественно общефонетических вопросов; большинство их поставлено автором впервые в нашей науке и рассмотрено им на материале, главным образом грузинско-картвельских и горских языков; некоторые же из них, трактовавшиеся в фонетической литературе и прежде, рассматриваются автором главным образом все на том же материале и по большей части в новом освещении (статьи III, IV, VII, VIII, X, XII, XIII, XVI, II, IX, XIV, XV). В остальных же четырех статьях (I, V, VI, XI) второй части «Основ» автор не претендует на новизну ни постановки, ни освещения рассматриваемых в них вопросов.

Результаты экспериментального исследования одного из картвельских языков подытожены в докторской диссертации проф. С. М. Жгенти «Основные вопросы фонетики сванского языка» (1949 г.). Об этом см. ниже, в разделе «Картвельские языки».

Борьба «учеников» и последователей Н. Я. Марра, добивавшихся монопольного положения для элементной палеонтологии и в этих целях шельмовавших все, не согласное с «новым учением» о языке Н. Я. Марра, как идеалистическое, реакционное, буржуазное, особенно обострилась за последние годы и привела к тому, что со всей решительностью встал вопрос о путях развития советского языкознания. Об этом идет речь в дискуссионной статье А. С. Чикобава «О некоторых вопросах советского языкознания», опубликованной в газете «Правда» 9 мая 1950 г.

Однако Институт не смог уяснить всю глубину порочности так называемого «нового учения» Н. Я. Марра, антимарксистский характер которого стал понятен для всех лишь после выхода в свет гениальных трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания.

Основополагающие работы И. В. Сталина «Относительно марксизма в языкознании», «К некоторым вопросам языкознания», «Ответ товарищам», опубликованные в 1950 г. в связи с дискуссией, вскрыли упрощенческий, вульгарно-материалистический характер так называемого «нового учения» о языке Н. Я. Марра, дали глубоко научное обоснование узловых, принципиальных вопросов общего языкознания и тем самым заложили марксистские основы советской науки о языке для мощного подъема лингвистической мысли.

* * *

Изучение картвельских и других иберийско-кавказских языков ставило целью:

а) дать, в первую очередь, анализ грамматического строя и лексики грузинского языка, занского (мегрельско-чанского) языка и сванского языка с их наречиями и говорами;

б) разработать сравнительную грамматику и сравнительный словарь картвельских языков с целью выявления начального корнеслова и восстановления древнего грамматического строя их с перспективой научной постановки и решения проблемы генетической связи картвельских языков с древними языками Передней Азии (хеттскими, хуррийским, урартским, эламским и др.) и Средиземноморья (баскский — на Пиренейском полуострове, древний этрусский язык — в Италии).

Древние языки Передней Азии, равно как живые иберийско-кавказские языки (картвельские и горские иберийско-кавказские языки), не могут быть отнесены ни к индоевропейским, ни к семитическим, ни к тюрко-татарским языкам. Они составляют само-

стоятельную группу языков древнейшего — доиндоевропейского, досемитического — населения Кавказа, Передней Азии и Средиземноморья[4]. Такое мнение, поддерживаемое рядом крупных лингвистов и историков, подсказывается как культурно-историческим контекстом, так и грамматическим строем данных языков. Но факты древних языков, ныне представленных лишь в письменных памятниках (надписях), трудно интерпретировать, даже трудно в точности установить, как звучали фиксированные в памятниках древние тексты; к тому же их сравнительно мало. С другой стороны, живые иберийско-кавказские языки, прошедшие различные исторические пути развития и претерпевшие многообразные изменения, мало изучены. В этих условиях многочисленные попытки сравнивать отдельные факты древних языков с «близкими» по внешнему, звуковому, облику фактами того или иного иберийско-кавказского языка обычно выглядят неубедительно. Даже такой знаток иберийско-кавказских языков, как акад. Н. Я. Марр, находил возможным увязывать показатель множественного числа — *ре* сузских (эламских) надписей с чанским суффиксом множ. ч. *ре* (*охочере* «дома») — см. Н. Я. Марр, Грамматика чанского языка, 1910, стр. XI. Но чанский показатель множественности — фонетический вариант грузинского суффикса-*еб* (*эб*), и, следовательно, с сузским нужно сопоставлять этот исходный вариант (*еб*), а не его последующую, из него полученную фонетическую разновидность [не говоря уже о том, что в чанском языке суффиксом множ. ч. в именах служит *ер* (*эп*), а не *ре* (*пэ*): конечный *е* в *р-е*) — чанская флексия именительного падежа].

Стало быть, необходимо предварительно дать н а у ч н у ю и с т о р и ю картвельских и других иберийско-кавказских языков, привести показания их грамматического строя и лексики к «общему историческому знаменателю» и тем подготовить возможность закономерного сравнения фактов иберийско-кавказских языков с фактами древних языков Передней Азии и древнего Средиземноморья.

В этой связи история картвельских языков приобретает исключительное значение, поскольку один из картвельских языков, г р у з и н с к и й, документируется с V в. и, следовательно, удается проследить его историю документально на протяжении пятнадцати веков (баскский фиксирован в памятниках письменности лишь с XVI в.; лексические записи по горским иберийско-кавказским языкам идут со второй половины XVIII в.). История грузинского языка выступает в роли надежной опоры при разработке истории иберийско-кавказских языков; с другой стороны, показания младописьменных и бесписьменных иберийско-кавказских языков представляют исключительную ценность, поскольку в них сохранились те или иные архаические явления, некогда характерные и для картвельских языков.

Поэтому н е в о з м о ж н о, с одной стороны, разрабатывать научную историю горских иберийско-кавказских языков без учета показаний грузинского и других картвельских языков; с другой стороны, н е в о з м о ж н о восстанавливать древнейшие этапы истории картвельских языков без привлечения материалов родственных горских кавказских языков.

С точки зрения результатов, полученных в процессе исследования грузинского языка, показательны следующие работы:

«Грузинская грамматика. I. Морфология» (1930) проф. А. Г. Шанидзе, и второе, переработанное, значительно дополненное издание того же труда — «Основы

---

[4] Характерно, например, такое высказывание автора «Введения в изучение кавказских языков» А. Дирра (1928 г.). Он пишет: «На сегодняшний день к кавказским языкам в широком смысле слова причисляют целую серию переднеазиатских и средиземноморских языков, из которых лишь один единственный, баскский язык продолжает еще жить... А. Тромбетти в своем труде Glottologie (т. I, стр. 104)... представляет положение вещей в следующем виде: «Мы должны согласиться с Шухардтом и другими исследователями в том, что в области Кавказа сконцентрировались народы, которые раньше были распространены на значительно более широкой территории, и что часть этих народов была впитана другими племенами. Новейшие исследования, как видно, в действительности сходятся на том, что с исконной кавказской группой языков более или менее непосредственно связаны следующие языки, которые я делю на три группы:

I. 1) халдский... 2) митанни, 3) эламский, 4) хеттский и арзави. II. 1) аборигенные малоазийские языки (ликийский, лидийский, карийский, мизийский...), 2) этрусский и лемнийский, 3) критский. III. иберийский и баскский (Введение, стр. 26—27).

За последние 20 лет стало распространяться мнение, будто хеттские языки являются индоевропейскими. Указывают на индоевропейский характер морфологии одного из языков Хеттского государства,— неситского.

Нельзя считать собственно хеттские языки индоевропейскими, поскольку протохеттский («перво-хеттский») язык и ныне никто не считает индоевропейским. Да и в самом неситском языке лексика не считается индоевропейской — более того, даже не все факты морфологии объясняются из индоевропейского материала.

Таким образом, собственно хеттские языки остаются в кругу древнейших, неиндоевропейских, несемитических и нетюркских языков Передней Азии.

грузинской грамматики», вып. I, II, изд. 1942—1943 гг. (стр. 1—272; стр. 273—371). В работе подытожены исследования автора по отдельным морфологическим категориям (субъективных и объективных лиц, версий, залогов и т. д.), которые велись проф. А. Г. Шанидзе в продолжение двадцати с лишним лет. Положения иллюстрируются удачно подобранными примерами. Краткая грамматика грузинского языка (изд. 1930 г.) охватывает фонетику и морфологию; новый вариант (изд. 1942—1943 гг.) еще не закончен (в нем представлены фонетика и основная часть морфологии), но и в этом виде «Основы грузинской грамматики» представляют собою наиболее подробный университетский курс морфологии современного грузинского литературного языка.

В 1931—1932 гг. В. Т. Топуриа и А. Г. Шанидзе был составлен краткий учебник грузинского языка для студентов заочного педагогического института. В учебнике была изложена несколько схематически, но в легко обозреваемой форме морфология современного литературного грузинского языка.

В ряде статей А. С. Чикобава (под общим заглавием «Особенности грамматической структуры грузинского языка», 1929—1930 гг.) дана характеристика особенностей склонения имен, спряжения глаголов и синтаксической связи слов, обусловленной наличием субъектно-объектного спряжения в грузинском глаголе.

Общая лингвистическая характеристика грузинского языка дана в вводной статье А. С. Чикобава к первому тому Толкового словаря грузинского языка (1950, стр. 18—80).

В плане изучения фонетики грузинского языка следует отметить: установление процесса «редукции гласных» (усечение гласного исхода, стягивание основы) и условий его проявления (проф. А. Г. Шанидзе. К этимологии слова *çeliçadi* — «год», Ежегодн. Груз. лингв. об-ва, I/II, 1925), установление системы троечных и парных согласных, выявление абруптивных согласных и определение особенностей их артикуляции, обоснование закономерности сочетаний согласных децессивного ряда (проф. Г. С. Ахвледиани, Основы общей фонетики).

Изучению грамматического строя д р е в н е г р у з и н с к о г о языка и вопросам исторической грамматики грузинского языка посвящен ряд монографий.

«Субъективный префикс второго лица и объектный префикс третьего лица» (докт. диссертация А. Г. Шанидзе, 1920) путем подробного анализа многообразных данных древнегрузинских памятников устанавливает формулы использования префиксов *x-*, *h-*, *s-* в спряжении древнегрузинского глагола. Предположение о пережиточном характере префикса *x* (*x-ar* — «ты еси»), высказанное автором, нашло подтверждение в ханмэтных текстах, открытых в 1923 г. проф. И. А. Джавахишвили в древнегрузинских палимпсестах.

В работе «Проблема простого предложения в грузинском языке. I. К вопросу о подлежащем и дополнении в древнегрузинском языке» А. С. Чикобава (1928) ставит целью дать систематический анализ особенностей синтаксической связи слов в предложениях с двухличным переходным глаголом (эргативная конструкция) и с двухличным непереходным глаголом. В работе установлено, что полиперсональный глагол (субъектно-объектное спряжение) в морфологии грузинского языка с внутренней необходимостью порождает в синтаксисе сложную синтаксическую связь глагола с субъектом и объектом — взаимное управление («координацию»), причем принципиальная разница между субъектом и объектом как синтаксическими понятиями снимается.

В работе А. С. Чикобава «Древнейшая структура именных основ в картвельских языках» (1942) в связи с проблемой эргативной конструкции анализируется вопрос о взаимоотношении именной и глагольной основ в процессе их исторического формирования. Путем сравнительно-исторического анализа основ грузинского и других картвельских языков установлено: 1) «историческая недифференцированность имени и глагола в картвельских языках, причем в процессе дифференциации исходным служит значение «именное» (стр. 280); 2) простые по составу ныне именные основы оказались производными. В их составе обнаружены детерминативные суффиксы как в полном виде, так и в усеченном, а также префиксы, указывавшие на то, относится ли данный предмет к категории человека или к категории вещей; 3) выделены показатели грамматических классов ч е л о в е к а и в е щ и в картвельских языках. Ныне грамматические классы («роды») в морфологии картвельских языков не различаются, так же как не прослеживаются они и в древних языках Передней Азии, зато сохранились в большинстве горских кавказских языков. Выявление древнейшей структуры именных основ актуально как с точки зрения исторического взаимоотношения картвельских языков с древними языками Передней Азии, так и с точки зрения генезиса эргативной конструкции.

Наличие окаменелых показателей категории вещи вскрыто в основе грузинских глаголов *t-kwa* — «он сказал», *d-gas* — «стоит» (проф. В. Т. Топуриа); префиксом $t \leftarrow d$ обозначался грамматический класс *объекта* в *именительном* падеже, факт исключительной важности с точки зрения генезиса спряжения грузинского глагола («Глаголы с префиксом $t \leftarrow d$ в грузинском языке», Труды Тбил. госуд. унив. им. Сталина, XXV, 1942).

В работе А. С. Чикобава «Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках. I. Историческое взаимоотношение номинативной и эргативной конструкций по данным древнегрузинского литературного языка» (1948) выявлено наличие одной лишь эргативной конструкции в спряжении грузинских переходных глаголов в те периоды, когда конъюгационные основы выражали аспекты (длительный и моментальный), а не времена. Номинативная конструкция при переходных глаголах — явление вторичное, в грамматической же структуре грузинского языка она представлена при непереходных глаголах, существуя параллельно с эргативной конструкцией. Номинативная и эргативная конструкции исторически восходят к индефинитной конструкции.

Ценным вкладом в изучение грамматической системы древнегрузинского языка являются кандидатские диссертации И. И. Кавтарадзе, А. И. Кизирия, А. Г. Мартиросова, С. Е. Чхенкели, К. С. Дзоценидзе, И. В. Имнайшвили, А. П. Джишиашвили, Т. В. Гониашвили и др.

Предметом кандидатской диссертации И. М. Гигинейшвили служит образование производных основ в Вепхис-Ткаосани. Фонетические, морфологические и синтаксические особенности грузинских памятников XVI—XVIII вв. монографически изучались И. И. Кавтарадзе, А. Г. Мартиросовым, А. И. Кизирия, И. М. Гигинейшвили и др.

Ценные для исторической грамматики грузинского языка наблюдения содержат к себе статьи проф. А. Г. Шанидзе: «Личный показатель в склоняемом слове в картвельских языках» (1936, Труды Унив.); проф. В. Т. Топуриа: «Префиксы *ne-, ni-, na-* (Труды Унив., VII, 1938), «Аффиксы *-ed, -ur, -r* (Изв. ИЯИМК, V/VI, 1940), «О древнейшей суффиксации глагола в грузинском» (Сообщ. АН Груз. ССР, т. III, № 5, 1942); «К вопросу о редукции гласных в картвельских языках» (Ибер. кавк. языкозн. I); проф. К. С. Кекелидзе: «О синтаксических функциях послелогов zeda, tana, cinaše в древнегрузинском языке (Сообщ. АН Груз. ССР, 1942, № 2, 3); А. Г. Мартиросова «Послелог в грузинском языке» (Ибер.-кавк. языкозн., I, 1946); проф. К. Д. Дондуа: «Об отношении относительного местоимения к определяемому слову в древнегрузинском языке» (Изв. ИЯИМК, V/VI, 1949) и др.

Изучению наречий и говоров грузинского языка уделялось много внимания — вначале Грузинским лингвистическим обществом (1923—1928), в дальнейшем — Университетом и Институтом языкознания. Изучались диалекты: картлийский, кахетинский, ингилойский, ферейданский, тушинский, мтиульский, пшавский, хевсурский, мохевский, джавахский, имеретинский, гурийский, аджарский, рачинский и др. Результаты исследований диалектов публиковались в виде статей, а в отдельных случаях представляли собой кандидатские диссертации (работы: В. Н. Панчвидзе — об имеретинском диалекте, С. М. Жгенти — о гурийском, К. А. Гугушвили — о мохевском, П. Р. Хубутия — о тушинском, Р. Б. Гамбашидзе и Г. М. Имнайшвили — об ингилойском, О. И. Кахадзе — о лексике злачных растений по данным картлийского, кахетинского и рачинского наречий и т. д.).

По диалектам собрано и частично издано значительное количество текстов.

Разработаны и изданы диалектологические словари: кизикский словарь — С. Б. Ментешашвили, гурийский — Г. Д. Шарашидзе, верхне-имеретинский — В. В. Церетели, лечхумский — М. Н. Алавидзе. Начато систематическое изучение лексики основных районов Картли и Кахети (М. В. Месхишвили, Т. Н. Берозашвили, М. Лашаури и др.).

Особо следует отметить издание памятников древнегрузинской письменности, осуществленное под редакцией проф. К. С. Кекелидзе, проф. А. Г. Шанидзе, проф. И. В. Абуладзе, ст. научн. сотр. М. Л. Кахадзе, проф. С. Г. Каухчишвили, акад. С. Н. Джанашиа и др. Ценнейшие документы истории древнегрузинского языка представляют собою ханмэтные и hаэмэтные тексты, открытые проф. И. А. Джавахишвили и проф. А. Г. Шанидзе в 1923 г. Ханмэтные и hаэметные тексты изданы частично И. А. Джавахишвили, частично — А. Г. Шанидзе.

В ряде статей И. А. Джавахишвили, А. Г. Шанидзе, К. С. Кекелидзе и других дана попытка интерпретировать ханмэтные и hаэметные тексты с точки зрения исторического развития грузинского языка.

Акад. И. А. Джавахишвили было положено начало разработке документированного исторического словаря грузинского языка. Собран большой материал, подлежащий дальнейшей обработке. Доц. И. В. Имнайшвили составлено ценное справочное пособие: «Симфония-словарь к грузинскому четвероглаву» (под редакцией А. Г. Шанидзе, 1949).

С 1945 г. развернулась работа по составлению «Толкового словаря грузинского языка». Работой руководит специальная комиссия при Президиуме Академии Наук Груз. ССР (председатель комиссии — проф. А. С. Чикобава). Словарь рассчитан на восемь томов, он будет включать около 125 тысяч слов (т. е. всю основную часть лексики современного литературного грузинского языка) и стобразит интенсивное развитие лексики грузинского языка за Советский период на основе могучего подъема хозяйства и культуры социалистической Грузии. В словаре подобающее место отводится лексическому богатству грузинского глагола. Словарь документирован выражениями из

произведений классиков грузинской литературы XIX в. (Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели), из произведений известного педагога Я. Гогебашвили, а также из лучших образцов советской прозы и поэзии, из произведений классиков марксизма, специальной научной литературы и т. д.). Уже закончен толкованием основной словник — 118 тысяч слов. В марте 1950 г. вышел первый том словаря (буквы *А — Б*, 44 печ. л.; главный редактор и редактор первого тома — проф. А. С. Чикобава). В марте 1951 г. вышел второй том словаря (буква *Г*, 50 печ. л., редактор второго тома — проф. Г. В. Церетели). Заканчивается печатанием третий том (редактор — проф. В. Т. Топуриа), подготавливаются к печати тома четвертый и пятый. Подготовкой словаря к печати руководит главная редакция в составе: Г. С. Ахвледиани, С. М. Вачнадзе, И. Г. Гришашвили, В. Д. Купрадзе, Г. Н. Леонидзе, Т. Н. Ломоури, С. Б. Ментешашвили, В. Т. Топуриа, Г. В. Церетели, А. С. Чикобава. Подготовка словаря к печати, начиная с 1950 г., осуществляется силами Института языкознания.

Значительные успехи достигнуты в изучении сванского языка, его четырех диалектов, данные которых представляют большой интерес с точки зрения истории грузинского языка. Правильно ориентироваться в сложных фактах морфологии сванского языка стало возможным благодаря ценному исследованию проф. А. Г. Шанидзе «Умлаут в сванском» (1925, Сб. «Арили»). В 1931 г. вышла большая монография В. Т. Топуриа «Сванский язык, I. Глагол», в которой дается глубокий и точный анализ сложной системы спряжения сванского глагола. В ней рассмотрены все категории глагола (лицо, число, время, наклонение, залоги), отглагольные имена (масдар, причастие) — по нормам всех четырех диалектов сванского языка, причем основные явления сванского спряжения сопоставляются с соответствующими фактами грузинского языка. «Сванский глагол» В. Т. Топуриа служит настольной книгой для всех специалистов, интересующихся историей картвельских языков. Отдельных вопросов фонетики и морфологии сванского языка касаются статьи В. Т. Топуриа «Еще раз об умлауте в сванском языке» (Изв. Унив., VII, 1927), «К чередованию *r* и *n* в сванском глаголе» (Труды Унив., XVIII, 1941); проф. К. Д. Дондуа «К вопросу об особой форме множественного числа в сванских терминах родства» (в серии «Материалы по истории Грузии и Закавказья», VII, 1937); доц. Т. С. Шарадзенидзе «Отрицательные частицы в сванском» и т. д.

Результаты экспериментального исследования звуковой системы сванского языка представлены в монографии проф. С. М. Жгенти «Основные вопросы фонетики сванского языка» (1949, докт. диссертация). В работе анализируется сванский вокализм (стр. 7—39), сванский консонантизм (стр. 129—157); рассмотрены также фонетические процессы сванского языка (стр. 151—194).

В 1939 г. вышло два тома сванских текстов: «Сванская поэзия» под редакцией А. Г. Шанидзе, В. Т. Топуриа и М. К. Гуджежиани (с грузинским переводом); «Сванские прозаические тексты», без перевода, под редакцией А. Г. Шанидзе и В. Т. Топуриа. В прозаических текстах представлен материал верхнебальского наречия. По точности записи тексты удовлетворяют строгим требованиям лингвистики и представляют большую ценность.

Из занских диалектов особое внимание уделялось изучению чанского (лазского), менее изученного и менее доступного изучению, поскольку Лазистан после Первой мировой войны оказался почти целиком в пределах Турции.

Опубликованы чанские тексты по всем говорам: хопские тексты (А. С. Чикобава, 1929), вицкие, аркабские и атинские тексты (как приложение к «Грамматическому анализу чанского диалекта» А. С. Чикобава, 1936), «Чанские тексты, аркабский говор» (С. М. Жгенти, 1939). Все эти тексты записаны среди лазов, проживавших или проживающих в Грузии. В 1939 г. были изданы «Чанские тексты», записанные покойным проф. И. А. Кипшидзе в 1917 г. в Лазистане (предисловие и вводная статья редактора А. С. Чикобава). Они дают материал по всем чанским говорам и представляют собой контрольный материал при оценке чанских текстов, записанных в Грузии (кстати, после проверки оказавшихся вполне надежными для характеристики речи чанов из центральных районов Лазистана).

В 1936 г. появился «Грамматический анализ чанского (лазского) диалекта» А. С. Чикобава, где рассмотрены фонетика, морфология и основные синтаксические явления чанского диалекта в сопоставлении с аналогичными данными мегрельского и грузинского, причем дается попытка уяснения исторического места анализируемого факта; работа носит сравнительно-исторический характер. В фактической части новым является выяснение системы спряжения в так называемой третьей группе времен (она осталась вне поля зрения в «Грамматике чанского языка» Н. Я. Марра из-за недостаточности привлекавшегося к анализу материала). Отклонение от норм картвельских языков в построении предложения с переходным глаголом — наличие эргативной конструкции в настоящем времени,— дающее повод к недоразумениям, объяснено, как явление вторичного порядка — образование по аналогии (стр. 221—222).

Логическим продолжением «Грамматического анализа чанского диалекта» служит «Чанско-мегрельско-грузинский словарь» А. С. Чикобава (1938), который снабжен русским переводом трактуемых слов. Из выводов следует отметить положение.

«Чанский и мегрельский являются по отношению друг к другу диалектами одного и того же языка; этот факт выступает несравненно более наглядно на фоне анализа лексики, чем... на фоне анализа фонетических, морфологических и синтаксических явлений... Занский язык обособился в результате дифференциации грузинского языка (точнее, того языка, непосредственным продолжением которого является грузинский язык); в процессе же дифференциации занского языка формировались чанский и мегрельский диалекты занского языка. Чем глубже проникаем мы в прошлое этих языков, тем теснее связь между занским и грузинским языками, тем ближе оказываются чанский и мегрельский друг к другу» (стр. 445—446).

Отдельных вопросов морфологии занского языка касаются статьи В. Т. Топуриа: «Суффикс *enž* в мегрельском» (Изв. ИЯИМК, I, 1937), «К генезису некоторых падежей в мегрельском» (Изв. ИЯИМК, I, 1937), «К генезису некоторых падежей в мегрельско-чанском языке» (там же). Отдельной книгой вышли «Мегрельские тексты» [М. Н. Хубуа (1937)].

* * *

Изучение родственных с картвельскими языками горских кавказских языков велось в плане решения основной задачи — разработки научной истории иберийско-кавказских языков. До 1933 г. изучался лишь абхазский язык (Д. И. Гулиа, С. Н. Джанашиа), ныне работа ведется по всем основным языкам и ряду малых языков, а именно: абхазскому (проф. К. В. Ломтатидзе, Х. С. Бгажба, Б. В. Шинкуба, Ш. Б. Джанашиа), адыгейскому и кабардинскому (доц. Г. В. Рогава), кистинскому (ст. научн. сотр. Д. С. Имнайшвили), бацбийскому (доц. Р. Р. Гагуа), аварскому (А. С. Чикобава, И. И. Церцвадзе), лакскому (проф. В. Т. Топуриа), даргинскому с кубачинским (ст. научн. сотр. Ш. Г. Гаприндашвили, А. О. Магометов), лезгинскому (доц. В. Н. Панчвидзе), удинскому (доц. В. Н. Панчвидзе, доц. Е. Ф. Джейранишвили), цахурскому (доц. Е. Ф. Джейранишвили), будухскому (доц. В. Н. Панчвидзе), капучинскому или хванскому (канд. филол. наук Э. А. Ломтадзе), дидойскому (ст. научн. сотр. Д. С. Имнайшвили), андийскому (доц. И. П. Церцвадзе), ботлихскому и тиндийскому (канд. филол. наук Т. Е. Гудава), ахвахскому и каратинскому (канд. филол. наук З. М. Магометбекова).

Написаны две докторские и 10 кандидатских диссертаций по этим языкам. Кандидатские диссертации: «Образование времен в абхазском глаголе» К. В. Ломтатидзе (Изв. ИЯИМК, т. I, 1937), «Полиперсонализм в глаголах нижне-адыгейского языка» Г. В. Рогава (Изв. ИЯИМК, XII, 1942), «Фонетические особенности цудахарского диалекта даргинского языка» Ш. Г. Гаприндашвили (Изв. ИЯИМК, XII, 1942), «Анцухский диалект аварского языка» И. И. Церцвадзе (Иберийско-кавказское языкозн., II, 1948) «Обстоятельственные частицы в абхазском глаголе» (Х. С. Бгажба) и др.

Докторская диссертация проф. К. В. Ломтатидзе «Тапантский диалект абхазского языка» (1944, стр. 236+144) показательна для научного уровня, который может быть достигнут в изучении сложнейших по своей фонетической и морфологической системе языков данного круга. Докторская диссертация доц. В. Н. Панчвидзе «Грамматический анализ удинского языка» подытоживает работы, которые были выполнены автором в процессе изучения удинского языка.

Важное значение с точки зрения истории иберийско-кавказских языков имеет факт выявления доц. Г. В. Рогава окаменелых префиксов категории грамматических классов в адыгейском языке, ныне не знающем такой грамматической категории.

Работы К. В. Ломтатидзе «Функции редупликации в абхазском языке» (Изв. ИЯИМК, V/VI, 1940), «Категория единичности и образующие ее аффиксы в абхазском языке» (Изв. ИЯИМК, т. X), «Категория переходности в абхазском языке» (Изв. ИЯИМК, т. XII), «Относительные местоимения в глагольных формах абхазского языка» (Сообщ. АН Груз. ССР, т. III), «Об одной фонетической закономерности в абхазских диалектах» могут быть признаны образцовыми исследованиями на базе основательного знания и глубокого понимания фактов живой речи.

Исследования в области грамматического строя иберийско-кавказских языков — склонения имен и спряжения глаголов— объединялись проблемой эргативной конструкции. Из опубликованных статей конкретных вопросов данной проблемы непосредственно касаются: «К проблеме эргативной конструкции в кавказских языках: стабильный и лабильный варианты данной конструкции» А. С. Чикобава (Изв ИЯИМК, XII), «К вопросу о полиперсонализме в аварском языке в связи с проблемой эргативной конструкции» А. С. Чикобава (там же, X), «Из истории эргатива в аварском языке» А. С. Чикобава (Изв. Дагест. базы АН СССР, 1948), «Бессубъектные формы абхазского переходного глагола» К. В. Ломтатидзе (Иберийско-кавказское языкозн., II), «К генезису аккузатива в удинском языке» В. Н. Панчвидзе (Изв. ИЯИМК, V/VI), «Эргатив и инструменталис в бацбийском языке» Р. Р. Гагуа (Иберийско-кавказское языкозн., II.).

Установлено, что эргативная конструкция не является ни пассивной, ни активной (она индифферентна): переходный глагол эргативной конструкции исторически в залоговом отношении не был дифференцирован. Эргативный падеж не является косвенным падежом.

Проблема истории грамматических классов рассматривается в ряде статей: «Грамматические классы и их экспоненты в лакском языке» (В. Т. Топурия, Изв. ИЯИМК, XII), «Дательный падеж с классными показателями в анцухском диалекте аварского языка» (И. И. Церцвадзе), «К истории грамматических классов в аварском языке» (А. С. Чикобава, Изв. ИЯИМК, т. I) и т. д.

Установлено, что второй грамматический класс — явление новой формации; соответствующий формант представляет собой фонетический вариант грамматического экспонента четвертого класса, класса вещей.

Звуковой состав и звуковые процессы горских кавказских языков анализируются в ряде работ Г. С. Ахвледиани, Г. В. Рогава, К. В. Ломтатидзе, И. И. Церцвадзе, Ш. Г. Гаприндашвили и др.; выполнено несколько работ о лексических взаимоотношениях горских иберийско-кавказских и картвельских языков (А. С. Чикобава, С. Н. Джанашиа, Г. В. Рогава, Е. Ф. Джейранишвили и др.).

Из словарей особо следует отметить «Бацбийско-грузинско-русский словарь» Н. Д. Кадагидзе, богато иллюстрированный выражениями из живой речи.

В аспекте древней истории иберийско-кавказских языков безусловно интересным надо признать открытие албанского алфавита в 1938 г. проф. И. В. Абуладзе (см. И. В. Абуладзе «К открытию алфавита кавказских албанцев», Изв. ИЯИМК, IV, 1939, и А. Г. Шанидзе «Новооткрытый алфавит кавказских албанцев и его значение для науки», там же). Судя по составу албанского алфавита, звуковая система древнего албанского языка (на Кавказе) сильно напоминает звуковую систему некоторых из современных дагестанских языков.

В 1937 г. было опубликовано капитальное исследование акад. И. А. Джавахишвили «Первоначальная природа и родство грузинского языка с кавказскими», задуманное автором в качестве одного из разделов «Введения в историю грузинского народа». Опираясь на наличные данные специальной литературы, как новой, так и старой (к сожалению, не всегда требуемой точности), автор дает научную этимологию ряда именных основ в картвельских языках, выделяя в составе простых ныне основ префиксы грамматических «родов». Путем кропотливого методического анализа имен числительных, местоимений и ряда глагольных основ акад. И. А. Джавахишвили приходит к выводу о генетическом родстве грузинского (и остальных картвельских языков) с горскими кавказскими языками, которые он называет савроматскими.

Положение о генетическом родстве картвельских и горских кавказских языков, утверждаемое маститым историком, находит полное подтверждение в специальных изысканиях по истории грамматической структуры и лексики иберийско-кавказских языков. Это положение можно и нужно считать исходным в сравнительно-исторических исследованиях по языкам хеттско-иберийского круга.

Каковы общие выводы?

В результате проведенных исследований установлено:

1. Звуковой состав картвельских языков, в частности грузинского (минус аффрикаты, плюс фарингальные), наиболее близок к исходному для иберийско-кавказских языков состоянию и без труда сближается с звуковым составом древних языков Передней Азии.

Сложная звуковая система ряда иберийско-кавказских языков (от 46 до 85 фонем!) — явление вторичное.

2. Стечение согласных в основе слов, как правило, явление вторичное. Стечение согласных вызвано или выпадением гласных в определенных условиях или наращением аффиксов.

3. Корень, как правило, состоит из одного согласного и деиктической частицы — детерминатива основы.

4. Префиксация является основным морфологическим принципом, как для иберийско-кавказских, так и для древних языков Передней Азии.

Суффиксация, где она ныне наблюдается (например, в склонении имен),— явление вторичное.

5. Именная и глагольная основы вначале не дифференцированы (могут оформляться одними и теми же аффиксами).

6. В процессе дифференциации глагол оформляется раньше имени: спряжение предшествует склонению.

7. Грамматические классы человека (личности) и вещи различались во всех иберийско-кавказских языках. Там, где их в настоящее время нет (грузинский, занский, сванский, адыгские, лезгинский, удинский и др.), налицо явление вторичного порядка: анализ основ обнаруживает окаменелые форманты грамматических классов.

В древних языках Передней Азии (урартском, хеттских), где также не различаются грамматические роды, по всей видимости, имеем положение, аналогичное положению в картвельских языках.

8. Категория грамматических классов пронизывала всю морфологическую систему: склонение, спряжение, образование основ. Конкретные классные варианты как падежей, так и отглагольных имен предшествовали абстрактным.

9. Из падежей наиболее древними оказываются родительный и дательный. Эргативный (повествовательный) и именительный оформились позднее в результате наращивания местоименных частиц на основу.

10. Залоговых различий не было: имелись переходные и непереходные глаголы, но переходный глагол тем самым не являлся глаголом действительного залога. Основа переходного глагола в залоговом отношении индифферентна (нейтральна).

11. Эргативная конструкция предшествовала номинативной при переходных глаголах; при непереходных глаголах номинативная конструкция — явление древнее. Обе конструкции ведут начало от индефинитной.

Самый существенный результат общего характера: чем дальше удается проникнуть в глубь истории иберийско-кавказских языков, тем ближе они оказываются друг к другу и к древним языкам Передней Азии. Сравнительно-исторический анализ выявляет исконную близость (сходство) там, где с первого взгляда, казалось бы, нет ничего общего, где, казалось бы, налицо полное расхождение.

Стало быть, чем лучше будет исследована история наших языков, тем яснее будет проступать генетическая общность хеттско-иберийских языков (А. С. Чикобава, Картвельские языки, их исторический состав и древний лингвистический облик, Иберийско-кавказское языкозн., II., 1948).

* * *

За последние тридцать лет в Грузии получила развитие новая отрасль науки — востоковедение.

В Институте языка, истории и материальной культуры АН Грузинской ССР с 1936 г. существует Отдел языков Ближнего Востока, в котором в основном была сосредоточена вся научно-исследовательская работв в области изучения языков и народов Востока.

Работа отдела велась, в соответствии с поставленными перед ним задачами, по двум направлениям: 1) изучение генетических и культурно-исторических связей грузинского языка с языками Ближнего Востока и 2) изучение структуры ряда восточных языков.

Грузинские востоковеды уделяли особое внимание древним языкам Переднего Востока, которые, отличаясь по своей структуре от языков индоевропейских, семитических и других языковых семейств, обнаруживают вместе с тем определенное сходство с картвельскими языками. Указанной проблеме были посвящены отдельные исследования, монографии и статьи, в которых рассмотрены вопросы генетических и культурно-исторических связей между языками хеттско-иберийской группы. В работе акад. С. Н. Джанашиа «Древнейшее национальное известие о первоначальном расселении грузин в свете истории Ближнего Востока» рассматривается ряд вопросов истории хурритов (субарийцев) и даны новые соображения для локализации ряда топонимических терминов, упоминаемых в анналах ассирийского царя Саргона II (VIII в. до н. э.) и других памятниках и сближаемых автором с грузинскими названиями. Автор обращает также внимание на родственные по своей структуре явления в картвельских языках, а также в хурритском и протохеттском. В другой работе, посвященной изучению генезиса грузинских этнических терминов, акад. С. Н. Джанашиа дает на основании грузинских материалов новое объяснение названия народа, обладающего иероглифическим хеттским письмом.

Значительная работа проведена по изучению урартского языка. Проф. Г. В. Церетели издал в 1939 г. урартские надписи, хранящиеся в Государственном музее Грузии. Наряду с переводом и подробными комментариями автор дает анализ структуры урартского глагола и указывает на его сходство с грузинским. Доц. П. Н. Ушаков посвятил ряд статей вопросам генезиса индоевропейских и картвельских племен в связи с хеттской проблемой и указывает на ряд фактов, свидетельствующих о сходстве протохеттского и хурритского языков с грузинским. Доц. Г. А. Меликишвили посвящает свои работы изучению языка и истории урартийцев и вопросу об их культурно-исторических связях с картвельскими племенами. Ассистент В. А. Гвахария написал исследование, касающееся вопросов взаимоотношения урартских и ассирийских идеограмм и детерминативов.

Особо следует отметить исследование эпиграфических памятников, обнаруженных при археологических раскопках в Мцхета и имеющих исключительное значение для изучения культурной жизни и государственного строя Грузии в первых веках н. э.

Как выяснило специальное исследование (проф. Г. В. Церетели), письмо обнаруженных при раскопках в Мцхета надписей представляет собой своеобразную ветвь арамейского письма, известного в настоящее время в науке над названием армазского. В связи с открытием армазского письма был вновь поставлен вопрос о происхождении грузинского письма. В специальном исследовании, посвященном этому вопросу, проф. Г. В. Церетели усматривает генетическую связь армазского письма с грузинским, которое в некоторых случаях обнаруживает бо́льшую архаичность, чем армазское.

Грузинские арабисты вели успешную работу по изучению классического арабского языка. Вопросам структуры арабского глагола, а также других частей речи посвящен ряд ценных работ доц. А. С. Лекиашвили. Предметом специального изучения является также язык документов, писанных по-арабски и касающихся истории народов Кавказа (проф. Г. В. Церетели, Т. С. Маргвелашвили). Ассистент Л. Г. Чиалашвили посвятила свои труды исследованию вопросов классической арабской поэзии. Ей же принадлежит художественный перевод прогрессивного арабского писателя Таха Хусейна. Значительная работа проведена по изучению арабских диалектов (проф. Г. В. Церетели, доц. В. Г. Ахвледиани). Изучение вновь открытых в Средней Азии (Узбекская ССР) арабских диалектов в значительной степени является заслугой грузинских арабистов. Ездившей в Среднюю Азию в 1935 г. экспедиции грузинских арабистов удалось установить наличие двух самостоятельных арабских диалектов, генетически связанных с бедуинскими диалектами Ирака.

Тбилиси является одним из немногих научных центров, где ведется планомерное изучение современных арамейских диалектов, в частности языка урмийских арамейцев. Доц. К. Г. Церетели посвятил ряд исследований фонетическим и морфологическим особенностям этого языка.

Велась также работа по изучению иранских языков. Проф. Г. С. Ахвледиани посвящает ряд исследований изучению древнеперсидских клинописных текстов, а также Авесте. Ему же принадлежит ряд статей по осетинскому языку (Троякого рода t в осетинском языке, 1923; Dativus praedicativus в осетинском языке, 1923). К истории осетинского языка, I, 1935; «Ялгузидзе и его труды», II, 1936, и др.).

Грузинские туркологи (С. С. Джикия) опубликовали ряд турецких исторических документов, касающихся Грузии. Особо следует отметить «Пространный реестр Гюрджистанского вилайета» (т. I, 1941 и т. II, 1947, доц. С. С. Джикия). Значение этого издания определяется содержащимися в нем весьма ценными материалами относительно различных сторон исторической жизни Грузии и Турции. Помимо того, что этот памятник, составленный турецкими официальными кругами, неоспоримо подтверждает непререкаемые исторические права Грузии на исконные грузинские территории, хищнически отторгнутые Турцией, он является документом, имеющим исключительную ценность для изучения вопросов грузинско-турецких политических и культурно-исторических взаимоотношений в XVI в. Ряд работ посвящен изучению структуры и истории турецкого языка.

Проведена большая работа по составлению учебников для изучения языков Востока. В настоящее время подготовлены и частично опубликованы следующие учебники и учебные пособия: Арабская хрестоматия, Арабско-грузинский словарь к хрестоматии (проф. Г. В. Церетели), Парадигмы глагольных форм классического арабского языка (доц. А. С. Лекиашвили), Древне-еврейская хрестоматия со словарем (проф. Г. В. Церетели), Арамейская хрестоматия со словарем (доц. К. Г. Церетели), Персидская хрестоматия (проф. Ю. И. Абуладзе), Персидские тексты (доц. В. С. Путуридзе), Турецкая хрестоматия (С. С. Джикия) и т. д.

Значительная работа проведена также по подготовке кадров. В Тбилисском государственном университете им. Сталина и в Институте языкознания АН Грузинской ССР работает ряд молодых специалистов по всем важнейшим отраслям востоковедения.

* * *

Начало интенсивной разработки грузинской научной терминологии тесно связано Великой Октябрьской социалистической революцией. Вначале дело создания и вообще упорядочения грузинской научной терминологии было поручено Государственному ученому Совету (ГУС) под председательством акад. И. А. Джавахишвили.

В 1925 г. разработка грузинской научной терминологии перешла в ведение особой организации — Центрального научного терминологического комитета (ныне Отдела научной терминологии Института языкознания). С 1925 г. и до настоящего времени руководит разработкой научной терминологии проф. В. М. Беридзе.

За этот период Отдел научной терминологии разработал терминологию по различным отраслям науки и техники, бо́льшая часть которых ранее не имела научной традиции. Опубликовано 26 отраслевых терминологий (под редакцией В. М. Беридзе), нашедших широкое практическое применение.

Таковы: I. Математическая терминология (1925); 2. Строительный словарь (1926); 3. Терминология профессий (1928); 4. Терминология физики и электротехники (1928);

5. Счетная терминология (1928); 6. Терминология литературы и языкознания (1928); 7. Терминология нормальной анатомии (1930); 8. Терминология библиотековедения, библиографии и полиграфического производства (1932); 9. Терминология клинического акушерства и гинекологии (1934); 10. Техническая терминология (1935); 11. Материалы социально-экономической терминологии (1936); 12. Сельскохозяйственная терминология. I. Растениеводство (1938); 13. Сельскохозяйственная терминология. II. Энтомология (1938); 14. Геологическая и палеонтологическая терминология (1941); 15. Техническая терминология для ремесленных училищ (1942); 16. Математическая терминология (1945); 17. Учетная терминология (1946); 18. Краткая горно-техническая терминология (1947); 19. Экономическая терминология (1947); 20. Медицинская терминология (1947); 21. Радиотехническая терминология (1947); 22. Автотракторная терминология (1950); 23. Металлургическая терминология (1949); 24. Терминология почвоведения (1950); 25. Терминология учета и статистики (1950).

Из числа поименованных особо следует отметить:

«Терминологию нормальной анатомии» (составитель проф. А. Н. Натишвили), в свое время служившую почти единственным научно-терминологическим подспорьем в медицине;

«Терминологический словарь по библиотековедению, библиографии и полиграфическому производству» (составленный коллективом специалистов);

«Техническую терминологию» (составленную коллективом специалистов), которая разрабатывалась на протяжении ряда лет и до настоящего времени служит сводом основных терминов почти по всем отраслям техники. Многие термины «Технической терминологии» широко употребительны и вошли в литературный обиход грузинского языка;

«Растениеводство» (А. К. Макашвили), разработанное в основном на базе народной лексики сельского хозяйства;

«Геологическую терминологию» (составители — Г. А. Ломтатидзе, М. В. Попхадзе и др.), разработанную тщательно по всем разделам геологии;

«Медицинскую терминологию» (составитель проф. З. Н. Майсурадзе), в которой широко использованы богатые материалы грузинских письменных источников и грузинской народной лечебной терминологии;

«Экономическую терминологию» (составители П. К. Гугушвили и П. Кучаидзе), которая охватывает большой фактический материал.

«Автотракторную терминологию» (составитель В. П. Омиадзе), являющуюся известным показателем роста этой важной области технических наук, и др.

По линии обслуживания нужд культурного строительства нашей страны, помимо терминологической работы, следует отметить работу по унификации норм современного грузинского литературного языка. Еще в 1936 г. Наркомпросом был опубликован сборник: «Нормы литературного грузинского языка» с докладами по спорным вопросам литературного языка и с соответствующими постановлениями, обязательными к руководству.

С 1946 г. при Академии Наук Грузинской ССР создана «Государственная комиссия по унификации норм литературного грузинского языка» (председатель — акад. С. Н. Джанашиа, после его смерти в 1947 г.— проф. А. Г. Шанидзе).

Комиссия подготовила к опубликованию новое издание «Сборника норм по спорным вопросам».

Составлена «Грамматика грузинского языка» (I. Морфология, II. Синтаксис, проф. А. Г. Шанидзе) для средней школы; «Грамматика русского языка» для грузинских школ (проф. Г. С. Ахвледиани, 1942).

Издан «Орфографический справочник грузинского языка» (проф. В. Т. Топуриа и доц. И. М. Гигинейшвили).

Изданы школьные словари: «Русско-грузинский» (проф. В. Т. Топуриа и проф. С. Г. Каухчишвили) и «Грузинско-русский» (проф. Г. С. Ахвледиани и проф. В. Т. Топуриа). Изданы «Русско-грузинский словарь» (проф. Г. С. Ахвледиани и С. Г. Иорданишвили, т. I *А — З*, 1931, 358 стр.; т. II *И — Н*, 1936, 392 стр.), «Русско-грузинский словарь» (проф. Ю. И. Абуладзе, 1926), а также учебные словари: французско-грузинский, немецко-грузинский, англо-грузинский и др.

Изданы: «Словарь иностранных слов» (И. Имедашвили, 1928), «Словарь иностранных слов» (проф. Г. С. Ахвледиани, 1931).

Издан «Словарь фигуральных выражений грузинского языка» писателя Ф. Сахокиа (1950); «Словарь синонимов грузинского языка» (А. Нейман, 1951).

Издан двухтомный «Грузинско-русский словарь» К. Датикашвили под редакцией доц. С. М. Вачнадзе (1948).

Тбилисским университетом имени Сталина издан большой однотомный «Русско-грузинский словарь» (1937, 1132 стр.).

Ныне готовится новое издание большого однотомного Русско-грузинского словаря (редактор нового издания — проф. Г. С. Ахвледиани); вслед за тем будет приступлено к составлению четырехтомного Русского-грузинского и Грузинско-русского словарей.

***

Выше дано обозрение основных результатов языковедческой работы в Советской Грузии. Сделано немало, но проделанная работа оказывается далеко недостаточной, если сравнить ее с тем, что нужно было сделать. Особенно мало сделано по изучению истории картвельских и других иберийско-кавказских языков.

Слов нет, нелегко было работать в этой области, когда господствовала элементная палеонтология Н. Марра, когда генеалогическая классификация языков, родство языков по происхождению и сравнительно-историческое изучение языков квалифицировалось последователями Марра, как формализм, буржуазный компаративизм, расизм и т. д. и т. п.

Классический труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» избавил советское языкознание от господства антимарксистской теории Н. Марра и, заложив подлинно научные, марксистские основы языкознания, открыл новые перспективы мощного развития языковедческой мысли.

Ныне грузинские языковеды в тесном сотрудничестве со всеми советскими языковедами свои коллективные усилия направляют на то, чтобы преодолеть имеющееся отставание, чтобы создать работы, достойные Сталинского этапа в языкознании.

А. С. Чикобава, Г. В. Церетели, В. М. Беридзе

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ОРФОГРАФИИ

В 1951 г. Орфографическая комиссия АН БССР опубликовала «Проект изменений и уточнений белорусского правописания», который вызвал большой интерес со стороны общественности республики. На страницах республиканской печати началось оживленное обсуждение «Проекта». В адрес Орфографической комиссии стали поступать многочисленные письма с критикой «Проекта» и с конкретными предложениями позитивного характера.

Институт языкознания АН БССР провел в Минске итоговую научную конференцию, посвященную обсуждению вопросов современной белорусской орфографии. Конференция проходила 25—26 января 1952 г., в ней приняли участие представители партийных и советских организаций республики, работники высших учебных заведений и научных учреждений, преподаватели педагогических училищ, газетные и издательские работники, а также представители Института языкознания АН СССР и Института языкознания АН УССР.

Конференцию открыл вице-президент АН БССР, действ. член АН БССР К. М. Мицкевич (Якуб Колас).

В своем вступительном слове он отметил, что конференция собралась в весьма знаменательное для языковедческой науки время. В 1950 г. появились гениальные труды И. В. Сталина по вопросам языкознания, которые обосновали марксистскую теорию общего языкознания, вооружили советских ученых действенной программой для успешного разрешения как теоретических, так и практических вопросов языкознания, покончили с антимарксистской теорией Н. Я. Марра.

Развивая и направляя марксистское языковедение, товарищ Сталин заботится о подъеме культуры всех народов Советского Союза. Его отеческую заботу ежедневно чувствует и белорусский народ.

1 октября 1951 г. ЦК ВКП(б) принял решение о создании в системе Академии Наук БССР Института языкознания. Это постановление — большое событие в научной и культурной жизни белорусского народа. Оно создает все условия для успешного развертывания научно-исследовательской работы в области изучения грамматического строя и основного словарного фонда белорусского языка, в разработке вопросов истории и диалектологии, лексикологии и лексикографии.

Одной из важнейших задач белорусского языкознания является уточнение и нормализация современной белорусской орфографии, придание ей устойчивости и единообразия.

Современная белорусская орфография, к сожалению, не вполне отвечает этим требованиям. Свидетельством этого является разнобой в написании одних и тех же слов в разных газетах, журналах и даже учебниках. Поэтому Орфографическая комиссия АН БССР пересмотрела правила правописания, принятые в 1933 г., и сочла необходимым изменить и уточнить некоторые из них. «Проект изменений и уточнений белорусской орфографии» и выносится на обсуждение конференции. К. М. Мицкевич (Якуб Колас) выразил уверенность, что конференция, руководствуясь великим учением

И. В. Сталина о языке, всесторонне и детально рассмотрит подготовленный «Проект» и поможет успешно разрешить сложные и спорные вопросы белорусской орфографии.

После вступительного слова участники конференции заслушали доклад директора Института языкознания АН СССР акад. В. В. Виноградова «Задачи советской науки в области языка в свете трудов товарища Сталина по вопросам языкознания».

Указав на огромное теоретическое значение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания, акад. В. В. Виноградов в своем докладе подробно остановился на важнейших проблемах советской науки о языке, о их конкретном применении к белорусскому языкознанию и наметил основные направления исследовательской работы в этой области. Один из разделов доклада был посвящен теоретическим вопросам орфографии.

С докладом «Вопросы современного белорусского правописания в свете сталинского учения о языке» выступил директор Института языкознания АН БССР, действ. член АН БССР К. К. Атрахович (Крапива).

Приведя слова И. В. Сталина о том, что язык есть средство общения между людьми, докладчик подчеркнул, что использование письменного языка значительно расширяет возможности общения между членами общества. Особенно возросло значение письменного языка в нашу эпоху сплошной грамотности. Письменный язык должен иметь известные нормы. Одним из средств нормализации письменного языка является правописание. Оценка орфографии должна производиться с точки зрения того, насколько она способствует нормализации письменного языка, в какой мере орфография основывается на законах общенародного языка. Вследствие этого обсуждение и разрешение вопросов орфографии является ответственной задачей. Необходимо также отметить, указал докладчик, что всякое изменение орфографии имеет свои отрицательные стороны: оно вызывает временное колебание орфографических норм и связано со значительной затратой государственных средств. Однако материалы обсуждения «Проекта» (см. «Настаўніцкую газэту»), многие письменные и устные высказывания свидетельствуют о том, что изменения в белорусской орфографии необходимы. При существующих правилах орфографии неизбежен разнобой в печати, который очень затрудняет обучение.

Основная причина недостатков белорусской орфографии заключается в ее внутренней противоречивости и непоследовательности. Правила белорусского правописания, построенного в значительной степени на фонетическом принципе, соблюдаются непоследовательно: в одних случаях эти правила распространяются на всю лексику, свою и иноязычную, без исключений, в других — с известными исключениями, в ряде случаев они охватывают всю восточнославянскую лексику, в некоторых — только лексику белорусскую. А так как иногда практически невозможно разграничить указанные лексические слои, то даже вполне грамотные люди пишут по-разному. Относительно причин разнобоя в современном белорусском правописании разногласий нет, но относительно мер по его ликвидации были высказаны самые различные точки зрения.

Одни товарищи предлагают коренным образом реформировать белорусское правописание, сделать морфологический принцип ведущим и отказаться от передачи на письме аканья, яканья, дзеканья и цеканья. Сторонники этого предложения указывают, что при таком принципе правописания слово сохраняет на письме ясную морфологическую структуру, правописание получает устойчивый характер, белорусские и заимствованные слова будут писаться однотипно. Однако последовательное проведение морфологического принципа, говорит докладчик, имеет и свои отрицательные стороны. Главнейшие из них следующие:

1. Переход на правописание по морфологическому принципу означал бы коренную ломку существующего правописания. Такая ломка могла бы быть оправдана лишь в том случае, если бы существующее правописание было бы непригодно в целом.

2. Последовательно проведенный морфологический принцип (а по существу этимологический) нарушил бы последовательную передачу специфических звуковых особенностей белорусского языка.

3. Нельзя не считаться с орфографической традицией белорусского языка, которая существует уже десятки лет.

Другие товарищи, продолжал докладчик, наоборот, рекомендуют распространить фонетический принцип и на правописание заимствованных слов, т. е. писать *сязон*, *пярон*, *ракорд*, *шадзеур* и т. д. Но в этом случае многие заимствованные слова потеряли бы свой привычный графический облик, а вслед за этим изменилось бы и их произношение. Особенно отчетливо это появилось бы в словах, представляющих несколько белорусских особенностей, например: *Ацела*, *дзяло* и т. д.

Большинство высказавшихся по поводу «Проекта» (устно или письменно) считает, что белорусское правописание не требует коренной ломки, что нужно лишь устранить существующий разнобой в орфографии. Замечания и предложения указывают на недостатки действующего правописания и ориентируют на доработку его.

Далее К. К. Атрахович рассказывает конференции о тех соображениях, которыми руководствовалась Орфографическая комиссия АН БССР, составляя обсуждаемый «Проект». Комиссия исходила из того факта, что ведущий принцип правописания уже существует, что белорусская орфография, основанная на фонетическом принципе,

уже является действующей. Одним из основных недостатков существующего правописания, указывает докладчик, является то, что большинство орфографических правил, основанных на фонетическом принципе, распространяется только на белорусскую лексику, тогда как правописание заимствованных слов в основном следует принципу морфологическому. Заимствованные слова «экстерриториальны» в белорусском языке, их правописание передает такое звучание, которое несвойственно белорусскому языку. Существующее белорусское правописание требует, чтобы пишущий обязательно различал слова свои и слова заимствованные. Очень часто этого сделать невозможно, и тогда пишущий остается беспомощным. Даже собственные имена *Сергей*, *Александр*, *Валентин* и др. имеют графические варианты, потому что нужно отличать белорусских *Сергеев*, *Александров* и *Валентинов* от русских и украинских. А это можно сделать, лишь посмотрев в паспорт. Создавая «Проект изменений и уточнений белорусского правописания», Орфографическая комиссия стремилась к тому, чтобы подчинить новым правилам правописание любого слова современного белорусского языка и вместе с тем сохранить передачу на письме важнейших фонетических особенностей белорусского языка.

Далее К. К. Атрахович переходит к конкретному рассмотрению «Проекта».

В первом разделе («Аканье») предлагается сохранить передачу звука на месте безударного *о* посредством *а*, что отражает основную черту белорусского безударного вокализма после твердых согласных. Это правило за очень небольшими исключениями распространяется на правописание всей лексики, независимо от ее происхождения. Существующий разнобой вытекает из многочисленных исключений, о которых говорилось выше. Правило передачи звука на месте безударного *о*, сформулированное в «Проекте», ликвидирует ничем не оправданный разнобой при написании, например, интернационально-революционных слов: надо писать *савет*, *бальшавік*, а не *совет*, *большэвік*.

Относительно передачи звука на месте безударного *е* после так называемых отвердевших согласных (*дж*, *ж*, *ч*, *ш*, *р*, *ц*.) Орфографическая комиссия не смогла создать единого правила и вследствие этого не добилась цели. После отвердевших согласных «Проект» рекомендует писать *э* или *а* согласно произношению, однако в произношении тоже нет единообразия: одни говорят *рэдактор*, *рэмонт*, другие — *радактор*, *рамонт*. Ориентация на произношение не может привести к созданию стабильных написаний. Поэтому Орфографической комиссии пришлось разделить лексику белорусского языка на свою и заимствованную, т. е. в данном случае сохранить основной недостаток правописания 1933 г. Устранить это противоречие можно было бы двояким способом: 1) или сохранить передачу звука на месте безударного *е* после отвердевших согласных посредством буквы *э* и в белорусской лексике (т. е. писать *жэнчына*, *шэптун*, *кошэчка*), 2) или передавать этот звук буквой *а* во всей заимствованной лексике. Орфографическая комиссия, не остановившись на одном из этих способов, не смогла выработать единого правила. В «Проекте» безударное *е* после отвердевших согласных рекомендуется передавать в зависимости от общепринятого произношения или буквой *а* или *э*. При этом выделяется ряд слов, где написание *э* обязательно.

«Проект» рекомендует отказаться от передачи на письме яканья. Докладчик мотивирует это предложение тем, что в первом предударном слоге после мягких согласных звук, произносимый на месте *е*, представляет собой нечто среднее между звуками *е* и *а*. Поэтому написания типа *весна*, *земля* довольно точно передают реальное звучание. При таком написании достигается единообразие в передаче на письме как белорусских, так и иноязычных слов.

Во втором разделе «Проекта» («Дзеканье и цеканье») белорусская лексика отделяется от иноязычной. Это правило недоработано, так как опирается на произношение, которое само является колеблющимся, особенно произношение мягких *д*, *т* перед *е*. Для фонетики белорусского языка в сочетании с *е* характерны мягкие согласные, поэтому надо решительно смягчать и *д* и *т* в этой позиции, т. е. произносить, а следовательно, и писать *дз* и *ц*.

Правило правописания окончаний род. п. ед. ч. существительных мужск. рода очень несовершенно, оно не имеет единого принципа. Оно опирается на семантику, что допускает ряд субъективных толкований. «Проект» вносит несколько бо́льшую определенность в это правило, хотя нельзя сказать, что оно сформулировано вполне удовлетворительно. Поправки к существующему правописанию глаголов и числительных опираются на грамматические нормы, свойственные данным категориям в центральных говорах БССР, легших в основу белорусского литературного языка.

Докладчик отмечает, что в белорусском языке есть очень много общих черт с русским, но в нем также есть и свои специфические особенности, которые определяют его качественное своеобразие. Конечно, не все звуковые особенности языка можно и нужно отражать в правописании. При этом нужно помнить, что не все черты белорусского языка являются действительно исконными. Многие «особенности» белорусского языка искусственно создавались буржуазными националистами. Вредным было и их словотворчество.

В своей работе, говорит докладчик, Орфографическая комиссия исходила из тех идей, которые заложены в гениальных трудах И. В. Сталина по вопросам языкознания.

Все то, что комиссия сделала, выносится на обсуждение конференции. Заканчивая свой доклад, К. К. Атрахович призвал всех участников конференции принять активное участие в обсуждении «Проекта».

После доклада развернулось обсуждение «Проекта». В прениях выступили многие участники конференции. Основной темой был вопрос о взаимоотношении фонетического и морфологического принципов в белорусском правописании, о границах расширения сферы действия одного за счет соответственного сужения сферы действия другого.

Одни выступавшие говорили о необходимости расширения области применения фонетического принципа в белорусском правописании, другие, наоборот, требовали превращения морфологического принципа чуть ли не в единственный и, во всяком случае, решительно преобладающий. Сторонников последней точки зрения было меньшинство. Подавляющее большинство выступавших высказало мысль о том, что существующее правописание не требует реформы, а нуждается лишь в некоторых уточнениях и изменениях.

Канд. филол. наук доц. Н. Т. Войтович (Минский пединститут), опираясь на данные белорусской диалектологии, говорила о том, что аканье и яканье являются характерными особенностями всего белорусского языка в целом. В центре БССР распространено аканье недиссимилятивное, в восточной части — аканье диссимилятивное, которое тоже не противоречит передаче звука на месте безударного *о* в первом предударном слоге при помощи буквы *а*, потому что и при этом типе аканья в первом предударном слоге в большинстве позиций будет звучать *а* на месте безударного *о*. В центральных говорах БССР, легших в основу литературного языка, распространено сильное яканье. В других районах республики распространены другие типы яканья, преимущественно яканье диссимилятивное. Таким образом, фонетика современного белорусского языка в целом прежде всего характеризуется аканьем и яканьем, которые являются живыми фактами языка. Поэтому Орфографическая комиссия должна найти способ передачи на письме белорусского яканья (передача аканья в «Проекте» предусмотрена. — *И. О.*), потому что белорусское письмо не должно игнорировать особенности белорусского языка. Это выступление с достаточной полнотой отразило точку зрения большинства выступавших.

Другой взгляд высказал П. Я. Юргилевич (Могилевский пединститут), который рекомендовал внести коренные изменения в белорусское правописание, основанные на более широком применении морфологического принципа. Приведя ряд аргументов в пользу морфологического принципа правописания, П. Я. Юргилевич предложил отказаться от передачи на письме аканья и яканья, подчеркнув, что если аканье — живая норма современного белорусского языка, то яканье — пережиток. При изменении правописания нельзя следовать за произношением. Кратко остановившись на истории белорусской орфографии, П. Я. Юргилевич отметил движение ее в сторону морфологического принципа; однако это движение он считает недостаточно решительным и поэтому рекомендует Орфографической комиссии более последовательно внедрять морфологический принцип в новое правописание.

Все остальные выступавшие высказались за передачу на письме белорусского аканья, т. е. присоединились к точке зрения Орфографической комиссии. Предметом спора являлись лишь детали норм правописания, изложенные в разделе «Аканье». Что же касается передачи на письме яканья, то здесь мнения разделились: одни считали необходимым сохранить прежнее правописание, другие присоединились к предложению Орфографической комиссии отказаться от передачи на письме яканья и писать *весна*, *земля* вместо *вясна*, *зямля*.

Доц. М. И. Жиркевич (Белорусский госуниверситет) в своем выступлении остановился на учебно-методической стороне обсуждаемого вопроса. Он отметил, что особенно остро ощущают недостатки существующего правописания учителя, потому что противоречивость ряда существующих орфографических правил сильно затрудняет процесс обучения правописанию. Предложение Орфографической комиссии не передавать на письме яканье М. И. Жиркевич считает вполне целесообразным. В защиту передачи яканья на письме выступили тов. Вербило (Минское педучилище), А. Клочко (Партшкола при ЦК ВКП(б) Белоруссии), Н. Татур (Белорусское издательство), М. Марченко (Брестское педучилище) и др. Против этого высказались доц. А. Бирало (Белорусский университет), А. Борисовец (Брестский пединститут) и др.

На конференции выступили также научные сотрудники Института языкознания АН СССР и Института языкознания АН УССР.

Доктор филол. наук проф. В. И. Борковский подчеркнул важность обсуждаемой проблемы. Нормы орфографии, сказал он, вытекают из норм орфоэпии, но возможно в отдельных случаях и обратное влияние. Когда говорят о тех или иных языковых нормах, имеют в виду нормы того диалекта, который лег в основу литературного языка. Но при этом необходимо учитывать и нормы других диалектов, хотя и в значительно меньшей степени.

Аканье в широком смысле является характерной чертой белорусского языка в целом, поэтому передачу звука на месте безударного *о* буквой *а* нужно сохранить. Что же

касается передачи звука на месте безударного *е*, то здесь можно пойти на сближение с русской орфографией и принять рекомендуемые «Проектом» написания *весна*, *земля*.

«Проект» правильно рекомендует расширение применения морфологического принципа, которому при прочих равных условиях должно отдаваться предпочтение. Уступка морфологическому принципу в «Проекте» представляется значительной, хотя в отношении передачи гласных звуков фонетический принцип и остается господствующим.

Далее В. И. Борковский останавливается на некоторых недостатках «Проекта» и вносит свои предложения. Так, он считает, что авторы «Проекта» не вполне последовательны, предлагая безударное *е* после отвердевших согласных передавать буквами *а* и *э*, и рекомендует избрать какой-либо один способ передачи, например писать *э*, т. е. *рэволюция*, *рэка*, *цэна* и т. д.

Член-корр. АН УССР И. Н. Кириченко (Институт языкознания АН УССР) поделился опытом работы Института над усовершенствованием украинского правописания и кратко изложил его историю, начиная с 1921 г. Говоря о проекте правописания, утвержденном в 1946 г., он подчеркнул, что работа над этим проектом, проходившая в напряженное военное время, свидетельствует о том огромном внимании, которое партия и правительство уделяют культурным потребностям народа. Далее И. Н. Кириченко охарактеризовал действующее ныне в УССР правописание 1946 г. В основу этого правописания были положены верные принципы. Это — урегулирование действующего правописания, сохранение того, что уже прочно установилось, сохранение народных основ правописания, ориентация на специфику украинского языка, опеспечение по возможности единства с правописанием братских народов Советского Союза, особенно с русским правописанием, унификация вариантов написаний и пр.

Канд. филол. наук доц. И. А. Оссовецкий (Институт языкознания АН СССР) отметил, что «Проект» подвергся серьезной критике главным образом с точки зрения школьного преподавания и издательской практики. Он указал, что письмо всегда расходится с произношением, что не следует стремиться к максимально точной передаче реального звучания, ибо в таком случае это уже будет фонетическая транскрипция, которая необходима только для научных целей. Он отметил, что в «Проекте» нет четкого разграничения между орфографией, орфоэпией и грамматикой, вследствии чего в нем нашли место такие факты, которые по существу не относятся к проблемам орфографии.

Доктор филол. наук проф. Р. И. Аванесов (Институт языкознания АН СССР) отметил, что составление правописания представляет собой наиболее трудную задачу прикладного языкознания. Изменение уже существующего правописания еще труднее, потому что в этом случае ученые скованы существующей орфографией, которую игнорировать нельзя. Коренные изменения в орфографии вообще возможны, но обычно на коренную ломку идут неохотно. По отношению к белорусской орфографии стоит вопрос не о реформе, а об улучшении, потому что белорусское правописание нуждается в таком улучшении. Изменение орфографии должно исходить из такого принципа: при наименьшем изменении — наибольшее единство.

Р. И. Аванесов указывает, что нужны не только изменения, но и свод всех орфографических правил. Этим должна заняться Орфографическая комиссия. Другая очень важная задача, по его мнению,— это составление орфографических словарей.

В заключительном слове К. К. Атрахович отметил, что положительной чертой конференции является активность ее участников. Почти все выступавшие говорили о том, что в белорусском правописании есть недостатки, что их необходимо исправить, но в реформе необходимости нет. Наибольшие споры вызвали правила, изложенные в первом разделе («Аканье»), в частности правила, относящиеся к передаче на письме яканья. Замечания выступавших, сказал докладчик, будут учтены Орфографической комиссией во время дальнейшей работы над окончательным оформлением «Проекта».

Заключительным словом К. К. Атраховича закончилась двухдневная работа конференции. Председательствующий, член-корр. АН БССР П. Ф. Глебко поблагодарил от имени Института языкознания АН БССР всех участников конференции и выразил уверенность в том, что работа конференции поможет окончательно доработать «Проект изменений и уточнений белорусского правописания».

И. А. Оссовецкий

ОБСУЖДЕНИЕ СТАТЬИ «ЗА ТВОРЧЕСКУЮ РАЗРАБОТКУ ПРОБЛЕМ ЯЗЫКОЗНАНИЯ», ПОМЕЩЕННОЙ В «ПРАВДЕ»

17—18 января 1952 г. состоялось заседание Ученого Совета Института языкознания АН СССР. На повестке заседания было обсуждение опубликованной в «Правде» 15 декабря 1951 г. статьи тт. Сухотина, Серебренникова и Джикаевой «За творческую разработку проблем языкознания».

Открывая заседание Ученого Совета, директор Института акад. В. В. Виноградов указал, что настоящее заседание Ученого Совета является откликом на статью, опубликованную в «Правде». Серьезной ошибкой Института является то, что марристские ошибки в работах сотрудника Института проф. В. И. Абаева не были своевременно подвергнуты серьезной критике, тем более, что проф. В. И. Абаев сам до сих пор не выступил публично с критикой ряда своих антимарксистских положений. Ученый Совет должен помочь проф. В. И. Абаеву преодолеть ошибки, допущенные им в его прежних работах, и, вместе со всеми советскими языковедами, включиться в работу по внедрению марксизма в языкознание.

С докладом «О марристских ошибках В. И. Абаева в работах по вопросам языкознания» выступил заместитель директора Института языкознания Б. А. Серебреников. Докладчик подчеркнул, что проф. Абаев был не только ближайшим учеником Н. Я. Марра, но и одним из активных сторонников «нового учения» о языке. В статьях 30-х годов, когда обнаружился кризис «нового учения» о языке, проф. Абаев пытался обновить это учение. В статье «О фонетическом законе» («Язык и мышление», 1933, I) проф. Абаев пытается объяснить различные процессы изменения звуков, наблюдаемые в языках, только семантическими сдвигами. В работе «Язык как идеология и язык как техника» («Язык и мышление», 1934, II) проф. Абаев не просто излагает порочные положения «нового учения» о языке, но пытается развивать их, умело маскируя слабые стороны этого «учения». Переоценивая семантику и игнорируя внутренние законы развития языка, проф. Абаев пытается развить дальше положения Н. Я. Марра о примате семантики и для этого вводит понятие «технической» и «идеологической» семантики. Понятие идеологической семантики служит проф. Абаеву исходным пунктом для построения метафизической теории «технизации» речи. В основе своей эта теория эклектична: она непосредственно опирается на идеалистическую теорию Леви-Брюля о взаимоотношении «ядра» и «оболочки». Под влиянием этой теории В. И. Абаев объясняет процесс «технизации» как процесс семантического сужения, редукции «оболочечных» значений («утраты существующей между различными элементами речи идеологической связи») и усиления «технического» значения слов, «устойчивого технически-эмпирического, ядра имеющего корни в предметной действительности». В связи с этим грамматика рассматривается им как совокупность технизованных средств, язык отождествляется с идеологией и тем самым объявляется надстроечной категорией. Построенная на порочной идее «ядра», теория «технизации» развивается проф. В. И. Абаевым и в его последующих работах («Понятие идеосемантики», «Язык и мышление», 1948, XI). В плане теории «технизации» стадиальность развития языка представляется как замена сдвигов и «закономерностей» языковой идеологии сдвигами и «закономерностями» языковой техники. Развивая теорию «технизации» без учета процессов семантической ассоциации, явно и однобоко сужая развитие контекстуальных значений, проф. В. И. Абаев смешивает идеологию с первичными ассоциациями, т. е. с признаками, на основе которых происходила первоначальная номинация и которые не имеют никакого отношения к идеологии.

Теория «технизации» явилась методологической опорой для последователей Марра. Она открывала пути для отрицания связи языка и мышления; с помощью этой теории становилось возможным «воскрешение» пресловутого «палеонтологического анализа». Докладчик подчеркнул, что хотя проф. Абаев и не пользовался непосредственно четырехэлементным анализом, но, как показывает его теория «технизации», он стремился усовершенствовать и обосновать методы этого анализа.

Критического рассмотрения и оценки требуют последние работы проф. Абаева: в них основные положения теории Марра (о надстроечном характере языка, о происхождении языков в процессе скрещивания, о стадиальности их развития и др.) представлены в завуалированном, а следовательно, в наиболее опасном виде. В этих работах обнаруживаются тенденции к идеализации прошлого осетинского народа. Отправляясь от марровской теории скрещения языков, проф. В. И. Абаев создал теорию о двуприродности осетинского языка, согласно которой осетинский язык рассматривается как продукт скрещения языка иранского типа с языком кавказским. В действительности же осетинский язык является языком иранского типа, а кавказский язык оставил в нем лишь незначительные следы. Работы проф. В. И. Абаева по осетинскому фольклору объективно способствовали проявлению нездоровых явлений националистического характера: выступления его учеников в Осетии (см. «Социалистическая Осетия», 13 марта 1951 г.) дезориентировали и осетинского читателя и всю советскую общественность.

Не отрицая научной ценности этимологических словарей, в том числе и составляемого проф. Абаевым «Этимологического словаря осетинского языка», Б. А. Серебренников подчеркнул, что в условиях напряженной борьбы всех советских языковедов за внедрение марксизма в языкознание, за решительный отказ от всех ошибок Марра, исключительное внимание В. И. Абаева к этимологическим исследованиям нельзя расценивать иначе, как уход от разработки актуальных проблем советского языкознания. Упорное уклонение от самокритического анализа своих марристских ошибок характеризует позицию В. И. Абаева как позицию не просто неправильную, но глубоко порочную.

Выступавшие в прениях и. о. зав. сектором кавказских и иранских языков Ю. Д. Дешериев, старший научный сотрудник Е. А. Бокарев, проф. В. М. Жирмунский и ученый секретарь Института языкознания Б. В. Горнунг развивали и дополняли положения, выдвинутые в докладе Б. А. Серебренникова.

И. о. зав. сектором кавказских и иранских языков Института языкознания Ю. Д. Дешериев признал, что в Секторе слабо поставлена работа по критическому пересмотру работ сотрудников Сектора — бывших сторонников теории Марра. В Секторе еще есть сотрудники, бывшие сторонниками «нового учения» о языке, которые не выступили с развернутой критикой своих прежних ошибок. К числу их принадлежит и проф. В. И. Абаев. Ю. Д. Дешериев сообщил о конкретных мероприятиях, которые Сектор намерен осуществить в целях развертывания критики работ проф. В. И. Абаева и других «учеников» и последователей Н. Я. Марра. Далее Ю. Д. Дешериев подробно остановился на критике выдвинутой проф. В. И. Абаевым ошибочной «теории» о двуприродном, скрещенном характере осетинского языка.

Старший научный сотрудник Института языкознания Е. А. Бокарев подчеркнул, что проф. В. И. Абаев в течение прошедших полутора лет ни разу не заявил о своем отказе от методологически порочной теории Марра. В своих прежних работах проф. Абаев пытался эклектически сочетать положения «нового учения» с элементами сравнительно-исторического метода. Говоря о двуприродности осетинского языка, проф. Абаев совершенно неверно трактует вопрос о скрещивании смежных языков. Е. А. Бокарев отметил, что научная общественность обеспокоена отказом проф. Абаева публично признать свои ошибки; развернутый анализ своих прежних ошибок является непременным условием дальнейшей плодотворной работы проф. В. И. Абаева в области изучения осетинского языка и в области общего языкознания.

В выступлении чл.-корр. АН СССР проф. В. М. Жирмунского был дан подробный анализ работ проф. Абаева по осетинскому фольклору. В. М. Жирмунский напомнил, что он сам в своих работах по среднеазиатскому фольклору допустил ошибки, которые подверглись серьезной и справедливой критике. К числу этих ошибок относится прежде всего погоня за параллелями «мирового масштаба», затемнявшими предмет исследования и приводившими к отрицанию национальной самобытности произведений народного творчества. Подобные ошибки повторяются и в находящейся в печати книге проф. Абаева «Осетинский язык и фольклор» (т. II). В этой работе автор стремится доказать «мировой» характер того или иного мотива (ср. выяснение происхождения мотива убийства сына, мотива чудесных яблок, мотива чудесной чаши и т. д.). В основе концепции В. И. Абаева лежит типичная для буржуазных фольклористов мифологизация фольклора и эпоса, возрождению которой в советской фольклористике усиленно содействовал Н. Я. Марр. Предвзятая точка зрения обнаруживается особенно ярко в приводимых проф. Абаевым этимологиях. Так, этимология слова *Нибелунги* вопреки фактам возводится им к космическому элементу: *нибелунги* — «дети тумана», «дети неба». Между тем известно, что у германцев с понятием «туман» связывалось представление не о небе, а о подземном мире. Та же тенденциозность обнаруживается в предлагаемой проф. Абаевым этимологии слова *нарты*. Книга свидетельствует о наличии у В. И. Абаева построений в духе Марра и настоятельно выдвигает перед автором необходимость осознания своих ошибок и самокритического пересмотра всей работы. В. М. Жирмунский особо остановился на вопросе о влиянии методологии Марра на среднеазиатскую и восточную фольклористику; извращения марксизма в этой области еще не раскрыты. Необходимость и актуальность постановки этого вопроса подтверждается наличием работ по фольклору, основанных на методологии «нового учения» о языке и не получивших до сих пор должной критической оценки. К числу таких работ относится работа С. П. Толстова «Древний Хорезм» (М., 1948), сборник «Мифология и фольклор народов Средней Азии» (1948) и др.

Ученый секретарь Института языкознания Б. В. Горнунг обратил внимание на то, что проф. В. И. Абаев, критикуя Н. Я. Марра, не считает нужным публично выступить с критической оценкой своей собственной научной позиции. Между тем в отдельных его статьях, которые с первого взгляда могли быть восприняты как решительный отход от «нового учения» о языке, основные положения этого «учения» остаются по существу непреодоленными. Тезис В. И. Абаева об особой скифо-сарматской ветви среди иранских языков, единственным и прямым продолжателем которой является осетинский язык, может способствовать возрождению местных националистических на-

строений. В то же время проф. В. И. Абаев некритически пользуется методами и теориями зарубежной науки (в частности, Дюмезиля).

Ученый секретарь Совета С. И. Ожегов огласил поступившие в Ученый Совет письменные отзывы на работы В. И. Абаева профессоров Б. В. Миллера и В. Я. Пропна. В своем письме проф. Б. В. Миллер подверг справедливой критике выдвинутое В. И. Абаевым идеалистическое понятие «идеосемантики», призванное связать теорию Марра с давно отвергнутыми советской наукой идеалистическими положениями буржуазной лингвистики. Проф. В. Я. Пропп, оценивая работу В. И. Абаева «Осетинский язык и фольклор» (т. II), указывает на порочность ее метода. Пользуясь сравнительно-историческим методом в его старой, идущей от Я. Гримма модификации, в соответствии со старыми приемами индоевропейской фольклористики, проф. Абаев все изучаемые им факты подгоняет под заранее заданную схему: усилия автора направлены на отыскание единого древнего мифологического субстрата. Эта тенденция перекрещивается с методологически порочными методами этимологизирования: этимологии слов выдвигаются только на основании первоначальных связей понятий с культовыми элементами (солнце, небо и т. д.). Идеализация родового строя приводит автора к неправильному пониманию и оценке старинного эпоса.

Выступление проф. В. И. Абаева не удовлетворило собравшихся. Настаивая на своей особой, «самостоятельной» позиции по сравнению с другими сторонниками «нового учения», проф. Абаев пытался доказать, что те ошибки, на которые указывали выступавшие, являются ошибками двадцатилетней давности и относятся к тому периоду, когда он, уверовав в революционную видимость теории Марра, закрывал глаза на ее вопиющие противоречия. Проф. Абаев в своем выступлении пытался доказать, что в его понимании теории скрещивания языков не было ничего общего со взглядами Марра. Наличие широковещательных заявлений марровского толка в своей работе «Осетинский язык и фольклор» проф. Абаев объясняет цензурными условиями «аракчеевского режима». В заключение проф. Абаев заявил о своем желании идти вместе со всеми советскими языковедами по пути, указанному сталинским учением. Именно так он расценивает свою работу по составлению этимологического словаря осетинского языка.

Ученый секретарь Президиума АН СССР проф. В. П. Сухотин в своем выступлении выразил удовлетворение прошедшим обсуждением статьи, опубликованной в «Правде». Это обсуждение доказало своевременность появления статьи; с другой стороны, оно свидетельствует об искреннем желании всего коллектива Института языкознания помочь проф. В. И. Абаеву стать на подлинно марксистский путь в научно-исследовательской работе. Проф. В. П. Сухотин сказал, что он удивлен выступлением В. И Абаева, который обошел основные вопросы критики и, игнорируя справедливые замечания, не опроверг ни одного из них. Внимание проф. Абаева было сосредоточено на том, чтобы подчеркнуть свое особое положение среди последователей Марра. Он признал себя только учеником Марра, в то время как в действительности проф. Абаев был ревностным последователем и теоретиком «нового учения», стремившимся развивать порочные положения этого «учения». Обращение проф. Абаева к сравнительно-историческому методу было вызвано стремлением спасти порочную методологию «нового учения», поставив на службу ему сравнительно-исторический метод. Проф. Абаеву следовало бы понять, что это было особенно вредно, так как придавало учению Марра наукообразную видимость. Охарактеризовав последние работы проф. Абаева, В. П. Сухотин показал, что и в них наблюдается эклектическое, порочное сочетание положений Марра с идеалистическими теориями буржуазной компаративистики. Идеализация родового строя осетинского народа, чрезмерное преувеличение его роли в истории народов Кавказа и в создании кавказского эпоса объективно содействовали оживлению националистических элементов в Осетии. Проф. Абаев ни разу публично не выразил своего отношения к лингвистической дискуссии и к трудам И. В. Сталина по вопросам языкознания. Его молчание послужило стимулом к проявлению рецидивов марризма. Все это говорит о том, что проф. Абаев не осознал вреда, принесенного им советскому языкознанию, и не понял необходимости отказа от ошибок акад. Марра.

В принятом Ученым Советом Института языкознания развернутом постановлении отмечается, что В. И. Абаев в прошлом был одним из убежденных сторонников и теоретиков «нового учения» о языке. В период господства «нового ученья» в советском языкознании он выпустил ряд работ, которые не только пропагандировали «учение» Марра, но и обнаруживали явную тенденцию развивать дальше порочные положения этого «учения». Подобно Марру, он злоупотреблял семантикой, что нашло свое яркое выражение в статье «О фонетическом законе». Желая укрепить марровское «учение», он нередко прибегал к эклектическому сочетанию положений Марра с разными другими взглядами. Его статья «Язык как идеология и язык как техника» наглядно показывает стремление сочетать марризм с индоевропеистикой. Извращенное понимание идеологии, смешение языка с идеологией и мировоззрением, «усовершенствование» марровской теории стадий путем перенесения стадиальности в область идеосемантики, неправильное понимание грамматики как совокупности технизованных средств, учение о прогрессирующей технизации и отрыв языка от мышления — таковы

грубейшие ошибки В. И. Абаева. Придерживаясь марровской теории скрещения, В. И. Абаев создал теорию о двуприродности осетинского языка. Превращение в абсолют гипотезы об иранизме всех скифов и об осетинах как их прямых преемниках создало почву для нездоровых националистических настроений в Осетии, выразившихся в идеализации прошлого осетин, в преувеличении культурной роли алан и их былого могущества. Несмотря на наличие грубейших ошибок в своих работах, В. И. Абаев не выступил до сих пор с их критикой, уклонялся от широкой работы в области марксистского общего языкознания и нигде публично не выразил своего отношения к лингвистической дискуссии.

Считая совершенно недопустимым подобное поведение В. И. Абаева и оценивая его выступление на Ученом совете 18. I.52 г. как недостаточно самокритичное и не содержащее конкретного анализа своих методологических ошибок, Ученый совет считает необходимым предложить В. И. Абаеву:

1) Выступить в печати с подробной критикой своих ошибок и дать теоретические статьи, отражающие его новые точки зрения.

2) Активно включиться в деятельность Института языкознания путем участия в сессиях, диспутах, коллективных докладах и т. п.

3) Сделать на заседании Сектора кавказских и иранских языков развернутый доклад о принципах составляемого им Историко-этимологического словаря осетинского языка.

4) Активно участвовать в работе журнала «Вопросы языкознания» путем помещения теоретических статей, направленных на дальнейшее развитие основных принципов сталинского учения о языке.

Е. Т. Черкасова

СОДЕРЖАНИЕ

В. В. Виноградов. Понятие внутренних законов развития языка в общей системе марксистского языкознания 3
А. П. Баранников. Элементы сравнительно-исторического метода в индологической лингвистической традиции 44
Н. И. Фельдман. О специфике небольших двуязычных словарей 62
С. И. Ожегов. О трех типах толковых словарей современного русского языка 85
Н. Ю. Шведова. К вопросу об общенародном и индивидуальном в языке писателя 104

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Ю. С. Сорокин, *А. Ф. Ефремов*, Язык Н. Г. Чернышевского 126

ХРОНИКА И ИНФОРМАЦИЯ

А. С. Чикобава, Г. В. Церетели, В. М. Беридзе. Языковедческая работа в Советской Грузии 138
И. А. Оссовецкий. Вопросы современной белорусской орфографии . . 151
Е. Т. Черкасова. Обсуждение статьи «За творческую разработку проблем языкознания», помещенной в «Правде» 156

Редколлегия:

С. Г. Бархударов, Н. А. Баскаков, Е. А. Бокарев (секретарь редколлегии), *Р. А. Будагов, В. В. Виноградов* (главный редактор), *А. И. Ефимов, Н. А. Кондрашов, Н. И. Конрад, В. Г. Орлова, Г. Д. Санжеев* (зам. главного редактора), *В. М. Филиппова, А. С. Чикобава, Н. Ю. Шведова.*

Адрес редакции: Москва, Волхонка, 18/2, тел. К-4-01-28.

Т-01600 Подписано к печати 11. IV. 1952 г. Тираж 15000 экз. Зак. 145
Формат бум. 70×108¹/₁₆ Бум. лист. 5 Печ. л. 13,70 Уч.-изд. л. 15,3

2-я типография Издательства Академии Наук СССР, Москва Шубинский пер., 10